Теоретические и политические ошибки авторов рецензируемой книги не случайны. Последующий ряд статей одного из соавторов—т. Ташкарова (мы имеем в виду его статью в «Спутнике Коммуниста» № 24 (105) и предисловие к книге «Ленин о колхозе и борьбе с кулаком») также характерен защитой давно осужденных партией троцкистских установок в вопросах хозяйственной политики.

По адресу т. Ксенофонтова авторы написали: «Вы настолько запутались в лабиринте собственного невежества и верхоглядства, что нельзя не посочувствовать вам в этом» (стр. 93). Нам остается предупредить тт. Ташкарова и Эльвова, что это обращение применимо к ним не в меньшей мере, чем к т. Ксенофонтову. Авторам следовало бы (так же как и т. Ксенофонтову) прежде, чем писать «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма», побольше изучать труды Маркса-Энгельса, Ленина и Сталина. Это помогло бы им очиститься от рецидивов троцкизма, так ярко выраженных в рецензируемой работе. Борьба на два фронта требует четкой, непримиримой борьбы с правой опасностью как главной и с троцкистскими и полутроцкистскими настроениями в какой бы завуалированной форме они ни подносились. Совершенно очевидно, что авторы рецензируемой книги этого «экзамена» не выдержали.

Л. МЕХЛИС.

ПОПРАВКА.

В № 7—8 на стр. 106 8-я строка снизу, в примечании опущены следующие слова, пропуск которых извратил смысл примечания. В примечании после слов: «Больше того, как я критиковал положение тов. Бухарина» должно следовать: «что нынешний этап характеризуется как антикулацкая революция и в противовес тов. Бухарину утверждал...». Вся эта часть фразы выпала из набора и потому смысл примечания получился совершенно извращенным.

Главлит № А—54785. Москва. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда", Тверская, 48.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

31 МАЯ 10

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

Адрес редакции: Москва, 9, Тверская, 13. Тел. 4-19-28 [illegible]

№ 10 — 31 МАЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

На великом переломе.

Мы подходим к XVI с'езду ВКП(б) с величайшим переломом в развитии крестьянского хозяйства. «В колхозы пошел середняк» (Сталин—«Год великого перелома»). Весной 1930 г. в решающих зерновых районах страны 40—50% крестьянских хозяйств состоит в колхозах. Весной 1930 года колхозы СССР поднимают 30—35 миллионов га против 20 миллионов га, намечавшихся пятилеткой на весну 1933 г.

«Если конфискация земли у помещиков была первым шагом Октябрьской революции в деревне, то переход к колхозам является вторым и притом решающим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР». (Тезисы к докладу тов. Яковлева).

Это—то решающее новое, с чем партия и страна идут к XVI с'езду.

«Всемирно-историческое значение происшедшего перелома в развитии СССР заключается в том, что значительная часть середняцкой массы в важнейших зерновых районах... повернула на социалистический путь. Тем самым не только теоретически доказана, но и проверена на опыте миллионов людей возможность при диктатуре пролетариата непосредственного перехода от отсталого, малопроизводительного мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства к крупному, коллективному, высокопроизводительному хозяйству». (Тезисы к докладу тов. Яковлева).

История человечества знала до Октябрьской революции лишь один путь к крупному производству. Начав с простого об'единения

труда экспроприированных мелких производителей, через мануфактуру и фабрику, капиталистическое общество развивалось к более высокому уровню производительности труда ценой безжалостного разорения и гибели миллионов самостоятельных производителей.

Весна 1930 г. подводит итог первым достижениям и успехам на новом социалистическом пути обобществления труда мелких производителей.

Развитие сельского хозяйства в СССР и в САСШ представляет яркое различие этих двух путей.

В САСШ огромный рост числа тракторов (1918—18.000, 1929—853.000) и рост сельскохозяйственной продукции сопровождается резким ухудшением положения всей массы мелких и средних фермеров. За 1920—27 гг. из 7 млн. фермеров разорились и совершенно бросили хозяйство почти 1 миллион. Сделавшиеся излишними массы сельскохозяйственных рабочих умножили ряды застойной безработицы. Таков капиталистический путь укрупнения сельского хозяйства в богатейшей из буржуазных стран.

В СССР только первый шаг крупного коллективного производства, основанного пока по преимуществу на сложении крестьянского инвентаря при сравнительно небольшом числе тракторов (около 70 тыс.), при недостатке у колхозных масс навыков совместной работы, — уже позволяет переходить на более высокую ступень производительности труда, приступить к под'ему жизненного уровня масс и к коренному устранению застарелого зла отсталой деревни—аграрного перенаселения.

Всемирно-историческое значение коллективизации также в том, что начало разрешаться одно из основных противоречий переходного периода в СССР. «Нельзя без конца, т.-е. в продолжение слишком долгого периода времени, базировать советскую власть на двух разных основах, на основе самой крупной и об'единенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства». (Сталин). Быстрый рост социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве—развитие колхозов и совхозов — кладет начало уничтожению противоположности между городом и деревней, подведению твердой сырьевой и продовольственной базы под социалистическую индустрию, создает крепкую опору диктатуры пролетариата на селе.

Путь социалистической переделки мелкого производства после пролетарской революции, намеченный еще Марксом и Энгельсом и развернутый и обоснованный Лениным, ныне практически осуществляется борьбой миллионов. Этого не изменяют большие ошибки ряда работников и партийных организаций.

Взаимоотношения с мелкой буржуазией составляют одну из центральных проблем пролетарской диктатуры. Социалистическая переделка мелкого товаропроизводителя означает уничтожение последнего капиталистического класса, уничтожение той базы, которая ежечасно рождает капитализм. Коллективизация является путем радикального разрешения основной классовой проблемы переходного периода после того, как пролетарская революция экспроприировала и подавила класс крупных капиталистов и землевладельцев.

Особенность новой полосы, характеризующей обстановку к XVI с'езду, заключается в том, что происходит быстрое изменение соотношения укладов в хозяйстве СССР. В районах сплошной коллективизации, там, где капиталистический

сектор был наиболее силен и давал значительную часть товарного хлеба (до 30%), колхозы и совхозы быстро замещают капиталистический сектор в сельском хозяйстве. Падает значение мелкого единоличного производства. Социалистическое переустройство начинает (но только начинает) снимать тезис о преобладании мелкого крестьянского хозяйства. Если взять всю страну в целом, оно — мелкое хозяйство — еще численно преобладает. Но в основных зерновых районах оно уже после весны 1930 года не может считаться преобладающим ни по численности охватываемого населения, ни, особенно, по удельному весу в производстве. Если пятилетка намечала для 1932—33 года на долю социалистического сектора 39% товарного хлеба, то фактически уже осенью 1930 года эта доля социалистического сектора будет равняться не менее 50% по всей стране, составляя в зерновых районах подавляющую массу.

Новая обстановка вносит новое и в политику партии в деревне.

Лозунг борьбы с кулаком путем его ограничения сменяется, на основе развертывания сплошной коллективизации ряда районов СССР, новым лозунгом: ликвидация кулачества как класса. Это теперь главный лозунг политики партии в отношении кулачества для всей страны, хотя в районах, где еще нет сплошной коллективизации, и применяется пока политика ограничения и вытеснения — в качестве лозунга подсобного, вспомогательного к главному лозунгу; тем самым подготовляются условия для практического осуществления лозунга ликвидации кулачества как класса во всей стране.

По-новому ставится и вопрос об опоре пролетариата в деревне. В важнейших зерновых районах действительной и прочной опорой советской власти является отныне масса колхозников. Это не значит, что для деревни СССР в целом может быть снят лозунг опоры на бедноту. Отнюдь нет. В деревне мы продолжаем опираться на бедноту, организуя ее как авангард социалистической перестройки оставшейся еще пока неколлективизированной части деревни.

Из того, что в важнейших зерновых районах советская власть опирается на колхозников, вчерашних единоличников—бедняков и середняков,—совсем не следует, что уже стерлись различия между бедняками и середняками внутри колхозов. Такой взгляд был бы вредным упрощением, тем более, что у колхозников сохраняется еще частная собственность на второстепенные средства производства. Наивно полагать, что внутри колхозов, даже после первого сева, всякие колебания и всякие элементы классовой борьбы уже исключены. «Не может не быть элементов классовой борьбы в колхозах, если там сохраняются еще пережитки индивидуалистической или даже кулацкой психологии, если там имеется еще некоторое неравенство». Разумеется, при этом, «только слепые не могут видеть разницы между классовой борьбой на базе колхозов и между классовой борьбой вне колхозов». (Сталин). Именно потому-то работа с беднотой в колхозах, простейших об'единениях и с.-х. артелях,— огромная и серьезная задача. Работа групп бедноты в первичных формах производственных об'единений должна быть решительно улучшена и усилена, поскольку эта работа есть важнейшее условие перехода простейших об'единений на высшую ступень коллективизации.

Но бедняк и середняк перешли в колхозах к общественной собственности на основные средства производства, они находятся внутри колхозов в условиях развивающихся и крепнущих социалистических производственных отношений. Поэтому, хотя сегодня некоторые раз-

личия внутри колхозов еще сохранились, вся масса колхозников является нашей прочной опорой. Таким образом, колхозное движение расширяет и укрепляет опору пролетарской диктатуры в деревне, превращая в районах сплошной коллективизации массы колхозников в основную опору.

Все это ни в коем случае не снимает лозунга союза с середняком. «Переход от хозяйства единоличного к хозяйству коллективному может осуществляться только на основе союза рабочего класса и бедноты с середняком, что обязывает к систематическому привлечению середняков к колхозному руководству»,— тезисы к докладу тов. Яковлева правильно видят в союзе с середняком одно из решающих условий социалистической перестройки сельского хозяйства.

Весна 1930 года является лишь первым этапом в деле социалистической перестройки деревни. Предстоит еще решить огромную задачу организации в колхозы остальной массы единоличников.

Даже в районах сплошной коллективизации, где еще осталась некоторая часть единоличных хозяйств, и особенно во всех остальных районах, где единоличник все еще преобладает, — задача помощи единоличному хозяйству, развитие всех форм кооперации, в том числе первичных производственных об'единений составляет одну из важнейших задач работы. Но в отличие от предыдущего периода нэпа вся эта работа ныне непосредственно подводит бедняков и середняков — единоличников к массовому переходу на колхозный путь.

Самим колхозам предстоит еще целая историческая полоса упорной работы, чтобы превратиться в предприятия последовательно-социалистического типа.

Впереди еще трудные и огромные задачи. Но уже теперь в отличие от предыдущего периода решающее звено в развитии сельского хозяйства фактически переместилось к колхозам и совхозам.

XVI с'езд подводит итог первым двум годам пятилетки. Он собирается на таком рубеже, когда и в развитии промышленности начинается новая, хотя и не столь резко ограниченная, как в сельском хозяйстве, полоса развития.

Прежде всего тот факт, что с 1,6 млрд. руб. капитальных вложений в 1928—29 г., мы перешли к 4 миллиардам в настоящем году и намечаем по предварительным подсчетам перевалить за 5 миллиардов в следующем году, — уже это переводит нас на новую ступень и дает масштабы и темпы, неизвестные в первые годы реконструкции. Мы превысили в 2,5 раза размер основных фондов промышленности, имеющихся к концу восстановительного периода (более 6 млрд. руб. в конце 1925 и более 16 млрд. руб. в 1930 г.). Мы достигаем и в ряде пунктов превышаем цифры ежегодных промышленных вложений самых передовых стран Европы, а кое в чем и САСШ.

Начинают вступать в производство гиганты индустриализации. Открыт Турксиб. В дни XVI с'езда страна увидит первый трактор Сталинградского завода. В предстоящие два года вступит в строй Днепровская станция, гиганты металлургии — Магнитогорский и Кузнецкий заводы, ряд крупнейших машиностроительных заводов и химических комбинатов и т. д. Предстоящий после с'езда хозяйственный год является последним перегоном в выполнении плана Гоэлро.

Достижения двух первых лет пятилетки обеспечивают для отраслей, непосредственно производящих средства

производства, высокие темпы, необычайные для нашей страны, и делают реальным выполнение пятилетки в три года по каменному углю, нефти, общему машиностроению, сельскохозяйственному машиностроению и строительным материалам.

Эти достижения последних лет являются основой дальнейшего роста материального и культурного уровня рабочего класса.

Достигнутый размах в развитии индустрии подводит к постановке в качестве очередной задачи создания второй Урало-Сибирской угольно-металлургической базы. В три предстоящих года пятилетки должна быть заложена основа и даны общие контуры этой новой базы.

В предыдущий период «мы создали предпосылки для превращения нашей страны в страну металлическую» (Сталин). XVI с'езду в его решениях предстоит поднять дело индустриализации на новую ступень, когда еще быстрее пойдет превращение СССР «из страны отсталой, страны аграрной в страну передовую, страну крупной индустрии» (тезисы к докладу тов. Куйбышева).

Последние два года являются огромным шагом вперед страны диктатуры пролетариата в выполнении задачи достичь полной экономической независимости от капиталистических стран.

Мы твердо и быстрыми темпами строим фундамент социалистической экономики. Мы вступили, рассматривая вопрос в исторических масштабах, в решающую фазу выполнения этой задачи.

Каждый новый месяц стройки приводит практическое свидетельство глубочайшей правильности линии партии, победоносно осуществляющей ленинское положение о возможности социалистического строительства в СССР. Вопреки «прорицаниям» троцкистов о термидоре, панике и капитулянтству правых перед кулаком, трудностям капиталистического окружения, надеждам мировой буржуазии и II Интернационала — вопреки всему этому растет и крепнет страна социализма.

Новая полоса связана с нарастанием огромного под'ема и появлением новых процессов в широких массах рабочего класса.

Нынешний этап характеризуется массовым переходом к «новым, социалистическим формам организации труда — социалистическому соревнованию и ударничеству, открывающим новую эпоху в социалистическом строительстве» (тез. т. Куйбышева).

Развиваются и крепнут «ростки коммунистического труда — ударные бригады». «Все большее и большее исполнение различных государственных и общественных обязанностей рабочими от производства по окончании производственной работы,—шефство над госучреждениями, бригады, добровольчество становится серьезным фактором в борьбе с бюрократическими извращениями государственного и хозяйственного аппарата» (тезисы тов. Шверника).

Рабочий класс выделил первый большой отряд на помощь перестраивающейся деревне — «25 тысяч».

За период между с'ездами вошло в партию около 750.000 новых членов, из них не менее 75 проц. рабочих с производства.

Новая полоса потребовала коренной перестройки и методов работы всех организаций, в первую голову профсоюзов. Основным звеном при этом является соцсоревнование и ударничество. Центр тяжести работы профсоюзов переносится в первичные звенья.

Вырабатываются новые методы борьбы с бюрократизмом. Начинается важнейший процесс в развитии пролетарского государства — стирание граней между работниками аппарата управления и работни-

ками производства, попеременное выполнение обеих функций. Новый слой людей с производства выдвигается на государственную работу.

750-ти тысячный приток в партию рабочих с производства — свидетельство величайшей силы партии, одобрение ее политики рабочим классом.

Всякий раз, когда встают новые задачи, когда нужны новые силы для их разрешения, партия обращается к рабочим массам, идет туда, где лежат самые глубокие корни диктатуры. Каждая трудность всегда «выдвигает новые силы, порождает новые источники энергии, указывает новые пути» (Ленин). Сотни тысяч новых членов партии из рабочих с производства — огромный резерв для успешного разрешения проблемы кадров и для лучшего приспособления всех форм и методов партийной работы, партийного руководства к условиям новой полосы социалистического строительства.

Вместе с тем, переход на новую ступень в деле социалистического строительства неизбежно связан с обострением классовой борьбы и рядом новых трудностей роста.

Все усиливающийся и обостряющийся кризис капитализма, на этой основе усиление агрессивности империализма в отношении страны пролетарской диктатуры, состояние финансовой блокады и обострение борьбы с нашим экспортом, повторяющиеся попытки навязать нам войну, единый фронт от папы до вождей Второго Интернационала против СССР — все это требует особого внимания к делу обороноспособности нашего Союза, создания необходимых условий, чтобы обеспечить от военной опасности строительство социализма.

Происходит обострение сопротивления классовых врагов внутри страны. «Кулак еще не добит... Ликвидация кулачества как класса потребует длительной, упорной борьбы с кулаком, систематической работы над проведением коллективизации» (тезисы тов. Яковлева). Одновременно с неослабной напряженностью должна проводиться борьба с вредительством со стороны тех групп из среды старых специалистов, которые до конца связали свою судьбу с судьбой капитализма и которые являются прямыми агентами империализма в стране пролетарской диктатуры. Мы не должны забывать и необходимость самой решительной и последовательной борьбы с мелкобуржуазной стихией, представляющей огромную опасность в деле социалистического строительства.

Наконец, целый ряд неизжитых трудностей в развитии нашего хозяйства,—в области машиностроения, обеспечения энергией, электростроительства, сельскохозяйственного сырья, животноводства и др.— с необходимостью требуют активнейшей борьбы партии, осуществляющей лозунг «догнать и перегнать».

На преодолении этих трудностей XVI с'езд сосредоточит внимание партии, рабочего класса и всех трудящихся.

Нужно помнить в то же время, что все эти трудности — трудности огромного невиданного роста. В бурном темпе строительства создаются средства для разрешения этих трудностей. В такой обстановке требуется и вырастает более высокая организация сил рабочего класса для развертывания по всему фронту социалистического наступления, для успешной борьбы с капитализмом.

Проблема кадров выступает в этом свете как важнейшая задача рабочего класса в развертывании социалистического наступления. В отличие от предыдущих лет центр тяжести вопроса не только в перегруппировке и в подборе, но—и особенно—в создании работников, в выдвижении из масс новых пластов работников социалистического строительства в гораздо более широких масштабах.

Проблема кадров включает и вопрос о командном составе (организаторах, инженерах и техниках) и вопрос о повышении квалификации, а в подавляющей массе и об начальном обучении определенной квалификации сотен тысяч и миллионов людей, впервые приобщаемых к крупному производству. Иначе, наполовину впустую пойдет та передовая техника, на основе которой создаются новые промышленные предприятия и на основе которой происходит широкая перестройка сельского хозяйства. Вопрос о кадрах является, наконец, решающим звеном в деле под'ема качества нашей работы.

Социалистическая стройка мобилизует огромные массы трудящихся, в которых более чем достаточно самоотверженных, горящих огнем энтузиазма и талантливых людей. Сотни тысяч ударников, сотни тысяч передовых колхозников! Сюда нужно устремиться и черпать полной горстью новые и новые резервы, вооружать их техническими знаниями, пониманием основ ленинской линии. На этом пути первая социалистическая республика покажет миру еще более грандиозные достижения.

Партия добилась величайших успехов в деле социалистического строительства на протяжении последних лет благодаря тому, что разгромила контрреволюционный троцкизм, что разбила правых оппортунистов.

Трудности реконструктивного периода, обострение классовой борьбы, бешеное сопротивление кулачества — питают капитулянтскую идеологию и практику правого уклона, являющегося в данный момент главной опасностью в рядах партии.

Правый уклон отражает давление мелкобуржуазной стихии на партию и пролетарскую диктатуру в условиях обостренной классовой борьбы и отчаянного сопротивления капиталистических элементов. Политика отказа от проводимой партией индустриализации, политика отказа от насаждения совхозов и развития колхозов, политика капитуляции перед кулачеством, предлагавшаяся правыми,—может привести лишь к усилению капиталистических элементов и в дальнейшей перспективе — к реставрации капитализма. Правый уклон все более разоблачает себя как кулацкая агентура внутри партии. Вот почему партия направляет главный огонь по правому уклону.

Ошибки «левых» загибщиков льют воду на мельницу правых. Борьба за преодоление «левого» загиба и терпимости к нему есть важнейшее условие борьбы с правым уклоном.

Все установки правых оппортунистов разоблачены партией и жестоко разбиты жизнью.

Бито жизнью положение правых о невыполнимости, о «сверхиндустриалистском» характере наших планов. Максимальный вариант в пятилетке оказался на опыте двух лет минимальным.

Бита жизнью установка правых на развитие легкой промышленности ценой задержки роста тяжелой, с целью приспособления нашего хозяйственного роста к потребительским нуждам единоличника. Мы идем к XVI с'езду с неопровержимыми доказательствами того, что единственно правильный путь разрешения трудностей — это развитие тяжелой промышленности, составляющей основу всего нашего развития.

Борьба, происходившая в стране за эти годы, полностью разоблачила оппортунистическую «теорию врастания кулака в социализм», пораженческую линию правых на развязывание рыночной стихии, на

капитуляцию перед кулачеством. Ныне с полной очевидностью доказано всем ходом развития, что путь разрешения зерновой проблемы, выдвинутый партией, путь колхозов и совхозов, оправдал себя в кратчайший срок полностью. Вопрос о развитии зернового хозяйства ныне можно считать в основном разрешенным. Зерно указывает путь под'ема животноводству и сельскохозяйственному сырью: путь крупного коллективного производства и совхозов.

Потерпев полное идейно-политическое банкротство, лидеры правого уклона оказались вынужденными признать свои ошибки и выдать определенные обязательства партии—в заявлении от 25 ноября 1929 г. Однако, до сих пор эти обязательства не выполнены, до сих пор нет полной ясности в поведении бывших лидеров правого уклона. Вот почему важнейшие организации партии (Московская, Ленинградская, Украинская) пред'явили бывшим лидерам правого уклона требование на деле повести активную и решительную борьбу против правого уклона и примиренчества к нему. Так, например, в резолюции II Московской областной конференции ВКП(б) говорится: «Конференция требует от бывших лидеров правых оппортунистов развернутой большевистской критики своих оппортунистических ошибок и решительной и активной борьбы против всяких попыток правых уклонистов ревизовать ленинскую генеральную линию партии, против всяких наскоков и дискредитации ленинского руководства партии — Центрального Комитета и его политики».

Факт идейно-политического сближения «левых» и правых оппортунистов требует величайшей бдительности и решительности в борьбе на два фронта. Что сближает сейчас «левых» и правых?

В первую очередь стремление дискредитировать партийное руководство и опорочить всю политику партии, попытки взвалить на ЦК вину за ошибки и «левые» перегибы в деле колхозного строительства.

Возможность открытой защиты идейной платформы правого уклона сейчас в значительной степени затруднена, поскольку программа правого уклона разоблачена партией и встретила сокрушительный единодушный отпор. Поэтому правые продолжают свою линию в замаскированных формах.

Своеобразной новой формой ревизии генеральной линии являются, например, утверждения о неподготовленности партии к колхозному строительству и к проведению политики ликвидации кулачества как класса, о том, что партия не была мобилизована, что ЦК и вся партия переоценили возможности и темпы колхозного строительства, что в ошибках отдельных организаций виноват ЦК и т. д. На помощь правому оппортунизму в его замаскированной борьбе выступает теперь п р и м и р е н ч е с т в о, беспринципная терпимость к уклонам от ленинской линии, которое особенно опасно на данном этапе.

Партия решительно разоблачает оппортунистическую маскировку, партия под испытанным руководством ленинского ЦК преодолевает величайшие трудности, лежащие на пути развернутого социалистического строительства, ведя непримиримую борьбу с правым оппортунизмом, как главной опасностью, «левыми» загибами и со всякими проявлениями примиренчества к этим уклонам.

Партия на новом этапе переходного периода подходит к своему очередному с'езду, как никогда, единой и сплоченной вокруг своего ЦК, укрепившая свои связи с массами пролетариата, идейно выросшая и окрепшая в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом.

Об этом убедительно говорят происходящие теперь конференции Московской, Ленинградской Украинской и др. организаций партии, которые развертывают большевистскую самокритику против всех недостатков и слабых мест в строительстве, — полностью и целиком одобряют всю линию и работу и действительно ленинское руководство своего ЦК.

Мы ведем твердо и уверенно наше строительство. Хозяйственный кризис в САСШ, разворачивающийся в мировой кризис, со всей очевидностью подтверждает ту мысль, что полный развал капиталистической стабилизации неизбежен. С этим связаны факты возрастания военной опасности. С этим связан о б щ и й п о д ' е м р е в о л ю ц и о н н о й в о л н ы во всех передовых капиталистических странах, захватывающий все большие массы пролетариата, укрепление секций Коминтерна. Потерпевшая ряд тяжелых поражений китайская революция вновь собирает свои силы и разворачивается. Революционный пожар в Индии сжигает непротивленческую мишуру гандизма, рассеивает иллюзии рабочих и крестьянских масс, закаляя их на решительный бой с английским империализмом.

Открывающийся в ближайшие дни XVI с'езд ВКП(б) обозначит новую и с т о р и ч е с к у ю веху в развитии Советского Союза, в развертывании мировой пролетарской революции, в борьбе двух миров — социализма и капитализма.

Советский Союз — страна строящегося социализма, освещает путь борьбы армиям пролетарской революции в Европе и Америке и отрядам революционной борьбы рабочих и крестьян на Востоке.

М. Островский.

Машиностроение СССР.

Темпы индустриализации страны, задачи коренного переустройства народного хозяйства и в том числе земледелия на новой технической базе, перевод мелкого, разобщенного, индивидуального крестьянского хозяйства на рельсы «современного крупного производства» находятся в прямой зависимости от темпов развития основных отраслей промышленности—тяжелой индустрии и, в первую очередь, машиностроения электропромышленности. «Мы не должны забывать, — говорил Ленин, — что единственной нашей экономической основой может быть крупная машинная индустрия». Только на основе форсированного развития отраслей тяжелой индустрии, отраслей, производящих средства производства и, в первую очередь, машиностроения, могут быть разрешены коренные задачи социалистического строительства, освобождения от капиталистической зависимости и укрепления обороноспособности Советского Союза.

Вот почему именно сейчас, более остро, чем когда-либо, встает вопрос о форсированном развитии машиностроения, как важнейшего звена в деле индустриализации нашей страны. Советский Союз не собирается отгораживаться каменной стеной от всего остального мира, но интересы социалистического строительства настоятельно требуют освобождения от иностранной зависимости и в кратчайший срок в области машин и оборудования. И наши хозяйственные связи с иностранными государствами мы должны использовать, преследуя одну цель—максимальное увеличение хозяйственной и военной мощи Советского Союза и высвобождение от капиталистической зависимости.

Вот почему в тезисах т. Куйбышева к XVI партийному с'езду говорится:

> «Разрешение всех поставленных выше задач, на ряду с задачей технической реконструкции остальных отраслей народного хозяйства и промышленности, возможно лишь при условии и на базе форсированного развития м а ш и н о с т р о е н и я, в особенности станкостроения, электротехнического машиностроения, котло- и турбостроения, дизелестроения, тяжелого машиностроения и т. д. Между тем, несмотря на высокие темпы развития, продукция машиностроительной промышленности является наиболее узким местом в народном хозяйстве, ограничивая тем самым возможности развития как самой промышленности, так и всего народного хозяйства».

В деле постановки собственного машиностроения мы достигли существенных успехов, выражающихся хотя бы в том, что доля импортного оборудования, составлявшая во времена царской России около 50%, сократилась в 1929/30 году на 22—23%. Однако, этими успехами не следует себя успокаивать, поскольку размер импорта оборудования до сих пор, из года в год, по мере развития капитального строительства, все увеличивается, а развитие важнейших отраслей промышленности (металлургия, электрификация, нефть, химия, само машиностроение и т. д.) до сих пор продолжает находиться в сильной зависимости от импортного оборудования

При всем этом ни на один миг нельзя забывать, что мы находимся в обстановке капиталистического окружения, что успехи социалистического строительства в нашей стране на ряду с ростом симпатий к Советскому Союзу со стороны рабочего класса всего мира порождают обострение наших отношений с капиталистическими странами, сопровождающееся с их стороны бешеной травлей и открытой подготовкой к вооруженному походу против государства рабочей диктатуры. Вот почему вопрос о нашей независимости именно сейчас стоит особенно остро и находится в самой непосредственной связи с делом укрепления обороноспособности Советского Союза.

«Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной базы для обороны» (Сталин), дело обороны страны можно обеспечить лишь на базе мощной промышленности (металлургия, топливо, химия и пр.) и в ы с о к о й м а ш и н н о й т е х н и к и, а именно в этой области машиностроению принадлежит решающая роль.

Рабочий класс нашей страны получил в наследство от царской России машиностроительную промышленность, находившуюся на чрезвычайно низком уровне своего развития и развивавшуюся рабскими темпами. Такому положению способствовала вся политика царского правительства, сводившаяся в основном к сохранению России на уровне страны аграрной и вывозящей за границу продукты сельского хозяйства.

Единственными видами машиностроительного производства, выросшими на так называемых «казенных заказах» и «казенных субсидиях», получившими сравнительно большое (с другими частями машиностроения) развитие, являлось машиностроение, связанное с обслуживанием транспорта — паровозо- и вагоностроение, военные поставки и военно-морское машиностроение. В остальном это были, по преимуществу, небольшие заводы самых простых видов машиностроения, в минимальной степени не способных удовлетворить потребность других отраслей промышленности и народного хозяйства.

За годы империалистической войны и последовавшей затем революции и гражданской войны, и эти заводы подверглись значительному разрушению и расстройству. И только с 1924/25—25/26 годов начинается процесс быстрого восстановления машиностроительной промышленности. Как шел по годам истекшего пятилетия этот процесс развертывания машиностроительной промышленности, можно судить по следующим данным:

	Об'ем валовой продукции в млн. рубл. в ценах 1926/27 г.	Рост продукции машиностр. В % к предыд. году	Рост продукции машиностр. В % к 1924/25 году.
1921/25	167	100	100
1925/26	390	284,0	234,0
1926/27	453	116,2	271,3
1927/28	590	130,3	353,4
1928/29	790	134,0	473,1
1929/30	1.250	158,3	749,0

Таким образом, за указанный период выпуск машинотехнической продукции увеличился почти в 7,5 раз, превзойдя темпы развития других отраслей крупной промышленности, увеличивших за этот период размеры годового производства в 3,4 раза. При чем, что особенно важно, начиная с 1926/27 года, мы наблюдаем из года в год ускоряющиеся темпы прироста продукции. Рост народного хозяйства и размах капитальных работ пред'явили за последние два года особенно высокие требования на машиностроительную продукцию, стимулируя тем самым и темпы роста машиностроения. В результате уже в текущем 1929/30 году советское машиностроение далеко оставило позади довоенные размеры производства в 3 с лишним раза,

превысив об'ем продукции 1912/13 года. При чем и, в данном случае, машиностроение обогнало темп роста промышленности в целом, увеличившей свое производство по сравнению с 1913 годом в 2,1 раза. Темпы развития нашего машиностроения в последние годы обгоняют темпы роста производства САСШ и Германии, благодаря чему удельный вес выпуска продукции нашего машиностроения в общем мировом выпуске машинотехнической продукции заметно возрос. Если в 1913 году выпуск машинооборудования в царской России составлял в общем мировом выпуске 3,5%, снизившись к 1925 году до 1,8%, то уже в текущем 1929/30 году удельный вес выпуска машинооборудования нашей страны по отношению к общему мировому выпуску за 1928 г. составляет около 8,5%. А если учесть намечающийся на 1930/31 год об'ем производства по машиностроению, то удельный вес машиностроения нашего Союза составит около 14%, или одну седьмую всего мирового производства! В то время как мировой выпуск машинооборудования за 3 года, начиная с 1925 по 1928 год, возрос на 16%, выпуск машинооборудования наших заводов увеличился примерно за тот же период в два раза, а выпуск 1929/30 года по отношению к 1925/26 г. возрос в три раза. С точки зрения проверки, насколько мы действительно догоняем развитие технически передовых капиталистических стран, рост удельного веса нашего машиностроения в мировом производстве является чрезвычайно важным доказательством наших успехов. И тем не менее, учитывая растущие запросы народного хозяйства нашей страны, мы должны отметить, что в этой области наши достижения все же далеко недостаточны.

Наконец, что необходимо особо отметить, в области машиностроения, мы достигли существенных не только количественных, но и качественно-технических успехов, поставив производство новых более усовершенствованных типов машин и аггрегатов, сыгравших важную роль в деле освобождения страны от импорта оборудования. При чем удельный вес этих новых видов машиностроения, в общем выпуске машинной продукции, в последние годы заметно увеличивается. Новые виды производств машиностроительной промышленности, составлявшие в 1927/28 году—7% (50 млн. р.) в общем выпуске машиностроительной промышленности в 1929/30 г. составляют уже около 20% (или 250 млн. р.), а на 1930/31 г. об'ем новых видов производства увеличивается до 600—650 млн. руб., а удельный вес до 26%.

Но несмотря на сравнительно быстрое развертывание машиностроения и на наличие значительных бесспорных достижений, необходимо признать, что даже эти темпы и успехи в области машиностроения далеко не достаточны и резко отстают от потребности быстро развивающегося народного хозяйства и, прежде всего, от удовлетворения потребности самой промышленности и важнейших ее отраслей.

Между тем директива партии догнать и перегнать в технико-экономическом отношении развитие технически передовых капиталистических стран Европы и Америки и вытекающие отсюда темпы развития народного хозяйства, осуществление лозунга «пятилетка в четыре года» ставят перед промышленностью и перед всей советской страной задачу такого развития внутреннего машиностроения, которое позволило бы на протяжении ближайших лет в основном полностью удовлетворить потребности страны и, в частности, самой промышленности в машинооборудовании за счет внутренних ресурсов, тем самым высвобождая развитие нашей страны от иностранной зависимости и повышая ее обороноспособность.

Машиностроение из узкого места в народном хозяйстве должно превратиться в мощный двигатель индустриализации, способный обеспечить взятый высокий темп развития народного хозяйства и его переустройство на новой технической базе.

Предстоящий 1930/31 год должен стать годом решительного перелома в развитии отечественного машиностроения, именно под этим углом зрения необходимо подойти к составлению народно-хозяйственного плана развития на ближайший год, проверить прежние и составлять новые планы капитальных работ и, в частности, план капитального строительства машиностроения. Предварительная работа, проделанная по составлению контрольных цифр на будущий год, показывает, что размер производства по машиностроению с 1.250 млн. руб. текущего года возможно будет довести не менее чем до 2,5 [1]) млрд. рублей (в ценах 1926—27 года), увеличив тем самым его об'ем в два раза. При чем этот об'ем производства должен быть достигнут работой действующих заводов, так как ни один из вновь строящихся заводов, подлежащих окончанию в 1930/31 г., еще не успеет дать сколько-нибудь заметного размера продукции. Результаты работы новых заводов начнут сказываться лишь с 1931/32 г., когда в действие войдут новый Уральский завод тяжелого машиностроения, новый Краматорский, 3 новых станкостроительных и некоторые другие заводы.

Необходимо отметить тот факт, что машиностроительная промышленность уже в будущем 1930/31 году при условии выполнения размера валовой продукции в сумме 2,5 млрд. рублей перевыполнит свою пятилетку, предполагавшую только в 1932/33 году довести производство до 2,1 млрд. рублей. При этом перевыполнение пятилетки будет осуществлено без участия новых заводов, которые, по расчетам пятилетнего плана, должны были дать в 1932/33 г. валовой продукции на сумму не менее 250 млн. рублей.

Следующая ниже таблица показывает примерное распределение выпуска машиностроения на основные группы.

Разме[illegible] роста валовой продукции осн[illegible]вных гру[illegible]п машин[illegible]строения по к[illegible]нтр. ц[illegible]фр[illegible]м на 193[illegible]/31 г (предв. р[illegible]сч. в цен. 1926/27 г.)

Наименование группы	[illegible]пуск вал. [illegible]род по про[illegible]рамме 1929/30 г. (в млн. р.)	По конт[illegible]. цифрам 19[illegible]0/31 г. (в млн. р.)	Рост [illegible]родукц. 1930/31 г. в % к 1929/30 г.
П[illegible]движн. с став ([illegible]аровозы, вагоны)	210	580	242
Трактора	70	160 [1])	229
Швейные машины	65	90	138
Речное судостр.	40	75	187
Разн. мелкие	171	245	14[illegible],5
Итого	586	1.150	196
Машинооборудование	6[illegible]	1.[illegible]50	200,4
Всего	1.250	2.500	200,0

Из приведенной таблицы видно, что группа оборудования подвижного состава увеличивается в 2,4 раза, а группа машинооборудования в два раза, при чем в самой группе машинооборудования наибольший рост намечен по ряду важнейших, преимущественно новых, видов машиностроения.

Такой огромный скачок в развитии машиностроения с весьма сложной номенклатурой изделий, на протяжении одного года становится возможным и вполне реальным благодаря наличию в машиностроении огром-

[1]) В эту сумму не входит возможный выпуск машинооборудования по линии предприятий и цехов других отраслей промышленности (не входящих в состав машиностроения), который может составить цифру в 250—300 млн. руб.

ных неиспользованных производственных резервов. Как на основные источники резервов развертывания машиностроения можно указать на следующие: реализация затрат по реконструкции действующих заводов; полный перевод на непрерывную работу всех цехов и заводов машиностроения (в текущем году фактически на непрерывку без остановки станков будет переведено всего около 50—60% рабочих); переход на многосменную работу, используя 3-сменную работу в заготовительных цехах и 2-х и 3-сменную работу в механо-сборочных цехах (в настоящее время машиностроительные заводы работают со средним коэфициентом сменности около 1,5—1,6). Широкое развертывание работ по рационализации рабочих процессов (сокращение производственного цикла при изготовлении изделий) и по переводу заводов на серийные виды явится важнейшим фактором в увеличении продукции. Так, например, произведенные подсчеты по Коломенскому заводу показывают, что при переходе на меньшее количество типов дизелей и укрупнении их серийности завод значительно увеличил свой выпуск также по металлическому заводу. К источникам резервов развертывания машиностроения относятся также некоторые добавочные капитальные работы, идущие на расшивку узких мест, препятствующих переводу всех основных частей работы на многосложную и непрерывную работу и на установление правильных производственных соотношений между отдельными частями завода; усиление и рационализация заготовительных цехов, являющихся наиболее узким местом машиностроения; использование резервов по линии республиканской и мелкой промышленности, являющихся весьма ценным дополнением к крупной машинной промышленности и обладающих мало использованными производственными возможностями.

Для достижения такого увеличения производства необходимо, чтобы все резервы машиностроения были своевременно мобилизованы. А это потребует колоссального напряжения всей работы хозяйственных и профессиональных организаций в центре и особенно на местах и, прежде всего, своевременного доведения задания до заводов и цехов, организовав тщательную проработку задания совместно с производственными совещаниями. Такие факты, как установление возможности только за счет увеличения сменности повысить минимум в две раза выпуск продукции ряда крупнейших предприятий СССР, или установление возможности на ленинградской группе заводов Судоверфи производства 24 вращающихся цементных печей, заказываемых до сих пор за границей (5—6 млн. руб. валюты) и т. д., — эти факты с достаточной яркостью требуют сосредоточения особого внимания партийных, хозяйственных, профессиональных организаций и всего рабочего класса на задаче вскрытия и использования имеющихся резервов нашей машиностроительной промышленности.

В борьбе за новые темпы машиностроения надо учесть недостатки выполнения плана текущего года, в основном сводящиеся к несвоевременному доведению плана до цеха и аггрегата и в слишком позднем развертывании производства на темп, предусмотренный планом. Необходимо уже сейчас в III и особенно в IV квартале развернуть на заводах и в цехах должную работу в масштабах, позволяющих выйти к началу нового хоз. года с такими темпами развертывания производства, которые обеспечивают нормальный ход выполнения годового плана.

Особое внимание и средства должны быть обращены на своевременную подготовку кадров рабочих, ибо по этой линии в будущем году мы будем иметь наибольшие трудности в деле выполнения намеченного плана.

Намеченный на 1930/31 г. об'ем производства не является тем пределом, до которого могут быть доведены существующие машиностроитель-

[1]) В эту цифру входят тракторы «Красного Путиловца» и Харьковского завода

ные заводы. Производимая сейчас работа по уточнению заданий отдельным заводам показывает возможность увеличения выпуска продукции при правильном и своевременном проведении необходимых мероприятий по подготовке производства и специализации заводов.

Переработка пятилетки машиностроительных заводов показывает, что при форсировании реконструкции существующих машиностроительных заводов можно довести их мощность в 1932/33 году до 5 млрд. руб., что в два раза превосходит намеченный на 1930/31 г. выпуск; однако, это мыслимо при условии ликвидации в результате реконструкции не только узких мест, но и той диспропорции цехов, которая тормозит развитие существующих заводов. Основная диспропорция заключается в том, что механические и сборочные цеха наших заводов могут выпускать гораздо больше того, что им могут дать заготовительные цеха: кузнечный, сталелитейный, чугунолитейный.

В самом деле, сделанные предварительные производственные расчеты показывают, что по реконструируемым машиностроительным заводам для увеличения выпуска в 32/33 году до 5 млн. руб. мы получаем потребность в чугунном литье на этих заводах около 1.100 т. тонн, в стальном литье — 600 т. тонн, в поковках — 700 т. тонн. Между тем, мощность существующих заводов, по предварительным подсчетам, составляет по чугунному литью около 400—500 т. т, по стальному литью около 250 т. т и по поковкам около 260 т. тонн.

Ясно, конечно, что капитальные затраты надо в первую очередь направить на усиление заготовительных цехов. Надо также иметь в виду, что потребности строящихся новых заводов увеличат существенно спрос на литье и поковки, поэтому необходимо к первоочередным задачам отнести строительство таких мощных заготовительных цехов, какими являются Сормовская фасоносталелитейная и кузница, Коломенская, Ленинградская чугунолитейная кузница, фасоносталелитейная Луганского завода и ряд других.

Все перечисленные выше практические мероприятия необходимо обеспечить быстрым, решительным и настойчивым выполнением.

Директивы предстоящего XVI с'езда партии должны быть направлены к тому, чтобы обеспечить необходимый размах развития внутреннего машиностроения, в особенности, по линии обслуживания транспорта и ведущих отраслей промышленности (черная и цветная металлургия, нефть, каменноугольная и рудная, химия, лес, производство дизелей, компрессоров насосов, оборудование промышленности стройматериалов, строймеханизации, оборудование для механизации внутризаводского транспорта и погрузочно-разгрузочных средств), электрификации (котло-турбинное дело) и, в частности, развития станкостроения, обеспечивающего воспроизводство средств производства. Планы развития машиностроения должны быть направлены в первую очередь на развитие таких видов производства, которые идут на удовлетворение потребности отраслей промышлености, наиболее зависящих от импорта оборудования из-за границы.

Необходимость технически перевооружить народное хозяйство нашей страны на базе новейших достижений науки и техники ставит перед машиностроительной промышленностью необходимость решения не только количественных, но, что особенно важно подчеркнуть, ряда качественных технических задач. Мы должны немедленно развернуть работу по увеличению производства уже технически освоенных новых видов машиностроения, переходя на массовое и крупно-серийное их изготовление. Не ограничиваясь достигнутыми результатами, надо бросить главное внимание и силы на расширение и увеличение во много раз круга и числа производства новых видов и типов машин и аггрегатов, отвечающих новейшим достижениям мировой техники и способным действительно дать народному хозяйству и промышленности новые

средства производства, не уступающие соответствующим новейшим образцам, изготовляемым за границей, так как только при этом условии можно всерьез говорить о техническом перевооружении, двигающем вперед развитие страны на уровне высокой техники. Это обстоятельство должно являться важнейшим фактором в развитии машиностроения, ибо страна нуждается не в простом количественном увеличении машин (ряд машин, изготовляемых на наших заводах, является морально устаревшими образцами, не отвечающими современным требованиям), а, главным образом, в развитии производства таких машин, орудий и аггрегатов, которые бы не тормозили, а решительно двигали вперед технику нашей страны. Наглядным примером, иллюстрирующим отставание машиностроения, могут служить следующие случаи из практики даже самой металлопромышленности: нашим реконструирующимся и новостроящимся заводам необходимы мощные прессы и молота, тогда как наши заводы изготовляют только маломощные машины. Новым заводам черной металлургии нужны блюминги и непрерывной прокатный стан, а наши заводы их не изготовляют. Вновь строящимся машиностроительным заводам (авто,-тракторным, сельмаш. и проч.) нужны быстроходные станки, работающие от собственного мотора, а наши станкостроительные заводы дают в большинстве тихоходные станки и работающие от общей трансмиссии. Таких примеров в практике нашего хозяйства можно найти немалое количество.

Развитие новых видов машиностроения, новых типов и конструкции машинооборудования важно не только с точки зрения технического перевооружения нашего хозяйства, но и для того, чтобы действительно, на деле, в короткий срок сократить импорт оборудования. А это можно сделать лишь при условии расширения производства машин новейших конструкций, могущих заменить импортное оборудование, не снижая, а повышая технику производства. Наши действующие и вновь строящиеся заводы должны быть приспособлены и уметь полностью оборудовать важнейшие отрасли промышленсоблены и уметь полностью оборудовать важнейшие отрасли промышленности и народного хозяйства от начала и до конца, вплоть до самых основных и наиболее ответственных частей оборудования предприятий, при чем на первое время необходимо выписывать из-за границы лишь некоторые из тех частей и детали изготовляемого оборудования, с которыми наши заводы еще не сумели справиться.

Чтобы иметь возможность построить указанный выше план развития машиностроения, необходимо потребителям машинооборудования совместно с поставщиком оборудования выявить (по отдельным видам) длительную на ряд лет (3—4 года) потребность каждой отрасли промышленности и народного хозяйства. Таким путем следует своевременно подготовить отечественные заводы и обеспечить, в первую очередь, их загрузку длительными серийными или массовыми заказами, оставляя, как правило, для импорта заказы на единичные машины или отдельные детали к машинам, рационализируя тем самым импорт оборудования и превращая его в дополнение к основному внутреннему производству. Эта важнейшая часть работы хозяйственных организаций является прямой обязанностью не только машиностроения, но и самих потребителей в машинооборудовании. Между тем на практике мы встречаемся с большой косностью потребителей, стремящихся обязательно вынести заказы оборудования за границу даже тогда, когда наши заводы могут изготовить тот или иной станок или машину.

Для устранения безобразных случаев, имеющих место в области импорта, необходимо установить персональную ответственность для лиц, пред'являющих необоснованные требования на импорт и завозящие такие изделия, которые могут быть с успехом изготовлены на наших отечественных заводах. Однако, главным являются все же не столько ошибки потребителей, сколько неподготовленность, а иногда и просто неповоротливость самой машиностроительной промышленности. В деле обслуживания потребителей примером для наших заводов может служить ряд иностранных машиностроительных фирм в Германии и Америке. Многие из иностранных машиностроительных заводов или трестов специально следят (имея для этого специальных лиц) за работой своих машин на месте их установки и изучают малейшие изменения в технике производства той отрасли, для которой они изготовляют машины. Тем более диким кажется тот разрыв, который существует в наших, советских условиях между поставщиком и потребителем. Нам необходимо наладить без промедлений самую тесную техническую связь между потребителями и заводами, изготовляющими машины. Наши заводы должны постоянно изучать работу своих машин, внося те или иные конструктивные изменения. Необходимо в ближайшее же время провести практические меры по усилению конструкторских аппаратов наших заводов и трестов, по созданию мощных специальных конструкторских групп и наряду с этим повести решительную борьбу с косностью технической мысли, сковывающей инициативу многих наших заводов. Правильно было бы установить специальные премии для тех заводов и заводских работников, которые в короткие сроки сумели наладить у себя новые виды машиностроения.

Советское машиностроение сумеет справиться со стоящими перед ним грандиозными техническими задачами, при обязательном условии более смелого и широкого привлечения использования иностранного технического опыта как в форме договоров о техническом содействии, приобретении готовых чертежей, так и по линии привлечения для непосредственной работы в нашем союзе иностранных специалистов (инженеров, техников, мастеров и рабочих). Иностранные специалисты должны быть, по преимуществу, привлечены для работ в конструкторских аппаратах и по налаживанию новых видов производства. Чрезвычайно важную роль в деле конструирования опытной проверки новых машин, приспособления иностранных образцов к нашим нуждам и практической помощи заводам должен сыграть недавно организованный Институт машиностроения; этот Институт надо превратить в мощную лабораторию советского машиностроения.

В текущем году в качестве практической меры по усилению машиностроения президиум ВСНХ решил увеличить по машиностроительным заводам об'ем капитальных работ на сумму 80 млн. рублей (сверх 270 млн. руб., имевшихся по основному плану). Значительная часть этих средств направляется на усиление заготовительных цехов и расшивку так называемых узких мест, препятствующих максимальному использованию производственных резервов машиностроения. Необходимость быстрого развертывания машиностроения требует форсирования и реконструкции крупнейших действующих заводов (Сормово, Коломна, Луганск, «Красный Профинтерн», Харьков) и строительства новых заводов. Поскольку темпы развертывания машиностроения в следующие годы (1931/32, 1932/33 и далее) в значительной мере зависят от об'ема капитальных работ 1930/31 года, необходимо в плане будущего года предусмотреть такой об'ем капитальных работ, который позволял бы не только удовлетворить потребности реконструкции крупнейших действующих заводов, играющих решающую роль в общем выпуске машинотехнической продукции (достаточно сказать, что крупные действующие заводы Союза должны дать в 1932/33 году не менее 3,5 млрд. руб.), но вместе с тем и обеспечивал бы окончание продолжаемых строительством новых заводов и начало строительства некоторых крайне необходимых вновь начинаемых новых заводов. К важнейшим об'ектам нового строительства следует отнести такие заводы, как Свердловский машиностроительный на Урале и новый Краматорский, призванные сыграть главнейшую роль в деле реконструкции черной и цветной металлургии,—заводы

дробильно-размольных машин (необходимые для нужд химической и строительной промышленности), строящиеся 3 новых станкостроительных завода, завод шарико- и роликоподшипников. К главнейшим об'ектам нового строительства, к которому необходимо приступить не позже 1930/31 г., следует отнести завод геолого-разведочного оборудования, завод по производству оборудования каменноугольной и рудной промышленности (в Кузбассе или на Урале), завод по производству оборудования для химической промышленности.

Реконструкция действующих заводов не должна затемнять, а, наоборот, должна предусматривать максимальное использование действующего основного капитала машиностроительных заводов. Огромное большинство действующих заводов, полученных нами от старых хозяев, представляют собой примеры того, как не надо строить и организовывать машиностроение. Крупные заводы страны являют собой пример замкнутого хозяйства, в то время как правильные принципы организации машиностроения заключаются в построении заводов на основе их специализации и разделения труда между заготовителями (чугунолитейными, сталелитейными, ковочными и заводами полуфабрикатов) и механо-сборочными заводами и на основе широкого кооперирования заводов между собой. Основная идея реконструкции действующих заводов на ряду с максимальным увеличением выпуска (при максимальном использовании действующего основного капитала) должна как раз сводиться к установлению возможно узкой специализации заводов и их кооперированию между собой. Тем более все это относится к строительству новых заводов, где указанные выше принципы могут получить наиболее полное осуществление. Какую исключительную роль играет кооперирование между заводами, видно из того, что ни один машиностроительный завод, пожалуй, во всем мире не изготовляет (а многим, даже крупным заводам, это и не под силу) да и не должен изготовлять от начала и до конца такие, например, изделия, как блюминг для черной металлургии, крекинги, полное оборудование химического комбината и множество других изделий, но, изготовление ряда сложных машин и агрегатов можно с успехом наладить, при условии расчленения этих сложных изделий на отдельные составные части (литье, поковка, механическая обработка, получение готовых деталей и, наконец, сборка) и распределения работ между рядом заводов, каждый из которых обладает необходимым оборудованием и другими производственными резервами (соответствующие площади, крановое оборудование и проч.). Однако, огромное преимущество, вытекающее из кооперирования заводов, нами используется в далеко недостаточной мере, хотя условия планового хозяйства этому открывают широкие возможности. Не менее важные задачи перед машиностроением стоят и в области технической рационализации производственных процессов, увеличивающих пропускную способность заводов. К ним относятся: применение системы «потока», применение конвейеров в сборке; механизация межцехового и цехового транспорта; усовершенствованные методы производства по линии установления штамповки вместо ковки; литье под давлением; применение газа и электросварки; улучшение методов работы заготовительных цехов; переход на машинную формовку вместо ручной и т. д.

Развитие внутреннего машиностроения тесно связано с созданием мощной металлургической (черной и цветной) базы. Между тем металлургия отстает от потребностей страны. Это обстоятельство диктует необходимость максимального форсирования развития металлургии и строительства новых металлургических заводов (Магнитогорск, Кузнецк, Керчь) и, в частности, заводов качественного металла (Ниж.-Тагил, Днепросталь) и на ряду с этим ускорение реконструкции так называемой малой металлургии, в основном удовлетворяющей потребности машиностроения по линии качественного металла. Однако, наличие отставания черной металлургии от потребностей страны не должно служить основанием для сдерживания темпов развертывания машиностроения, поскольку не развитие машиностроения надо равнять на узкое место, каким является в нашей стране металл, а наоборот, делать все необходимое для решительного подтягивания металлургии к запросам развивающегося машиностроения. По линии же машиностроения надо развертывать более быстро те виды производства и заводы, в задачи которых входит производство оборудования для металлургических заводов, ибо совершенно ясно, что если мы могли бы сегодня, не прибегая к импорту (в тех размерах, как это потребовалось), обеспечить реконструкцию действующих и строительство новых металлургических заводов внутренним машинооборудованием гораздо больших размеров, чем мы сегодня можем дать физически, реконструкция металлургии могла бы быть значительно ускорена, так как главнейшим лимитом этого является импорт.

Как и во всем развитии народного хозяйства нашей страны, исключительное значение в решении задач нашего машиностроения имеет проблема кадров рабочего и технического персонала, с той лишь разницей, что для машиностроительных заводов вопрос о кадрах квалифицированных рабочих стоит еще более остро, чем в ряде других отраслей, т. к. машиностроение, как правило, нуждается в более квалифицированных людских кадрах. Достаточно сказать, что для выполнения сильно расширенной программы будущего 1930/31 г. необходимо вовлечь на производство не менее 50 тыс. новых рабочих, а для следующих 2-х лет необходимо будет подготовить около 120—150 тыс. рабочих-металлистов. Потребность в техническом персонале исчисляется по пятилетию не менее чем в 25—30 тыс. новых инженеров и техников. Острота вопроса требует принятия немедленных и решительных мер. Основные из них должны быть направлены на развертывание подготовки через школы ФЗУ и школы массовых профессий и учебных баз ЦИТ'а, на ряду с этим особое внимание надо обратить на расширение системы переподготовки взрослых рабочих (краткосрочные курсы, заочное обучение и проч.) и передвижку их с менее квалифицированных на более квалифицированные работы, сопровождающиеся соответствующей переквалификацией. Вполне своевременно поставить сейчас вопрос о привлечении на работу в заводы некоторых групп кустарей; в нашей стране насчитывается около 400 тыс. [1]) кустарей-металлистов, из которых около 80 — 90 тыс. человек об'единены в артели, при чем многие из них являются в прошлом заводскими рабочими, ушедшими в голодные годы с завода. По квалификации эти группы в ряде случаев стоят не ниже заводских рабочих.

Необходимо в короткий срок ВСНХ совместно с промысловой кооперацией разработать практические меры по переквалификации и переводу кустарей на заводы. В области подготовки технического персонала необходимо на ряду с развертыванием существующих втузов и техникумов форсировать строительство новых, при этом особое внимание и средства следует отдать делу переподготовки практиков, которых в машиностроении насчитывается около 5 тыс. человек.

Развитие машиностроения в СССР является не ведомственной задачей и не задачей только одной промышленности. Развитие машиностроения обеспечит взятые высокие темпы индустриализации страны и социалистической перестройки всего народного хозяйства СССР.

Развитие машиностроения является, поэтому, исторически важным делом всей партии и рабочего класса СССР.

---

[1]) Около 250 тыс. человек находится в деревнях (кузнецы и пр.); значительная часть из них должна будет уйти в ремонтные базы, колхозы и совхозы.

М. Рафаил.

Профсоюзы в эпоху социалистической реконструкции.

(Из опыта ленинградских профсоюзов).

На новом этапе.

Эпоха социалистической реконструкции выдвигает целый ряд новых задач перед всеми организациями рабочего класса. В эпоху реконструкции коренным образом меняется соотношение классовых сил в стране, формы и методы социалистического строительства. Гигантски возрастает место заводов и фабрик в общественной жизни страны. Нарождаются новые формы активности рабочего класса и всех трудящихся, видоизменяются методы мобилизации масс на проведение генеральной линии партии, на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. В эту эпоху непосредственно решается проблема создания более высокой, по сравнению с капиталистическим обществом, системы производительности труда. Пролетариат создает условия и почву для ликвидации вековых противоречий между городом и деревней, для ликвидации кулачества как класса, для перевода миллионов и десятков миллионов мелких крестьянских хозяйств на социалистические рельсы.

В реконструктивный период совершается радикальный переход от более простых к наиболее сложным задачам социалистического строительства, радикально меняется метод подхода к массам, овладения массами, руководства массами и воспитания масс, вовлекаются все новые и новые миллионы трудящихся в непосредственное участие в социалистическом строительстве, в борьбу за социализм. Отсюда сильно повышается роль профсоюзов, как самой широкой организации рабочего класса, как школы коммунизма.

На XVI с'езде нашей партии поставлен вопрос о профсоюзах. Партия пролетариата, идущая во главе социалистической революции, всегда уделяет исключительное внимание проблемам профессионального движения. На IX, X, XI, XIV с'ездах, на целом ряде партийных конференций многократно ставились вопросы профдвижения.

Ленинское учение о роли профсоюзов при пролетарской диктатуре сложилось в борьбе с анархо-синдикалистскими и троцкистско-меньшевистскими уклонами. Теперь находятся «теоретики» (типа Ярроцкого), опошляющие ленинское учение о профсоюзах. Ленин, говоря о роли профсоюзов, рассматривает процесс развития пролетарской диктатуры в целом, во всем его многообразии, определяет место и роль профсоюзов в системе пролетарской диктатуры. Одна из особенностей ленинского подхода к профсоюзам — не отвлеченная, а конкретная постановка вопросов профдвижения.

История учит, что не было ни одной оппозиционной группировки в нашей партии, которая не затрагивала бы вопросов профессионального движения. Троцкистская оппозиция на X с'езде, демократический централизм, бухаринский «буфер», рабочая оппозиция, об'единенная троцкистско-зиновьевская оппозиция после XIV с'езда, наконец, правый уклон в ВКП(б), — всякая оппозиция, ведя борьбу против ленинской политики партии, неизбежно ставила вопрос о роли профсоюзов. Партия накануне XVI с'езда должна снова и снова обратить внимание на историю фракционной борьбы на различных этапах нашего развития, снова вникнуть в уроки борьбы ленинизма против всяких оппортунистических шатаний и извращений. Если в 1920 г. Троцкий предлагал форсированным маршем «сращивать» профсоюзы с хозорганами, то к XV конференции крики троцкистско-зиновьевской оппозиции о «перерождении» профсоюзов вытекали из троцкистского понимания пролетарской диктатуры.

Если троцкисты не поняли значения и роли профсоюзов при переходе к новой экономической политике, то правые уклонисты не поняли роли профсоюзов в реконструктивный период.

Правые уклонисты совершили на новом этапе глубокую ошибку в оценке роли профсоюзов. Тот, кто не видел классовых сдвигов, происходящих в стране, тот не мог понять роль массовых организаций в реконструктивный период. Когда партия поставила вопрос о перестройке профсоюзов, об укреплении руководства профсоюзами, правые оппортунисты оказали этому бешеное сопротивление. Когда партия поставила задачу решительной борьбы с чиновничьим отрывом от масс, правые увидели в этом покушение на «священные» права забюрократившихся сторонников цеховщины и тред-юнионизма в профсоюзах. Когда партия направила огонь против тред-юнионистской закостенелости и кастовой замкнутости отдельных профсоюзных групп, правые подняли вой о «троцкистском перетряхивании» профсоюзов. В тезисах тов. Шверника к XVI с'езду, одобренных политбюро ЦК ВКП(б), дается исчерпывающая характеристика роли и позиции правых уклонистов. Тезисы отмечают, что правые вели «опаснейшую антиленинскую линию на противопоставление профсоюзов партии (Курсив мой. *М. Р.*), что: «оппортунистическое руководство ВЦСПС по всем коренным вопросам профессионального движения на новом этапе заняло антиленинскую правоуклонистскую позицию»...

Вот подробная выдержка:

«Оппортунистическая руководящая группа старого состава ВЦСПС не только не оказалась способной понять задачи пролетарской диктатуры в реконструктивный период и вытекающие из них задачи профдвижения, но и оказала сопротивление партии в перестройке работы профсоюзов и устранении их крупнейших недостатков, ярко обнаружившихся в момент развертывания социалистического наступления. Извращая линию партии в профсоюзах, оппортунистическое руководство ВЦСПС по всем коренным вопросам профессионального движения на новом этапе заняло антиленинскую правоуклонистскую позицию.

Выражая тред-юнионистские тенденции, оппортунистическое руководство ВЦСПС фактически вело курс на ослабление партийного руководства профдвижением, вело опаснейшую антиленинскую линию на противопоставление профсоюзов партии.

Эта позиция была совершенно правильно, по-ленински осуждена ЦК партии и подавляющим большинством коммунистов-работников профдвижения, которые еще теснее сплотились вокруг своего большевистского ЦК (фракция VIII с'езда профсоюзов, пленума ВЦСПС, пленумов ЦК союзов, местных союзных органов и т. д.).

Профсоюзы, под руководством партии, сменив обанкротившихся вождей, развернули решительную борьбу с элементами тред-юнионизма и оппортунизма в профдвижении.

XVI с'езд считает необходимым продолжение энергичной борьбы с элементами тред-юнионизма и оппортунизма в профдвижении, давая в то же время отпор анархо-синдикалистским и полутроцкистским уклонам».

Чрезвычайно характерно, что своеобразное противопоставление профсоюзов партии было сделано лидером правых тов. Бухариным в тезисах «буфера» ранее к X с'езду партии. В 1920 г. Бухарин предлагал, чтобы профсоюзы выдвигали «обязательные кандидатуры» в состав ВСНХ. Известно, что Ленин оценивал это предложение Бухарина, как «разрыв с коммунизмом». (Курсив мой.—*М. Р.*). На новом этапе в другой форме повторяется—со стороны правых—попытка противопоставить профсоюзы партии. Вряд ли можно считать случайным, что на протяжении периода примерно в десять лет, мы встречаем у Бухарина как теоретика и главы правых второй раз рецидив одной и той же ошибки. Каждый раз в основе этих ошибок лежал неправильный подход к пролетарской диктатуре, не диалектическая, а эклектическая постановка вопроса.

Под руководством Центрального Комитета, при поддержке основных кадров профдвижения, партия быстро ликвидировала ошибки правых в профсоюзах. Но глубоко неправильно думать, что на нынешнем этапе можно ослабить борьбу с правым уклоном. У правых уклонистов теоретически крепко увязаны линия на торможение темпов индустриализации и коллективизации и защита тред-юнионистских тенденций в профдвижении; «осторожный» подход к кулаку и прикрывание бюрократических, консервативных элементов в профаппарате; разговоры о «размычке» (1928—1929 г.) с попыткой «спасти» профсоюзы от руководства партии, ослабить партийное руководство профдвижением. Не случайно во всей концепции правых увязывались такие «разнородные» элементы, которые, по существу, вытекали из пессимизма, паники перед трудностями, неверия в возможность построения социализма в одной стране, неверия в силы рабочего класса.

Правые видели в деревне только кулака, мелкобуржуазную стихию, окружающую партию, видели капиталистическое окружение, видели чиновника в аппарате,—они не заметили, что середняк поворачивает в колхозы, что в деревне происходит гигантский сдвиг на почве индустриализации страны, что рабочий класс сильно укрепил в своих руках командные высоты, что капиталистическое внешнее окружение — гнилое и стабилизация все больше расшатывается. Правые сделали ряд ошибок, связанных с неверной оценкой движущих сил революции. Поэтому правые начали ревизовать ленинизм в области профдвижения.

Правые оппортунисты тормозили перестройку профсоюзов. События последних месяцев показали, что правооппортунистическая практика очень живуча и находит своих сознательных и бессознательных сторонников. Можно привести сотни примеров, когда перестройка профсоюзного аппарата встретила насмешки со стороны многих старых аппаратчиков, как это было и в ленинградских профсоюзах. При перевыборах завкомов по союзу металлистов на некоторых крупнейших заводах (даже на «Красном Путиловце») были выпущены аполитичные отчеты, ставившие важнейшие вопросы профработы вне связи со всей борьбой партии за генеральную линию. Известны многие случаи выступления профессионалистов против нынешних темпов развития индустриализации. А случаи разложения целых звеньев профаппарата, зажима самокритики, зажима профсоюзной демократии (шахтинское, смоленское, астраханское и др. дела), которые имели место даже во время последних перевыборов фабзавместкомов по союзу металлистов по ряду заводов, — разве они не характеризуют наличие правооппортунистических элементов? Мы не говорим уже о политической недооценке социалистического соревнования и ударничества. Есть горе-руководители, мечтающие о временах, когда жили «мирно», декламирующие о «подрыве авторитета» профсоюзов, ищущие покоя, жизни без чисток и без самокритики. Таким руководителям не понять природы правого оппортунизма. Правый уклонист гибок. трудно уловим, часто хитер, не столько говорит, сколько делает правые дела. С правым оппортунизмом как с главной опасностью и с примиренчеством к правому оппортунизму нельзя ни на одну минуту ослаблять самой жестокой и решительной борьбы.

Но существуют и «левые» загибы. Известные положения тов. Гегечкори, прикрытые архиреволюционным лозунгом-заголовком «От тред-юнионистской ограниченности к классовой политической борьбе» — были, по сути дела, явно оппортунистическими, отрицавшими роль пролетарского государства, как организатора социалистического производства. Гегечкори писал:

«Деспотизм капитализма — единоличие советского заводоуправления— снимается законом о производственных совещаниях и назначении председателя производственного совещания заместителем директора завода... Растворяется власть директора, она становится «лишней»... Не говорят ли все эти факты о том, что из профессиональных союзы превращаются в производственные...». («Наша Газета», № 217, 21 сентября 1929 г.).

С этими своими архилевыми по форме, явно оппортунистическими по существу положениями, тов. Гегечкори очень далеко откатился от ленинских установок.

Но сейчас речь идет не только об этих общеизвестных полутроцкистских предложениях, выдвинутых некоторое время тому назад тов. Гегечкори. Речь должна сейчас итти о новых разновидностях «левых» загибов. Есть ряд товарищей, которые не видят разницы между партией и профсоюзами и считают, что нужно так перестроить профсоюзы, чтобы методы и формы работы целиком совпадали с методами и формами работы партийных организаций. Эта разновидность «левых» еще недостаточно показала свое лице. Если правые, подчеркивая задачи профсоюзов в области улучшения материального положения и быта рабочих и т. д., забывают роль профсоюзов в организации производства и во всем хозяйственном строительстве, роль исключительно важную в данный период социалистической реконструкции,—то «левые», наоборот, недооценивают, не понимают, что одной из основных задач профсоюзов и на данном этапе является отнюдь не отпавшая задача улучшения материального положения и быта рабочих, удовлетворение всесторонних запросов рабочего класса. Если правые нередко полагают, что партия должна заниматься политической работой, а профсоюзы узким культурничеством и заботой об отдыхе рабочих, то «левые» совершенно забывают, что профсоюзы должны заниматься классовым воспитанием масс и одновременно всесторонне удовлетворять их культурные запросы.

Одной из наиболее опасных разновидностей «левого» загиба является болтовня об едином союзе, о ликвидации всех союзных организаций. В чем опасность этой болтовни? В том, что не учитывается нынешний уровень развития рабочего класса, что механически переносится опыт строения партии, как авангарда рабочего класса, на профсоюзы, как главный привод от партии к широким массам. При этом забывается различный уровень разных групп рабочего класса, забывается роль профсоюзов как школы коммунизма, вовлекающей и перерабатывающей все новые и новые слои рабочих, поднимающей их до уровня понимания общеклассовых задач. «Теоретики» единого союза обычно разглагольствуют об «интересах рабочих», о громадной экономии средств, значительно выросшем уровне рабочего класса, о росте коммунистических цехов и т. п. Эти люди хотят в порядке приказа ликвидировать союзные организации, исторически выросшие и сложившиеся в процессе длительного развития. Попытка перескочить немедленно ряд фазисов развития профсоюзов характерна для «левых». По сути дела, такие попытки означают администраторский подход к массовым профсоюзным организациям, упрощенческое понимание нынешнего этапа революции, забегание вперед, «левый» заскок.

Можно говорить еще об одной разновидности «левого» загиба, которая находится еще в зародышевом состоянии. Кое-где уже пошли разговоры о том, что пора подумать о передаче профсоюзам управления всем производством, что профсоюзы должны стать организаторами производства и т. д. Правда, такие разговоры обычно прикрываются многочисленными цитатами, вступлениями и оговорками.

Думать, что профсоюзы уже сейчас подошли к полосе, когда им надо передать управление хозяйством, как целым, значит совершить глубочайшую политическую ошибку, значит не понимать особенностей нынешнего этапа нашего развития. Не может быть сомнений в том, что «левые» загибы в профсоюзах питают правый уклон, дают соки правым оппортунистам. Поэтому нужна последовательная борьба и с «левыми» загибами. Нужно решительно бороться на два фронта: против правого уклона как главной опасности, и против «левых» загибов, не ослабляя одновременно борьбы с примиренчеством к уклонам от ленинской линии партии, к «загибам» и «загибщикам».

Можно ли утверждать, что правые оппортунисты и «левые» загибщики в практике внутри профсоюзной работы являются чем-то привходящим, наносным, возникающим вне зависимости от обостряющейся классовой борьбы в стране? Нет. Такое утверждение было бы явно ошибочным.

Аполитичность ряда профорганизаций в важнейших вопросах современной общественной жизни пролетариата; пренебрежение величайшими общеклассовыми историческими задачами пролетариата в стране строящегося социализма; смазывание огромного политического значения борьбы за промфинплан; лжеударничество; цеховщина и проявления тред-юнионизма; анархо-синдикалистские настроения и пр.,—все это не что иное, как отражение в своеобразных формах классовой борьбы, происходящей в обстановке победоносного строительства социализма.

В этих явлениях, искажающих лицо профсоюзов как школы коммунизма отражается, прежде всего, давление мелкобуржуазной стихии, привносимое в рабочую среду рабочими, пришедшими из деревни (только в 1930 году промышленность впитывает в себя свыше 300 тысяч человек новых рабочих). Здесь отражаются также и отсталые хвостистские настроения части старых рабочих, менее вышколенных практикой классовой борьбы пролетариата и остававшихся в стороне от схваток в решающие моменты исторической революционной борьбы рабочего класса, и мелкособственнические настроения отдельных групп рабочих, еще сохранивших «свое» хозяйство в деревне.

В такой обстановке естественно особо возрастает роль и ответственность передовых слоев рабочего класса, рабочих-передовиков, активистов, ударников в борьбе за исторические общеклассовые задачи пролетариата.

На эту роль указывал Ленин:

> «Борьба со старой привычкой смотреть на меру труда, на средство производства с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок у буржуазии,—эта борьба необходима. Эту борьбу уже начали передовые, сознательные рабочие, дающие решительный отпор тем пришельцам в фабричную среду, которых особенно много явилось во время войны и которые теперь хотели бы относиться к народной фабрике... попрежнему... «Урвать кусок побольше и удрать». Все, что есть сознательного, честного, думающего в крестьянстве и в трудящихся массах станет в этой борьбе на сторону передовых рабочих» (Ленин. «К вопросу о социалистическом соревновании»).

Несомненно, что на данном этапе революции проявления классовой борьбы на предприятии (не только вредительство, но и лжеударничество,

рвачество и т. д.) требуют особого внимания как партийных, так и в особенности профессиональных организаций, меж тем как последние до сих пор очень часто «грешат» в своей работе именно непониманием важности этой задачи.

А вместе с тем в условиях развертывающегося социалистического наступления и ликвидации кулачества как класса особо опасным, вредным, деморализующим становится дальнейшее пребывание в профаппарате, на руководящих постах крупнейшей массовой революционной организации пролетариата профбюрократов, правых оппортунистов, «левых» загибщиков, тред-юнионистов и т. п. людей, являющихся по сути дела явными или тайными, но «приказчиками» отсталых слоев, представителями отсталых тенденций, явно враждебных историческим задачам пролетариата.

Проявлениям рвачества, враждебности к ударничеству и соцсоревнованию и т. д. на предприятии и на производстве, злостным прогулам, полностью «соответствует» консерватизм профбюрократов, аполитичность, правый оппортунизм, «левые» загибы и пр. в деятельности профсоюзов.

Отсюда ясно, где и какова питательная база уклонов в профработе и, в особенности, правооппортунистического уклона.

Правый оппортунизм в профработе разбит,—но еще далеко не добит. Поскребите любого «аполитичного» профбюрократа, любого «консервативного», якобы, «защитника» частных интересов отдельных групп рабочих, не желающего знать об общеклассовых задачах пролетариата и,—вы обнаружите правого оппортуниста.

Правая опасность,—попрежнему главная опасность в профработе. Борьба направо—основное, чем характеризуется и новый этап в профработе.

Рабочий класс и партия, особенно за последнее время, после смены оппортунистического руководства профдвижением, много сделали, чтоб преодолеть правый оппортунизм в профдвижении. Но борьба эта еще не закончена. Она должна быть и будет доведена до конца. Порукой тому — широчайшее движение социалистического соревнования, вступление в партию 300.000 рабочих за один 1929 год. Опираясь на ударников, коммунистов, новое руководство профсоюзами на основе партийной линии и решений XVI с'езда сумеет до конца победить рутину, косность, элементы тред-юнионизма и правый оппортунизм профбюрократов, опирающихся на отсталые элементы рабочих.

Поворот лицом к производству.

Одна из главных особенностей текущего момента внутри нашей страны состоит в том, что массы доказали возможность выполнения пятилетки в четыре года своим переходом к новым, социалистическим формам организации труда — социалистическому соревнованию и ударничеству, — открыли «новую эпоху в социалистическом строительстве». (Тезисы т. Шверника).

Что дает нам возможность продвигаться вперед более быстрым темпом, чем намечено пятилетним планом великих работ? Могущественный процесс социалистического соревнования, обновляющий и изменяющий психологию людей, создающий подлинно социалистическое отношение к производству, рост ударничества, рост коммунистических цехов и ударных заводов, рост культурного уровня рабочего класса, технический переворот в ряде областей промышленности.

Опыт ленинградских профсоюзов, как одной из крупнейших профорганизаций свидетельствует, что народились новые формы активности масс, что социалистическое соревнование стало гигантским резервуаром воли рабочего класса в борьбе за превращение нашей страны в передовую страну социализма.

На первом этапе социалистическое соревнование носило парадный характер, проводилось без масс. Профсоюзы очень медленно овладевают соревнованием. Ленинский набор ударников в Ленинграде дал 250.000, около 75 проц. рабочих вовлечено в активные формы соревнования, 42,7% участвует в ударных бригадах. Уже народилось значительное число предприятий, где поголовно вовлечены все рабочие в ударные бригады. В Ленинграде числится 39 ударных предприятий, 627 ударных цехов. Если в октябре 1929 года в Ленинграде было 825 ударных бригад и 12.500 ударников, то к 1-му марта 1930 г. уже есть 12.232 ударных бригады и 123.166 ударников. Таков гигантский количественный рост! Мы насчитываем на 1-е марта до 10.000 случаев добровольных снижений расценок и увеличения норм. Но количественные показатели не говорят о качестве. Народились новые формы и методы работы с ударниками. В сентябре 1929 г. была проведена генеральная проверка социалистического соревнования, давшая ценные результаты. Сейчас регулярно практикуются слеты ударников на предприятиях, общегородские конференции ударных бригад. На заводах растут рационализаторские ядра, группы шефства над станками, группы, добровольно снижающих расценки. Процесс самоуплотнения в работе ударников становится все более распространенным.

Движение ударников перерастает в новую стадию своего развития. В Ленинграде насчитывается 1.417 производственных коллективов и коммун, с 15½ тысячами ударников. Ударники начинают развертывать борьбу за рационализацию, становятся активной общественно-политической силой, превращаются в базу для роста партии. Так поднимается ударничество со ступеньки на ступеньку, в новые формы облекается инициатива рабочего класса. Но за всем этим надо видеть серьезные ошибки, прорывы и промахи. У нас была допущена разверстка в ленинском наборе ударников. В некоторых профсоюзах недооценивается политическая и хозяйственная роль ударного движения. На ряде заводов подошли бюрократически к вопросу о ликвидации прорывов промфинплана. На заводе им. Воскова рабочие приняли решение об увеличении рабочего дня с 8 до 10 часов. Заводская конференция постановила отработать 11-е февраля для ликвидации прорывов. На фабрике «Работница» имел место случай, когда текстильщица работала 24 часа под ряд. Такие искривления быстро исправлялись, но основное зло то, что ударники работают чаще всего «в темную», нет учета производственных показателей соревнующихся бригад, а инженерно-техническая масса мало привлечена к соревнованию. Огромное зло — лжеударничество, против которого часто профсоюзы не ведут борьбы. Есть заводы, где при большем росте ударников программа не выполняется (на «Красном Треугольнике». Буферный завод об'явил себя ударным, а прогулы у него возросли в девять раз, опоздания — в пять раз. Есть много других случаев лжеударничества, подрывающих работу предприятий при попустительстве со стороны профорганизаций.

Но рабочие массы выдвинули новые формы борьбы с этим злом. На ряде заводов происходит при участии ударников регулярная массовая проверка выполнения промфинплана. На отдельных заводах уже имеются образцы лучшего учета работы в ударных бригадах (Балтийский завод). Руководителю бригады выдается на руки книжка, где производится запись всех достижений бригады. Есть ряд заводов (как, например, «Большевик», «Электросила», «Севкабель», «Марксист»), где промфинплан доведен до цеха и бригад. Каждому рабочему выдается маленькая брошюра с изложением плана.

Не менее любопытные данные дают показатели работы производственных совещаний. Роль производственных совещаний возрастает, количество предложений, получаемых ими, из месяца в месяц увеличивается. Особый под'ем в рабочих массах вызвала кампания по борьбе с потерями. На заводах поступили тысячи ценнейших предложений. Народились новые формы работы совещаний; групповые производственные совещания, совещания по сменам, совместные конференции предприятий, связанных производственно между собой; общетрестовские конференции рабочих для обсуждения итогов работы данного треста. Но тем не менее, производственные совещания еще далеко не овладели социалистическим соревнованием. Новые формы рождаются, но профсоюзы их не подхватывают, со стороны руководящих профорганов нет достаточной реальной помощи местам и массам в превращении этих форм в орудие дальнейшего роста.

Очень крупную роль начинают играть временные контрольные комиссии. Число предложений изобретателей, которое за первое полугодие 1928—1929 г. составляло по ленинградским предприятиям 1.119, за три месяца текущего года дало 1.170. Но десятки тысяч ценнейших предложений рабочих пропадают, не учитываются, не вызывают внимания хозяйственных и профсоюзных организаций! Как иначе можно об'яснить тот факт, что фонды премирования и поощрения используются только на 50 проц.? Нельзя закрывать глаза и на то, что во многих местах неблагополучно с прогулами, что еще многие профсоюзы и хозяйственники не усвоили директивы ЦК об единоначалии.

Между тем, эти директивы ЦК, являясь развитием ленинских положений, — имеют огромное значение для дела социалистической организации управления предприятием.

Ленин писал:

> «...Мы должны начать строго отделять две категории демократических функций: с одной стороны, дискуссии, митингования, с другой стороны, — установление строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое дисциплинированное добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы...
>
> «...Недавно при обсуждении вопроса о реорганизации и правильной постановке железнодорожного транспорта возник вопрос о том, насколько единоличная распорядительная власть (власть, которую можно было бы назвать властью диктаторской) совместима с... советским социалистическим принципом организации... Очень распространенным является мнение будто единоличная диктаторская власть несовместима ни с демократизмом, ни с советским типом государства... Нет ничего ошибочнее этого мнения... На «очередь выдвигаются задачи строжайше отделить дискуссии и митингования от беспрекословного исполнения всех предписаний руководителя...». (Ленин «Очередные задачи советской власти»).

В чем смысл процессов, о которых мы выше говорили? Что показывает громадный рост ударничества и изобретателей, рост активности рабочих, рост производственных совещаний? — Рабочий класс осознал себя хозяином и творцом социалистической промышленности. Рабочий класс прокладывает новые пути, новые методы к быстрейшему овладению производством. Своей коллективной мыслью и волей рабочие начинают сплошной лавиной двигать дело социалистической реконструкции.

Профсоюзы на десять лет вперед написали прекрасных резолюций о социалистическом соревновании. А какая профсоюзная организация конкретно изучила опыт социалистического соревнования? — Ни местные

профсоюзные организации, ни ВЦСПС этого еще не сделали. У нас устраиваются десятки тысяч собраний (в том числе не мало пустых и ненужных), посвященных соревнованию, а какая профсоюзная организация сделала попытку с научно-правильным критерием подойти к изучению особенностей социалистических форм труда? Разве у нас есть подлинное знание того, как проходит соревнование, где его слабые стороны, в чем заключается задача дальнейшей работы в этой области?

Некоторые профсоюзники по наивности думают, что руководство соревнованием состоит в том, чтобы заводить сводки, записывать количество ударников (хотя и это делается очень плохо и не всегда). Они не понимают, что руководить — значит понимать, в чем движущие силы данного процесса; что руководить социалистическим соревнованием — значит понять, при каких условиях можно обеспечить дальнейший под'ем его и перевести на новую ступень развития. Они не понимают, что руководить соревнованием — значит облегчить, помочь рабочему скорее получить план и рассказать, что именно от него требуется для выполнения промфинплана. Вот почему насчитывается много случаев чисто формального об'явления цехов и заводов ударными (лжеударничество). Как попугаи, некоторые профчиновники подхватили лозунг «ударный» и пытаются скорее записать свой цех «по высшему разряду» или в «спешном» порядке организовать лже-«коммунку», в которой коммунистическим является только название, а все остальное— плод административно-«коммунистического» усердия, и т. д. и т. п. Откуда вытекает формальное об'явление цехов ударными? — Из бюрократического непонимания профбюрократами сущности и значения соревнования и из политической недооценки его.

Каждый раз, когда нарождаются новые формы и методы работы, есть опасность, что под новыми формами легко скроется старое содержание. Эта опасность сейчас резко выражена в профсоюзах. Профсоюзы — самая мощная организация, через которую миллионы рабочих участвуют в строительстве социализма. Когда совершается поворот в этой организации, неизбежно в течение известного времени сопротивление наиболее отсталых элементов. Нельзя забывать о консерватизме профсоюзного аппарата, о том, что старое оппортунистическое руководство в профсоюзах изо всех сил тормозило перестройку, и наследство его еще не ликвидировано.

У нас за последнее время произошли некоторые изменения в составе самого рабочего класса. Рабочий класс пополнился и пополняется за счет притока многочисленных непролетарских слоев. На целом ряде заводов происходит иногда за год обновление рабочего состава на 40 — 50 — 60 проц. Нельзя забывать значение и этого факта. Далее нужно учесть повышение активности рабочего класса, которая требует четкого, неослабного, живого руководства. Профаппараты и профработники не привыкли к новым темпам, не владеют методами живого руководства. Наконец, некоторые профорганизации сделали четверть и пол-оборота к производству, и на этом успокоились.

Лозунг — «лицом к производству» наиболее полно раскрывается в руководстве и в организации социалистического соревнования. Вот как тезисы к XVI с'езду формулируют задачи поворота:

«XVI с'езд партии со всей решительностью подчеркивает, что решающим, основным звеном в оживлении и улучшении всей работы профсоюзов и вовлечении широких рабочих масс в управление производством является соцсоревнование и его детище—ударничество как величайшее движение пролетариата».

Пока профсоюзы не научатся драться за высокие темпы на производстве, не покончат с практикой противопоставления задач по улучшению материального положения и быта рабочих — хозяйственно-политическим задачам, пока профсоюзы не усвоят, что сейчас центр тяжести переносится в область организационно-хозяйственную, производственную, — до тех пор не может быть и не будет настоящего поворота лицом к производству. Что значит «драться за высокие темпы на производстве»? — Это значит добиваться, чтобы все мероприятия на предприятии шли по линии быстрой рационализации, доведения промфинплана до цеха, повышения производительности, снижения себестоимости и режима экономии. Хозяйственный план завода, треста и ВСНХ профорганизации должны знать не хуже хозяйственников и активно участвовать во всех стадиях плановой работы. Профработник должен уметь рабочему раз'яснять все, что касается не только расценок, но и выполнения промфинплана.

Профорганизации не осознали необходимости жить изо дня в день интересами производства. Они ждут, пока случится прорыв, забьют тревогу; сорвется промфинплан, — тогда и профсоюзы начинают нервничать, торопиться, искать виновников. Но своей задачей «быть ближайшим и непременным сотрудником, госвласти, которой руководит... компартия... быть школой управления социалистической промышленности (а затем постепенно земледелия) для всех рабочих, а затем и для всех трудящихся» — этой Лениным поставленной и записанной в резолюции XI с'езда ВКП(б), задачи, — задачи участия в социалистическом производстве, профсоюзы еще не поняли и рабочие очень часто опережают свои профорганизации.

Коллективные договора, заключавшиеся в этом году, показали наличие сдвигов. Некоторые союзы доказали на практике, что коллективный договор есть неот'емлемая и составная часть хозяйственного плана, что он должен содействовать рациональной организации труда, что наряду с этим он служит дальнейшему повышению и улучшению материального и культурного уровня рабочего класса.

Об улучшении материального положения и быта рабочих.

Как же могут профсоюзы подчинить свою работу великим задачам реконструктивного периода? Они должны умело сочетать борьбу за разрешение общеклассовых задач рабочего класса и пролетарского государства с заботами о материальных интересах и культурно-бытовом обслуживании рабочих. В тезисах тов. Шверника говорится:

«С'езд считает, что профсоюзы до последнего времени уделяли совершенно недостаточное внимание вопросам рабочего снабжения, борьбе за снижение цен и улучшение работы кооперации».

Это положение указывает на слабое звено профсоюзной работы.

Опыт показал, как много нового и ценного народилось в области борьбы за улучшение снабжения рабочих за последнее время. По Ленинграду заключено социалистическое соревнование между крупнейшими кооперативными организациями и заводами и фабриками (свыше 300). Огромное хозяйственно-политическое значение приобретают договоры, в которых рабочие берут обязательство повысить производительность, а кооперация — снизить себестоимость и лучше обслужить потребителя. Массовый смотр рабочей кооперации ленинградскими профсоюзами приковал внимание всей рабочей общественности к проблемам

кооперации, к ее улучшению. 5.000 добровольцев, рабочих и работниц, участвозали в смотре в течение двух недель, тысяча рабочих бригад изучала работу кооперативных магазинов. Выводы этих бригад имеют огромное значение для улучшения работы кооперации. Такое обследование было началом действительного поворота профсоюзов лицом к кооперации; оно содействовало очищению кооперативных аппаратов от негодных элементов; показало рабочим, как нужно лучше бороться за повышение реальной заработной платы. Опыт выдвинул и ряд других форм: шефство заводов над отдельными магазинами. Так, парк им. Коняшина осуществляет шефство над 4-мя магазинами ГУМ'а, трампарк им. Смирнова шефствует над 5-ю магазинами. Все магазины ГУМ'а охвачены шефством предприятий. Рабочие начинают шефствовать над столовыми, магазинами, складами. Начали практиковаться «налеты» производственников на торговые предприятия. Союз водников шефствует над «Севзапрыбаком», союз печатников—над Птицеводсоюзом, союз химиков—над Совхозтрестом, союз пищевиков—над Плодоовощсоюзом. Это шефство крупнейших рабочих организаций является новой формой массового контроля рабочих, той формой, которая, действительно, ведет к улучшению положения рабочих масс и вовлекает десятки тысяч рабочих в борьбу за повышение реальной заработной платы.

Большое развитие получает сейчас участие профсоюзов в промышленном огородничестве, в строительстве животноводческих совхозов, в организации крупных молочных ферм, в организации промышленного лова рыбы и т. д. Все эти новые, молодые формы нуждаются в укреплении. Надо тщательно изо дня в день изучать опыт, который открывает новые пути действительной борьбы всего рабочего класса за разрешение коренных вопросов улучшения материального положения. В результате этой борьбы по огородничеству — увеличение площади ЛСПО с 226 га в 1928—29 г. до 2.045 га в 1929—30 г.; Плодоовощсоюз довел свою программу до 9.800 га. Все это, конечно, явно недостаточно, это только первые шаги, но мы получим огромный под'ем, когда еще более широкие массы возьмутся за разрешение этих задач. В Ленинграде заканчиваются постройкой четыре фабрики-кухни, растут бытовые коммуны, артели и товарищества, растет общественное питание. Недоучет новых факторов в росте реальной заработной платы совершенно недопустим. Точно так же вредным является недооценка роли охраны труда и техники безопасности, которая является самым слабым местом в работе профсоюзов. В условиях непрерывной недели, при переходе к многосменности, охрана труда имеет гигантское значение для под'ема производительности рабочих. Эта задача очень многими профорганизациями оставляется в тени. Некоторые данные могут показать насколько слепы правые в оценке положения рабочего класса:

За 3½ года по ленинградской промышленности рост реальной заработной платы составлял 24,6 проц., значительно превысив довоенный уровень ее. Ассигнования на оздоровление труда возросли с 3½ млн. руб. в 1926 27 г. до 10 млн. в 1929 г. Бюджет соцстраха возрос с 73 млн. руб. в 1926 27 г. до 150 млн. руб. в 1929 г. Рост расходов на жилстроительство с 5.800 т. руб. в 1926 27 г. до 14.123 т. в 1929 г.

За последние 3 года безработица сократилась более, чем на 50 проц., а количество рабочих, занятых в промышленности, увеличилось с 200.000 в 1927 г. до 285.000 в 1930 г.

Если профсоюзы используют все новые методы и формы борьбы за улучшение положения рабочих масс, мы закрепим и действительно поднимем реальную зарплату.

Под влиянием социалистического соревнования и развития ударных бригад изменяется внутренняя жизнь завода, жизнь рабочего класса. Профсоюзы должны встать во главе борьбы за развитие новых форм коммунистического труда. Надо добиться поголовного вовлечения рабочих в социалистическое соревнование, укрепление социалистической дисциплины труда, поголовного повышения культурной и технической грамотности рабочих масс, — только так профсоюзы переведут социалистическое соревнование на более высокую ступень. Без самой смелой, решительной и непримиримой борьбы с косностью, обломовщиной, инертностью, консерватизмом, без самого смелого развертывания самокритики эту задачу выполнить нельзя.

Главное в повороте лицом к производству лежит в понимании того, что в период социалистической реконструкции идет усиление и дальнейшее укрепление роли профсоюзов в организации производства.

Опыт назначения председателей производственных совещаний помдиректорами дал уже положительные результаты и надо его дальше расширять. К XVI с'езду партии надо изучить и подвести итоги всему новому, ценному, что имеется в профсоюзах и что должно быть положено в основу для дальнейшей перестройки их.

Профсоюзы и социалистическая переделка сельского хозяйства.

В резолюции XI с'езда партии, написанной Владимиром Ильичем, говорится:

> «Будучи школой коммунизма вообще, профсоюзы должны быть, в частности, школой управления социалистической промышленностью, а затем, постепенно, земледелием для всей массы рабочих, а затем и для всех трудящихся».

Характерной чертой и особенностью правых оппортунистов была недооценка работы профсоюзов в деревне. Со времени XI с'езда мы сделали громадный шаг вперед по пути к переходу от мелкого раздробленного крестьянского хозяйства к коллективному хозяйству, приступили к выкорчевыванию корней капитализма и ликвидации кулачества. Работа профсоюзов в деревне действительно приобретает теперь величайшее значение. Профсоюзы должны постепенно становиться школой управления социалистическим земледелием для всех трудящихся.

Ленинградские профсоюзы готовили 5.000 рабочих-колхозников в счет 25.000, послали 2.000 рабочих-бригадников на весеннюю посевную кампанию, послали десятки культурных и агитационных бригад в колхозы. Профсоюзы Ленинграда принимают участие в строительстве 20 домов культуры в районах сплошной коллективизации и выделили специальные средства для ликвидации неграмотности в районах коллективизации и проведения библиотечного похода. Рабочие Ленинграда, по собственной инициативе, в 1929 году дали свыше 500.000 руб. отработков в помощь деревне. Особое внимание теперь обращено, конечно, на работу среди сезонников. Характерно, что в этом году некоторые союзы, как, напр., горнорабочих, впервые осуществили работу по месту жительства сезонников. Особенно крупную роль приобрела работа заводов, расположенных в сельских местностях, они участвовали в политических кампаниях в деревне всей массой рабочих. Все это—новые формы осуществления руководства рабочего класса массами бедняков и середняков.

Через десятки тысяч, а потом и через сотни тысяч рабочих в совхозах, профсоюзы станут и школой управления социалистическим земледелием. Но очень часто еще имеет место недооценка значения профсоюзной работы в деревне и некоторые искривления партийной линии во этом вопросе,

как, например, исключение из членов союза за невступление в колхоз. Мы еще *не добились коренного перелома в этой области?* Часто работа в деревне рассматривается как одна из многочисленных задач. Профсоюзы должны сверху донизу взять на свои плечи ответственность за коллективизацию сельского хозяйства. А между тем в этой области у нас даже еще не изучаются новые формы и методы, не обобщается богатейший опыт.

Чего нужно теперь добиваться? Во-первых, чтобы профсоюзы повели повседневную, систематическую работу и *органически участвовали в работе по коллективизации* сельского хозяйства. Во-вторых, чтобы десятки миллионов рублей профсоюзных средств, расходуемых на *посылку бригад в деревню*, были планомерно и правильно распределены с наибольшей пользой для коллективизации. В-третьих, надо учесть *рабочих, связанных с деревней*, воспитать их, сделать застрельщиками и организаторами коллективизации, бросить максимум средств на воспитание *сезонников*, на дальнейший под'ем работы союза *сельхозлесрабочих*. В-четвертых, надо осуществить постоянную связь и оказывать помощь рабочим, уехавшим в деревню, и, в-пятых, профсоюзы должны каждодневно в массах раз'яснять политику партии в деревне, готовить десятки тысяч руководителей колхозов, совхозов.

Подготовка кадров и перестройка работы.

Новые задачи профсоюзов выполняются и будут до конца выполнены силами вновь подготовленных и переподготовленных кадров профработников. Разрешение проблемы кадров — это есть организационное на деле обеспечение всех задач перестройки работы профсоюзов. Между тем, можно смело сказать, что серьезно подготовкой своих кадров профсоюзы начали заниматься только за последние месяцы. В тезисах т. Шверника четко сказано:

> «С'езд предлагает ВЦСПС поставить дело подготовки профкадров, как одну из самых неотложных и боевых задач профдвижения».

Ленинградские профсоюзы пять месяцев тому назад разработали предварительный проект пятилетки подготовки кадров. По этой пятилетке 212.000 рабочих должно быть подготовлено в средних звеньях профдвижения. Пятилетка предусматривает массовую учебу и переподготовку тысячами рабочих. Опыт показал, что, когда мы решили переподготовить 10.000 чел. ударников, записалось свыше 12.000. Опыт показал, что нужно приспособить лучшие клубы для подготовки кадров. Большую часть фондов ленинградские профсоюзы бросают на переподготовку кадров. В Ленинграде начал работать завод-втуз на металлическом заводе имени тов. Сталина. Но не хватает педагогических сил, нет учебников и, главное — нет еще продуманной системы.

В то же время идет сильная «передвижка» в кадрах. За последние 8 месяцев ленинградские профсоюзы полностью обновили руководство Облпрофсовета, на 60 — 80 проц. обновили руководство союзов. Новые перевыборы по фабзавкомам дали 50 — 75 проц. обновления руководящего состава. Ударник-рабочий идет в профсоюзный аппарат, он внесет много инициативы и свежих сил, но нужно добиться, чтобы ударнику оказали помощь в работе.

Несколько слов о культурной работе. Культработу приходится дважды перестраивать. До последнего времени не мало людей, которые *больше говорят, чем делают* для этой перестройки, занимаются апологетикой клубного членства, вместо привлечения масс к культурной работе, вместо радикальной ее переделки.

Правда, есть уже первые шаги и в области перестройки культработы. Всесоюзное клубное совещание, которое положило опыт Ленинграда в основу, дало ценный материал. Эта перестройка ведется на основе коренного изменения форм и методов, на основе привлечения десятков тысяч рабочих, на основе единого культурного плана и единого культурного центра на предприятии. Она должна обеспечить действительное участие профсоюзной культработы в борьбе за генеральную линию партии, за выполнение промфинплана и за осуществление лозунга — «*лицом к производству*».

Перестройка работы профсоюзов встретила не мало иронических замечаний старых аппаратчиков. В тезисах т. Шверника указано, куда надо направить главное внимание и при каких условиях перестройка профсоюзов будет успешно осуществлена: «Основной базой перестройки профсоюзов является ударное движение» и далее:

> «*Центр тяжести работы профсоюзов должен быть перенесен в их низовые первичные звенья, ударную бригаду, группу, смену, цех, предприятие.* Одним из важнейших условий успешности перестройки работы профсоюзов с'езд считает обеспечение подлинной профсоюзной демократии, широкое развертывание пролетарской самокритики, являющейся лучшей проверкой снизу работоспособности профаппарата и его руководящих кадров. *Самокритика* в профсоюзах до настоящего времени развернута *слабо и все еще не носит конкретного характера*. Пролетарская самокритика профсоюзов должна способствовать систематическому улучшению работы союзов, воспитанию профсоюзных кадров, исправлению их ошибок, повороту профсоюзов лицом к производству и усилению их внимания к нуждам и запросам масс».

Опыт показал пути рождения новых форм работы. Посылка *рабочих бригад на производство* носит широкий характер; в первые месяцы 1930 г. союз коммунальников послал 159 бригад, текстильщики — 129 бригад, совторгслужащие — 127 бригад, кожевники — 32 бригады. Растет *добровольчество* в профработе. Первые сотни добровольцев работают в союзах, в секторах Ленинградского Облпрофсовета уже об'единено свыше тысячи добровольцев. Но это пока первые сдвиги. Без создания крепкого, гибкого *рабочего аппарата* нельзя будет закрепить достижения работы ударных бригад. Кое-где имеется перестройка формальная, или, как говорят, «передвижка столов». Участились за последнее время отзывы и переизбрания выборных лиц из профсоюзов. Расширяется и укрепляется социалистическое соревнование, как метод работы профсоюзов. Но было бы слепотою не видеть, что *старые формы и методы еще живучи, что настоящего, подлинного перелома еще нет.*

Основным и главнейшим условием дальнейшего закрепления успехов, дальнейшего укрепления профсоюзов является улучшение и укрепление партийного руководства. Партруководство на отдельных предприятиях иногда недооценивает роли профсоюзов, пытается подменить профсоюзную организацию, пользуется методами командования и голого администрирования. Нужно выправить и изжить такие ошибки. Только дальнейшее укрепление партийного руководства может обеспечить рост и развитие профсоюзов.

Профсоюзы как школа коммунизма.

X с'езд партии указал:

> «Профессиональные союзы, как школа коммунизма, должны обслуживать все стороны повседневной жизни трудящихся, постепенно вовлекая самые широкие слои трудящихся в дело государственного строительства, всегда освещая им путь идеями нашей программы, ведя их от частностей к общему, постепенно поднимая их от беспартийности к коммунизму».

К XVI с'езду партии народились многочисленные формы и методы вовлечения широких слоев трудящихся в дело государственного строитель-

ства. Бесспорно, что многие профсоюзы недооценивают значения шефства рабочих целыми заводами над советскими учреждениями, чистки рабочими соваппарата. Эта форма участия трудящихся в государственном строительстве нуждается еще в тщательном изучении. «Борьба с бюрократизмом в гос. и хозаппарате должна занять одно из первых мест в работе профсоюзов», так четко формулируют тезисы т. Шверника задачи в этой области. Очистить госаппарат «от классово чуждых, обюрократившихся элементов и выдвигать в госаппарат десятки тысяч рабочих, в первую очередь, лучших ударников». Главное в шефстве рабочих над госаппаратом лежит в том, что рабочий класс всей массой поворачивается лицом к улучшению государственного аппарата, несет коллективный опыт целых заводов в советские учреждения, что он может, таким образом, действительно переделывать и перестраивать государственный аппарат.

За последний год родились ударные цеха и заводы, коммунистические цеха и заводы. Разве это не факт, что сотнями тысяч самые квалифицированные рабочие поднимаются «от беспартийности к коммунизму?» Разве коммунистические цеха — не свидетельство такого под'ема? Разве коммунистические цеха не меняют в корне самую постановку работы профессиональных союзов? Совершенно, ясно, что профсоюзам нужно искать новые пути, новые методы воспитания и организации ударных или коммунистических цехов. Сейчас нельзя больше ограничиваться старыми измерителями и показателями достижений профсоюзов.

В эпоху социалистической реконструкции сильно возрастает спрос на повышение квалификации основных пролетарских кадров. Рабочий класс пополняется новыми многочисленными выходцами из мелкобуржуазной среды. Вот почему такое огромное значение приобретает вопрос о классовом воспитании рабочих, интернациональном воспитании и проблема кадров.

Мы должны сделать теперь особый упор на воспитание рабочего класса в пролетарском коммунистическом духе.

В чем должна заключаться сейчас роль профсоюзов, как школы коммунизма?

> «Пролетариат везде и всегда рекрутируется из мелкой буржуазии, везде и всегда бывает связан с нею тысячами переходных ступеней, граней... Историческая роль пролетариата — переварить, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство, в виде выходцев из мелкой буржуазии. Но для этого нужно, чтобы пролетариат перевоспитывал выходцев, чтобы он влиял на них, а не они на него». (Ленин, т. XI, стр. 329).

Так учил нас Ленин. С каждым месяцем, с каждым днем, возрастает идейная, организационная мощь пролетариата. В рабочих массах — налицо великий творческий под'ем. Победоносное социалистическое строительство — один из решающих факторов революционизирования мирового пролетариата. Пятилетка превратилась в орудие мобилизации воли, энергии, инициативы всего передового, лучшего и сознательного в рядах рабочего класса и трудящихся нашей страны.

В эпоху социалистической реконструкции задача профсоюзов, как школы коммунизма, состоит в том, чтобы непосредственно вести миллионы на осуществление социалистической реконстукции; чтобы организовать их на проведение социалистической переделки сельского хозяйства, на проведение коллективизации и ликвидации кулачества как класса; чтобы превратить

социалистическое соревнование в основной метод нашего строительства; чтобы провести повседневную упорную борьбу за под'ем социалистической культуры труда, повышение производительности, снижение себестоимости и повышение реальной заработной платы, путем улучшения работы кооперативных и государственных организаций, путем рационализации, режима экономии на производстве; чтобы двинуть сотни — тысячи лучших рабочих-ударников в государственный аппарат и ближе, конкретнее, на деле осуществлять улучшение и переделку государственного аппарата, приближая его к массам, вырывая бюрократические наросты; чтобы на основе завоеванного культурного уровня рабочих масс, методами самокритики и профсоюзной демократии, методами культурных походов, массовой агитации обеспечить поголовную общую и техническую грамотность рабочего класса, культурную переделку масс и организацию культурного отдыха масс. Профсоюзы как школа коммунизма должны стать самой обширной и разветвленной организацией выдвижения и подготовки кадров рабочего класса.

Таковы общие задачи, стоящие перед профсоюзами. Находятся теперь нытики, пессимистически оценивающие положение профсоюзов. «Что, мол, было» и «что осталось!» Эти обыватели не понимают силы и значения чистки, силы и значения той критики масс, которая коснулась профсоюзов. То, что переживают сейчас профсоюзы СССР, — это есть переход на новую, более высокую ступень развития.

Мы, в ближайшее время, будем свидетелями нового роста и укрепления профдвижения, будем свидетелями укрепления связи профсоюзов с широкими массами, свидетелями гигантского расцвета работы профсоюзов во всех областях. И это будет лишним выражением того безграничного доверия, того безграничного авторитета, которым пользуется наша коммунистическая партия у трудящихся СССР и всего мира.

Первой и крупнейшей основной предпосылкой, необходимым условием для разрешения этих задач является решительное, быстрое и полное преодоление правооппортунистического уклона и усиливающих его «левых» заскоков, — прежде всего среди коммунистов, работающих в профсоюзных организациях.

И. Варейкис.

Задачи организации и укрепления колхозов *).

I.

Период между XV и XVI с'ездами партии дал нам богатейший исторический опыт социалистического строительства. В течение последних двух лет наша партия шла действительно развернутым фронтом по пути социалистического наступления.

При этом наша революция в масштабах, не имеющих примеров в истории, захватила могучим потоком социалистического преобразования вслед за промышленностью, транспортом, товарооборотом, обменом миллионы мелких и мельчайших единоличных крестьянских хозяйств.

Экономическая отсталость мелкого сельского хозяйства, сравнительно с промышленностью, имеющая под собой известную историческую обусловленность, в последние годы усугубилась вследствие того, что сельское хозяйство не поспевало за ростом социалистической индустрии. Крестьянское хозяйство оказалось не в состоянии обеспечить расширенное воспроизводство в размерах, соответствующих высоким темпам развития социалистической индустрии. Поэтому, проблема переделки мелкого карликового хозяйства в крупное коллективное стала экономической необходимостью. Ибо, если индустрия выполняет ведущую роль в отношении сельского хозяйства, то сельское хозяйство в свою очередь является базой продовольствия, сырья и рынком сбыта для промышленности.

Крупнейшей политической ошибкой правой оппозиции (бухаринской) было то, что она не поняла этой теснейшей зависимости развития сельского хозяйства от индустрии и—обратно—зависимости индустрии от экономического под'ема и реконструкции сельского хозяйства. Правая оппозиция не понимает, что дальнейший рост индустрии в значительной мере упирается в отсталость сельского хозяйства и поэтому задача реконструкции сельского хозяйства встала перед нами во весь рост.

XV с'езд поставил во всем об'еме проблему коллективизации крестьянского хозяйства. Колхозное движение за последние два года показало, насколько своевременно и правильно было решение с'езда, насколько верна была политика партии в деревне.

Быстрый рост социалистической индустрии и развертывание кооперативного строительства в деревне, организация деревенской бедноты, широкая пропаганда идей коллективного земледелия и последовательная, непримиримая борьба против кулака, — все это привело к тому, что в основных слоях деревни произошел коренной перелом в пользу коллективного земледелия. Крестьянин, цепко державшийся за свою собственность и часто недоверчиво относившийся к колхозам, — повернул на путь к о л л е к т и в и з а ц и и, на социалистический путь развития сельского хозяйства.

---

*) Редакция «Большевика» считает некоторые практические положения статьи т. Варейкиса подлежащими дальнейшему обсуждению.

Это движение в деревне представляет, таким образом, результат всего предшествующего развития пролетарской диктатуры, ее правильной экономической политики и могучего воздействия крупной социалистической машинной индустрии на крестьянское хозяйство.

Уже к концу второго года пятилетки оставлены далеко позади все существовавшие предположения по коллективизации. По исчислениям пятилетнего плана предполагалось, что лишь к концу пятилетки социалистический сектор в деревне даст товарную продукцию, равную производству десяти процентов крестьянской верхушки.

Однако, мы уже сейчас имеем возможность замещения производства кулацких хозяйств производством совхозным и колхозным в ряде зерновых районов.

Если взять даже такую, сравнительно отсталую с.-х. область, как ЦЧО, то и здесь мы имеем на протяжении последних двух лет рост коллективного земледелия более чем в 10 раз!

В связи с переходом к сплошной коллективизации партия оказалась в состоянии перейти на практике к политике л и к в и д а ц и и к у л а ч е с т в а к а к к л а с с а.

Нечего говорить, что если бы в практике коллективизации не было допущено ряда грубейших ошибок, особенно во взаимоотношениях с середняком, если бы был полностью соблюден принцип д о б р о в о л ь н о с т и при коллективизации, если бы не было увлечений методами администрирования, то достижения в области организации коллективного земледелия оказались бы еще более значительными.

Решительно исправляя ошибки, допущенные на практике в колхозном строительстве и вызвавшие недоверие некоторых середняцких слоев по отношению к коллективному земледелию, неутомимо убеждая крестьян в преимуществах крупного земледелия, — мы должны последовательно вести борьбу за колхозы. Мы не в состоянии установить прочной, длительной смычки пролетариата с крестьянством, если не будет возрастать в деревне колхозная база. Рост колхозов есть важнейшее условие укрепления производственной смычки города с деревней.

Последнее время встречаются выступления, утверждающие, что партия «ошиблась», что партии необходимо «пересмотреть» свою политику в деревне и линию в колхозном движении в целом.

Подобные утверждения абсолютно неверны. Они есть либо результат непонимания политики партии в деревне, либо оппортунистическое стремление дискредитировать партийное руководство, подорвать доверие к партии. Партия нигде и никогда не писала, чтобы «к весенней посевной кампании текущего года коллективизировать целые округа и области!» Не вина ЦК и партии в том, что подобные увлечения были допущены, что в ряде случаев, вместо соблюдения директив ЦК о темпах и сроках коллективизации применительно к каждой области, краю, происходило форсирование колхозного движения административными мерами, с намерением построить в каких-нибудь «два месяца» коллективное хозяйство!

Совершенно правильным и своевременным было выступление ЦК и, по поручению ЦК, тов. Сталина за исправление подобных ошибок и перегибов. Но, беспощадно борясь с перегибами, партия не должна допускать какой бы то ни было ревизии своей принципиальной линии политики в деревне.

Разумеется, правые оппортунисты и примиренцы будут хихикать и уже хихикают насчет того, что якобы произошел «провал» партийной политики в деревне и «подрыв» генеральной линии партии! Не случайно, что уже слышатся голоса троцкистов, которые в поразительном е д и н с т в е с правыми требуют п е р е с м о т р а генеральной линии. Правые, боровшиеся против коллективизации, и троцкисты, дошедшие до полного разрыва с ленинизмом

и с партией, в своей критике партийной политики в деревне **сколачивают** общий фронт борьбы против линии партии.

Не может быть и речи о каком бы то ни было отступлении в таком решающем вопросе нашей политики в деревне, как строительство совхозов и колхозов, усиление социалистического сектора сельского хозяйства. Ссылаются на трудности. Конечно, было бы глупо отрицать трудности. В деревне при организации коллективного земледелия приходится иметь дело с миллионами индивидуальных хозяйств. Для создания коллективного хозяйства необходимо крестьян об'единять на кооперативной основе, на основе добровольности и взаимной увязки их личных интересов с интересами колхоза. Организация каждого колхоза постоянно сопровождается значительными трудностями и притом представляет одну из форм наиболее острой классовой борьбы.

Середняк как мелкий производитель, решая для себя положительно вопрос о вхождении в колхоз, в то же время как владелец средств производства и продуктов собственного мелкотоварного производства, еще отнюдь не является вполне подготовленным для общественного ведения хозяйства. Личный интерес у середняка часто преобладает над общественным. Предрассудки мелкого собственника еще долго будут сидеть в его психологии. Так, под влиянием враждебной агитации кулацких слоев, середняк, вступая в колхоз, во многих случаях, предварительно сокращал скот, птицу и разбазаривал свой инвентарь.

Конечно, трудности неизмеримо возрастают в том случае, если колхозное движение сопровождалось перегибами.

Но если на первых порах строительства коллективных хозяйств неизбежно возникает ряд трудностей переходного характера, то при правильном хозяйственном и организационном руководстве со стороны кооперативных органов, при развертывании инициативы и самодеятельности колхозных масс они будут преодолены сравнительно скоро.

Базой для их преодоления является то, что уже с самого начала, как показал опыт, колхозы дают значительное расширение посевных площадей и повышение урожайности. Это есть источник для быстрого под'ема колхозного хозяйства.

Рост посевных площадей, правильное использование всей удобной земли, лучшая обработка ее и повышение урожайности, — это есть та материальная основа, на которой возможно сравнительно быстро поднять до пределов несравненно более высоких, чем это было в индивидуальном хозяйстве, и полеводство, и животноводство, и птицеводство.

Важным вопросом является вопрос о **темпах** коллективизации. Здесь необходимо учесть уроки последнего года. Увлечения темпами недопустимы.

Продвигаться в деле коллективизации прочно вперед возможно лишь при достаточной подготовленности и создании общественной базы для колхоза.

В ряде районов, округов и в некоторых областях колхозное движение первое время будет протекать медленнее, нежели оно развивается в основных зерновых районах. Это зависит от ряда причин: от подготовленности крестьянских масс, от состояния организации деревенской бедноты, от того, как протекала борьба против кулачества во время хлебозаготовок, при индивидуальном обложении с.-х. налогом, от снабжения деревни тракторами, и т. д.

Необходимо обеспечить такие темпы колхозного строительства, которые бы сократили всемерно путь перехода от единоличного крестьянского хозяйства бедняцко-середняцких масс к коллективному земледелию. Ибо чем скорее они перейдут к коллективному земледелию, тем прочнее окажется база реконструкции народного хозяйства и тем быстрее мы получим необходимые предпосылки для дальнейшего развития социалистического строительства.

Было бы в высшей степени опасным, если бы, исправляя ошибки в практике колхозного движения, работники сползли «на самотек».

Правые элементы вкупе с троцкистами требуют «отступления». Речь идет для них об отказе от политики партии в деревне, речь идет о снятии лозунга перехода к сплошной коллективизации. Мы не сомневаемся, что партия даст беспощадный отпор подобным вылазкам.

II.

Нет нужды доказывать, что в современных колхозах есть масса крупнейших организационных и производственных недостатков.

Сплошь и рядом люди недооценивают того факта, что «скачок» из царства мелкого индивидуального крестьянского хозяйства в царство социалистического земледелия для крестьянина невозможен без соблюдения ряда **переходных ступеней**, представляющих собой процесс перерастания низшей формы колхозного движения в высшую.

Необходимо, чтобы этот процесс протекал в формах, наиболее простых и понятных для крестьянина. Общеизвестны ошибки, допущенные благодаря увлечению попытками организовать немедленно коммуны, в которых были бы обобществлены все виды и отрасли вплоть до домашнего хозяйства. Нам уже приходилось в печати приводить примеры, когда в некоторых колхозах «обобществляли» швейные машины, хотя и с весьма благими намерениями организовать колхозные швейные мастерские. В некоторых колхозах устанавливали **трудповинность** для мастеровых и ремесленников: сапожников, шорников, столяров, плотников, живущих в колхозах, обязывали их «в порядке колхозной дисциплины» работать только для колхоза за низкую плату, лишая их доходов, которыми пользовались они до организации колхоза, занимаясь свободно своим ремеслом.

Увлечение коммунами обуславливалось также стремлением создать сразу «высший тип коллективного хозяйства», охватывающий все отрасли производства, с обобществлением в нем средств производства и всего имущества, с установлением **полного равенства** при распределении продукции. Но для того, чтобы создать крупное коллективное хозяйство, охватывающее **все отрасли сельскохозяйственного производства**, для того, чтобы установить полное **равенство** между всеми членами колхоза, для этого мало **провозглашения** в колхозах «равенства» и обобществления всего имущества, всех видов скота, домашней птицы и т. п.

Попытки строить так коллективное хозяйство на практике не могли не дискредитировать в глазах окружающих крестьян и самих колхозников и идею коллективизации.

Колхозное строительство в основных зерновых районах на данном этапе сосредоточивается на организации **земледелия**. Это есть главное. От того, какой будет существовать земельный строй, как, на какой технической базе, на каких принципах организовано земледелие, — от этого зависит и характер организации **всего** с.-х. производства в большей части районов СССР.

Исходной ступенью движения необходимо сделать организацию земледелия еще и потому, что ведение земледельческого хозяйства (полеводство) наиболее легко отделимо от домашнего хозяйства, крестьянского двора. В колхозном строительстве у нас, к сожалению, во многих случаях не учитывают, что крестьянский двор представляет в известном смысле самостоятельную хозяйственную единицу. Это есть, конечно, реакционная черта крестьянского хозяйства, но с данным фактом нельзя не считаться в колхозном строительстве. Земледелие представляет ту отрасль сельского хозяйства, которую наиболее легко можно самостоятельно организовать и отделить от домашнего хозяйства крестьянского двора.

Но как же быть с прочими отраслями сельского хозяйства, которые в некоторых районах имеют крупнейшее экономическое значение?

Что касается всех прочих отраслей хозяйства, в том числе и важнейшего из них, например — животноводства, то коллективная организация этих отраслей значительно сложнее и требует большей хозяйственной подготовки колхозов. Перенесение центра тяжести в колхозном строительстве на организацию земледелия вовсе не означает, что мы отказываемся или должны отказаться от организации прочих отраслей коллективного хозяйства: животноводства, птицеводства и т. п. Некоторые колхозные и кооперативные работники после увлечений обобществлением последних крестьянских коров ударились в другую крайность и отказались от всякой коллективной организации этих отраслей хозяйства.

Совершенно очевидно, что сколько-нибудь действительно успешное и быстрое восстановление товарности животноводческой продукции и птицеводства невозможно без действительно радикальных и решительных мер по развитию в совхозах и колхозах животноводства и птицеводства. Необходимо сделать все возможное, включительно до оказания широчайшей материальной помощи со стороны государства, совхозов для организации в колхозах обобществленного животноводства и птицеводства, поставляющего свою товарную продукцию в основном на государственный рынок. В колхозах необходимо так организовать хозяйство, чтобы наряду со стадами коров, мелкого скота, а также домашней птицы, имеющихся в личном пользовании колхозников—развивались также к о л х о з н ы е с т а д а скота и птицы.

Необходимо нашу политику контрактации и работу кооперативных и колхозных организаций в деревне значительно перестроить и подчинить в большей мере задаче развития коллективных отраслей животноводства, молочного хозяйства и птицеводства. Для этого надо во всех колхозах, где это возможно, создать такие колхозные фермы и птичники, работающие на определенных контрактационных договорных началах с кооперацией и гос. органами.

Государственные и кооперативные организации, в свою очередь, обязаны всемерно содействовать тому, чтобы данные колхозы специализировались, чтобы в них развивалась кормовая база; помогать колхозам строить силосные установки, образцовые скотные дворы, птицекормушки, инкубаторы, маслодельные и сыроваренные заводы и т. п.

Необходимо содействовать развитию подобных обобществленных колхозных стад путем приобретения на общественные фонды и отчисления в колхозах или на кредиты, получаемые колхозом, общественного скота.

Таким образом, наряду с организацией коллективного земледелия, на базе коллективного земледелия, колхозы будут развивать также и все прочие коллективные отрасли хозяйства — животноводство, птицеводство и т. п.

III.

Исключительное значение в колхозном строительстве имеет система организации внутреннего распорядка и трудовых отношений между колхозниками.

Можно привести многочисленные примеры, когда при организации колхозов создавалось положение, при котором колхозникам-отходникам запрещалось уходить из колхозов на отхожие заработки. Между тем, в таком, например, округе, как Орловский, на отхожие промыслы уходило ежегодно около 30% всего взрослого мужского населения. По ЦЧО доход крестьян от отхожих промыслов достигает почти 50 миллионов, или около 20 — 25 рублей на хозяйство

Вместо того, чтобы содействовать развитию отхожих промыслов, ибо организация колхозов, как правило, неизбежно должна вести к более экономному использованию труда,—стало-быть, меньше потребуется в колхозе рабочих рук,—на практике во многих случаях колхозы устанавливали запрещение свободного выхода на отхожие промысла и сезонные работы.

В некоторых колхозах ввели со стороны правлений такую регламентацию отношений, при которой колхозник, вступая в колхоз, оказался поставленным в условия резкого ограничения его личной свободы, сравнительно с той, какой он пользовался до вступления в колхоз. Это не могло не вызвать в колхозах ряд недоразумений и внутренних конфликтов.

В о п р о с о б у с т а н о в л е н и и п р а в и л ь н ы х в н у т р е н н и х в з а и м о о т н о ш е н и й в к о л х о з а х п р и о б р е т а е т р е ш а ю щ е е з н а ч е н и е. Это представляет тем большую актуальность, что организация внутренних отношений тесно связана с материальным личным существованием колхозника и его семьи.

Во многих сельскохозяйственных районах, наряду с сельским хозяйством, у крестьянина есть и другие источники существования. Зимой он идет на лесоразработки, занимается извозом, у него бывают кустарные промысла и всякого рода иные заработки. Между тем, при организации колхозов, в ряде случаев правления колхозов все это начинали «регулировать» и регламентировать.

Вопросы о р г а н и з а ц и и т р у д а и е г о о п л а т ы в колхозах имеют в данный момент важнейшее организационное и хозяйственное значение. Практика показала недопустимость вводить в артелях только денежную оплату труда, которая приводила к тому, что колхозникам, как фабрично-заводским рабочим, устанавливали заработную плату. Нечего говорить, что такой порядок создает не только массу затруднений, но и в корне противоречит принципам организации колхозного земледелия.

Колхозник должен заранее знать и иметь твердые перспективы—что он получит от колхоза? Раньше, когда он вел индивидуальное крестьянское хозяйство, у него был определенный надел в столько-то гектар земли, столько-то посева и таких-то культур. Он заранее представлял себе, что осенью, при сборе, например, среднего урожая он получит такой-то доход. Вступая в колхоз, в ряде случаев, крестьянин не знает, что он лично, конкретно получит, хотя не сомневается, что колхоз в целом даст наверняка и расширение посевных площадей и повышение урожайности, а стало-быть, и увеличение продукции. Но этого для него недостаточно. Он должен приблизительно представлять себе, сколько ему лично предстоит получить хлеба, фуража, картофеля, денег?

Отсутствие у колхозника ясной перспективы, неосведомленность, неуверенность, как будут делить урожай, как на практике будет происходить распределение доходов колхоза между отдельными членами его — все это оказалось источником многочисленных недоразумений, колебаний и разочарований колхозников.

Необходимо построить такую систему трудового расчета, такую форму распределения урожая в колхозах, при которой к а ж д ы й к о л х о з н и к твердо знал бы, что, состоя членом колхоза и выполняя все необходимые, падающие на его долю трудовые обязательства, он будет пользоваться такой-то долей общего урожая, которая для него является более или менее гарантированной.

Опыт показал, что денежная оплата труда колхозников при наличии тарифной сетки, твердых окладов, разрядов (есть колхозы, в которых устанавливались многоразрядные тарифные сетки) оказывается неприемлемой.

Отрицательной стороной такой системы оплаты труда является в о-п е р в ы х — отсутствие ясных, определенных, сколько-нибудь твердых

перспектив у колхозника, **какой**, в конечном счете, будет доход от колхоза? Сколько заработает? Хватит ли ему заработка, чтобы прожить, вести свое домашнее хозяйство, которое в значительной своей части сохраняется. Отрицать наличие этой неуверенности у колхозника тем более не приходится, что до сих пор сельское хозяйство иногда на три четверти носило натуральный характер.

Например, в ЦЧО средняя товарность крестьянского хозяйства не превышала 20—25 проц. валовой продукции. Из этого следует вычесть около 10% различных денежных платежей, налогов, страховых сборов, а если учесть добровольные платежи и кооперативные взносы, то процент товарности, идущий непосредственно на нужды, покрывающие личные потребительские и производственные потребности крестьянского двора, составляет не более 15% **от всего оборота** в крестьянском хозяйстве. Стало-быть, здесь натуральная форма обслуживания потребностей интересов крестьянина играла и играет до сих пор **решающую роль**.

Переход только на денежную оплату труда в колхозах неизбежно вызывает такую **ломку** отношений, которая на деле означает уничтожение **натурального** обслуживания потребностей колхозника.

Колхозник получает зарплату, колхоз ему продает продукты потребления: хлеб, фураж, мясо. Все это, разумеется, делалось на практике в большинстве случаев без участия денег, а путем применения условных денежных единиц, но сущность отношений от этого **не меняется**.

Отрицательная сторона подобной системы учета и оплаты труда состоит и в том, что и правление колхоза оказывается поставленным в архитяжелое положение. Отсутствие оборотных средств, свободных денежных или натуральных запасов создает такое положение, когда колхозники, имея расчетные книжки или контрольные трудовые личные листы, работают все время «в долг». Правление колхоза не знает также, **как** оно разочтется осенью при сборе урожая, так как размер урожая — величина неизвестная, а заработок колхозников есть величина **твердая**.

Практика колхозного строительства показала, что здесь кроется основной источник возникновения недовольства колхозом, которое нередко приводит к распаду колхозов.

Известно, что у нас есть много разных форм старых колхозов. Некоторые из них существуют по несколько лет и вполне успешно ведут хозяйство. Как они, эти колхозы, решают для себя данные вопросы?

В Центрально-Черноземной области было произведено сплошное обследование колхозов 1928 и 1929 г. Обследование дало интересный материал, характеризующий огромные преимущества колхозного хозяйства, и показало отчасти, какие преобладают принципы и формы распределения доходов в колхозах.

По данным областного учета колхозов в ЦЧО в 1928 году видно, что преобладающей формой оплаты труда (распределение урожая) было душевое распределение. Это показывает следующая таблица.

Виды коллективного хозяйства	% колхозов, имеющих главным принципом распределения дохода			
	Рабсилу	Едоков	Землю	Прочие виды
Коммуны	35,4	35,4	1,2	28,0
Артели	25,8	57,4	8,4	8,4
Машинные товарищества	22,5	49,4	18,3	9,8
Все виды коллективного хозяйства	20,8	57,8	10,1	11,5
Орган. до 1/I—1928 года	20,8	58,0	9,3	11,9
Орган. после 1/I—1928 года	20,9	55,6	13,7	9,8

Эта таблица показывает, что **по всем видам** колхозов преобладающей формой распределения является потребительская форма по едокам, существующая в 57,6% колхозов, а по рабочей силе распределение доходов происходило лишь в 20,8% колхозов. При чем, крупные в хозяйственном отношении, более мощные, обладающие более высоким составом основного капитала, более богатые по стоимости коллективных средств производства колхозы имеют тенденцию повышения распределения доходов по производственному принципу.

Принципы и формы распределения доходов в колхозах
(по стоимости коллективных средств производства).

Группы колхозов по стоимости коллективных средств производства	% коллект. хозяйств, имеющих главным принципом распред. дохода		
	Рабсилу	Едоков	Землю
Без коллект. средств производства	13,9	55,4	20,0
С колл. средствами производства:			
До 1.000 рублей	14,1	56,7	14,6
От 1.000 до 2.000 рублей	26,3	57,6	8,6
„ 2.000 „ 3.000 „	18,9	67,4	8,4
„ 3.000 „ 7.000 „	19,6	58,7	9,4
„ 7.000 „ 15.000 „	24,7	61,6	1,1
„ 15.000 „ 31.000 „	44,7	26,3	2,7
„ 31.000 „ 63.000 „	37,5	25,0	—
Свыше 63.000 рублей	100,0	—	—
По всем группам	28,8	57,6	10,1

Мы, к сожалению, еще не закончили обследования колхозов районов сплошной коллективизации. Однако, изо всех имеющихся в нашем распоряжении данных видно, что в тех случаях, когда в колхозах устанавливались принципы денежной оплаты, тарифные сетки, разряды, колхозы очень скоро оказывались поставленными в тяжелое положение.

Успех коллективизации вообще, колхозного движения в районах сплошной коллективизации в особенности теперь в громадной степени зависит от того, насколько мы сумеем построить на практике такую форму организации колхозного производства, оплаты труда и распределения урожая, которая дала бы прочную уверенность для колхозника, что он получит при колхозе не меньше, а больше, чем получал дохода при единоличном хозяйстве.

Необходимо в данный момент поставить коренной задачей **укрепление производственно-организационной базы колхозов** и оказание им широчайшей материальной помощи.

Задача **укрепления организационно-производственной базы колхозов**, укрепления их массовой базы, воспитания в колхозах ядра людей, беззаветно преданных коллективному земледелию, приобретает решающее значение для дальнейшего успешного развития колхозного движения.

Конкретно, наши задачи в этом отношении сводятся к следующему:

1. Для укрепления технической базы колхозов нужно обеспечить более усиленное снабжение их тракторами, посевными и уборочными с.-х. машинами, прицепным с.-х. инвентарем, сложными молотилками, комбайнами. Разумеется, для укрепления колхозов основным является подведение технической машинной базы. Необходимо ускорять всемерно строительство трак-

торных заводов и производство тракторов. Трактор — это позвоночник крупного колхозного производства.

2. Важнейшее значение приобретает *индустриализация* колхозов, развертывание в колхозах промышленных предприятий по переработке с.-х. продуктов. В этом направлении возможно сделать уже теперь значительные успехи. Постройка промышленных предприятий в колхозах дает не только крупнейшие экономические результаты в смысле повышения товарности колхозов и улучшения качества с.-х. продукции, но является каналом мобилизации для индустрии средств населения. Промышленное строительство (индустриализация колхозов) происходит весьма неудовлетворительно, главным образом, благодаря недостаточному вниманию со стороны кооперативных организаций.

3. Примерный устав с.-х. артели совершенно правильно предусматривает обобществление определенных, сравнительно ограниченных элементов сельского хозяйства. В большинстве колхозов существует, по сути дела, два параллельных хозяйства: хозяйство коллективное и хозяйство индивидуальное (личное колхозников). Необходимо обеспечить такой путь развития колхоза, его хозяйственного перерастания, при котором *коллективный* сектор колхоза, его обобществленные стада, птичники, силосные установки и т. п., как можно быстрее бы рос и расширялся. Необходимо лучше использовать государственные кредиты, представляющие огромный рычаг в колхозном движении, для создания обобществленных стад, обобществленных видов хозяйства колхозов, *непосредственно работающих на рынок*.

4. Важнейшее значение для укрепления колхозов представляет правильная организация внутреннего распорядка, оплаты труда и распределения урожая.

5. Необходимо неуклонное развертывание массовой работы в колхозах, коллективное воспитание крестьян-колхозников, организация бедноты и середняков - активистов, воспитание ядра колхозников, преданных колхозному земледелию. Колхозное движение в деревне развивается в обстановке острой классовой борьбы. Особенно обострилось положение в селах, в которых значительная часть крестьян вышла из колхоза. Вышедших из колхозов крестьян кулак старается использовать для травли оставшихся крестьян в колхозах. Кулацко-зажиточная часть деревни старается окружить колхоз кольцом морального давления, организуя в ряде мест бойкот и травлю колхозников. Кулацко-капиталистические слои деревни ведут ожесточенную борьбу против колхозов при помощи поджогов, террора, прибегая к хозяйственному вредительству. *Борьба против кулачества есть одно из основных условий укрепления колхозов.*

Нужно больше, чем было бы до сих пор, а главное—организованнее, оказывать действительную материальную и организационную помощь колхозам, помощь людьми и помощь средствами, кредитами. «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса» (Ленин). Тем более в финансовой помощи нуждаются наши молодые колхозы, не имеющие часто никаких оборотных средств. Не надо забывать, что большинство колхозов еще не собрали ни одного урожая. Для того, чтобы колхозам стать на ноги действительно прочно, нужно несколько лет правильной хозяйственной деятельности. Это показал опыт развития всех старых коммун и колхозов, которые организовались в прошлом. В первые годы они обычно переживают значительные трудности. Вот почему необходимо всячески оказывать помощь колхозам.

Во всей нашей партийной работе в деревне и в колхозном строительстве, в особенности, главное внимание должно быть обращено *на закрепление колхозов*. Здесь недостаточно одной пропаганды, убеждающей колхозников, что им выгодно остаться в колхозах, тем более, что бедняцко-

середняцкая масса, которая осталась в колхозах—это в большинстве люди, более или менее прочно убежденные в выгоде колхозного земледелия. Речь идет теперь о том, чтобы на практике организационно-хозяйственной работы в колхозах показать крестьянам все преимущества коллективного земледелия.

В своей партийной работе в деревне мы за последние годы имеем крупные успехи. Задачи коллективизации оказались поставленными в центре партийной работы и партийной жизни деревенских парторганизаций и сельячеек. Тем не менее, конкретное руководство колхозным строительством нельзя признать удовлетворительным. Возьмите пример качества партруководства на фабрике.

Самой маленькой фабрике, управлять которой несравненно легче в том отношении, что она не имеет тех внутренних противоречий, которые существуют в колхозах, тем не менее, такой фабрике партийная ячейка, райком уделяют очень много внимания. Приходится следить постоянно за выполнением производственных планов, систематически посещать цеха, собрания рабочих.

Необходимо создать такое положение, чтобы и колхозам и их конкретному руководству было уделено со стороны парторганизации такое же внимание.

Весенняя посевная кампания оказалась генеральной проверкой колхозного движения. Многие колхозы впервые вышли на поля, тем не менее они показали все преимущества *коллективной* обработки земли, коллективной организации труда.

Наша очередная задача теперь состоит в том, чтобы прочнее закрепить эти успехи. Закрепление их послужит важнейшей предпосылкой для дальнейшего успешного движения вперед по социалистическому пути коллективного земледелия, по пути ликвидации кулачества как класса. Это есть наш главный путь развития деревни. В этом направлении решается ныне, при диктатуре пролетариата, проблема сельского хозяйства, его возрождения, его под'ема.

Вот почему во всей своей работе в деревне мы должны центр внимания перенести на *организационно-производственное укрепление колхозов*. На основе правильной организации труда, внутреннего распорядка, оказания широкой финансовой помощи со стороны пролетарского государства колхозам мы еще более укрепим позиции коллективного земледелия.

Мих. Каценеленбоген.

Новый этап социалистического строительства и работа среди бедноты *).

I.

Новый этап социалистического строительства, характеризующийся решительным изменением в расстановке классовых сил в стране, естественно, требует особо ясного представления о задачах и отношении партии к каждому социальному слою деревни, о задачах партийной массовой работы в связи с этим. Назначение этой статьи — помочь освещению лишь одного вопроса о задачах в области дальнейшей организации бедноты.

* * *

Партия, на опыте многих лет, доказала, что выброшенный ею лозунг самостоятельной организации бедноты не тактический маневр, а пункт программы, входящий в основной арсенал ее стратегического плана борьбы за социализм.

В своих «Письмах издалека» тов. Ленин в 1917 г. писал:

> «Наши стремления будут состоять при этом не только в том, чтобы сел.-хоз. рабочих выделить в особые советы, но чтобы и неимущие крестьяне организовывались отдельно от зажиточных крестьян».

Известна особо острая борьба вокруг вопроса о самостоятельной организации бедноты (в данном случае о комитетах бедноты) на V с'езде Советов (1918 г.), когда левые эсеры именно на этом вопросе дали основной бой большевикам [1]).

В своем докладе о работе в деревне (23 марта 1919 г.) Ленин, отмечая две главных фазы строительства в деревне, говорит:

> «Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалист — не социалист, выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне».

В соответствии с тем или иным этапом социалистического строительства одни конкретные задачи в работе среди бедноты, естественно, заменяются другими (разрешение продовольственного вопроса и раскулачивание в комбедовский период; борьба за превращение сельсоветов в «действительные органы пролетарской власти в деревне»; борьба за коллективизацию и за

*) Редакция «Большевика» считает некоторые практические положения статьи т. Каценеленбогена (в частности, об организации бедноты в с.-х. артелях) подлежащими дальнейшему обсуждению.

[1]) Вот выдержки из речей левых эсеров Спиридонова: «Вы неверно говорите — беднейшие (речь идет о крестьянстве).. В этом наш коренной основной раскол — именно в крестьянстве... В этом мы будем давать бой при любом декрете. Мы будем бороться на местах и комитеты деревенской бедноты места у нас иметь не будут» Камков выразился еще яснее: «Насаждение комитетов бедноты есть контрреволюция, это есть лучшее средство подорвать корни сов власти. Мы вам конкретно заявляем, что не только ваши отряды (продовольственные), но и ваши комитеты бедноты мы выбросили вон за шиворот».

ограничение роста кулака, его вытеснение, преодоление кулацкого сопротивления хлебозаготовкам, колхозному движению; на основе коллективизации борьба за ликвидацию кулачества). Формы организации бедноты также могут изменяться в соответствии с этим (создание и ликвидация комбедов; создание групп, созыв собраний и конференций бедноты; создание особых организаций бедноты в национальных районах и т. д.), но при всем этом вопрос об организации бедноты и батрачества за все эти годы не сходит с повестки дня партии.

Определяя свои лозунги сообразно «всей совокупности особенностей определенного политического положения» (Ленин), партия в действии, а не схоластически, обеспечивает такую линию в работе среди бедноты, которая превращает задачи организации бедноты не в самоцель, а в могучее средство укрепления позиций рабочего класса, укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком, союза, направленного против кулака за социалистическое преобразование деревни, за превращение середняка на ряду с беднотой в прочную основе коллективизации и самого опору партии. В отличие от уклонистов всякого рода партия никогда не противопоставляла дело организации бедноты делу закрепления союза с середняком, а, наоборот, подчеркивала взаимосвязанность этих задач. Приведем два примера.

В телеграмме, посланной на места в августе 1918 г., за подписью Ленина и Цурюпы, говорится [1]).

> «Лозунг организации бедноты во многих местах неправильно истолкован в том смысле, что беднота должна быть противопоставлена остальному крестьянскому населению — как заведомым кулакам и богатеям, так и многочисленному среднему слою крестьянства... Советская власть никогда не вела борьбы со средним крестьянством. Советская власть всегда ставила своей целью об'единение городского пролетария с деревенским пролетарием, а также с трудовым крестьянством среднего достатка, не эксплоатирующим трудящихся... Настоящим строжайше предписывается всем Губпродкомам и Губисполкомам на местах согласовать во всем свою деятельность с общей политикой центральной власти и неукоснительно стремиться к об'единению деревенской бедноты и среднего крестьянства путем обеспечения интересов того и другого. Комитеты бедноты должны быть революционными органами всего крестьянства против бывших помещиков, кулаков, купцов и попов, а не органами одних лишь сельских пролетариев против всего остального деревенского населения». (Курсив мой — *М. К.*).

Эта директива, направленная против «антисередняцких перегибов» того времени, представляет особый интерес, поскольку она относится к периоду расцвета комбедов, т.-е. к моменту особого обострения классовой борьбы, когда в политических лозунгах, справедливо, особо заострялась задача активизации бедноты.

И второй документ — это решение XIV партс'езда о резком осуждении уклона,

> «состоящего в недооценке диференциации деревни... не видящего обязательности для партии организовывать и сплачивать бедноту и батрачество против кулака и борьбы с ним».

Это решение мы привели для того, чтобы показать, как партия в момент, требовавший особого заострения борьбы за середняка, за развитие производительных сил деревни, вместе с тем с большевистской четкостью поставила вопрос об организации бедноты, подчеркнув тем самым неразрывную связь между задачей укрепления союза с середняком и усилением работы среди бедноты. В скобках заметим, нельзя же признать случайностью то, что

[1]) В. Аверьев — статья «Комитеты бедноты». — «На аграрном фронте № 3 за 1930 г. — По материалам Пензенского архива, фонд Губпродкома.

тов. Бухарин на второй день после XIV с'езда в своем докладе на XXIII ленинградской конференции ВКП(б), говоря о том, что «главное средство борьбы с кулачеством лежит по линии отвоевания от кулаков середняцких слоев крестьянства», на протяжении всей своей речи ухитрился не обмолвиться ни полусловом о задачах политической организации бедноты. И это после достаточно четких указаний с'езда.

Упорная работа партии над правильной организацией бедноты, над всемерным повышением ее влияния в бедняцко-середняцком блоке под руководством рабочего класса — сыграла, на ряду с прочими условиями, серьезнейшую роль в том, что «вслед за бедняком в колхозы двинулись и середняцкие массы» (ноябрьский пленум ЦК, 1929 г.). «В колхозы вступают не только отдельные группы бедноты, но в колхозы пошел в своей массе и середняк» (Сталин).

Есть люди, которых ни один исторический опыт не в состоянии ничему научить, память которых простирается на срок, не более одного дня. К подобной категории людей принадлежат, видимо, и те, кто решающую задачу данного этапа, задачу закрепления середняка в колхозном движении стараются истолковать, как необходимость отказа или ослабления внимания к делу дальнейшей организации бедноты, сплочения батрацко-бедняцкого ядра. Подобные настроения, несомненно, имеются и характернее всего то, что эти настроения встречаются чаще всего именно среди тех работников, которые еще недавно насаждали антисередняцкие перегибы, хвостистски потворствовали отсталым, узко потребительским настроениям (дележки «за счет середняка») известной части бедноты, короче, среди части работников, которые работали на кулака против политики партии. Находятся даже люди, которые готовы считать чуть ли не основной причиной перегибов «излишнее увлечение работой среди бедноты», слепо проходят мимо того бесспорного факта, что злейшие перегибы были именно там, где партийная организация плохо работала над правильной организацией бедноты. Приведем несколько примеров, характеризующих настроения кое-каких работников, в частности, при выправлении перегибов:

«... С момента начала исправления перегибов... в работе с беднотой получился крутой поворот в худшую сторону. Это положение об'ясняется тем обстоятельством, что исправление перегибов проводилось аппаратным путем. Беднота и батрачество не были мобилизованы на исправление перегибов. Они не являлись такой опорой организации, какой были при проведении всех кампаний». (Из доклада работника, командированного Отделом Агитации и Массовых кампаний ЦК в деревню Елецкого округа).

«... В настоящее время и в колхозе и на селе особенно остро сказывается плохая работа с беднотой и ее плохая организованность. Активность бедноты ослабла, как после сильного поражения».

И это, по мнению командированного в Вологодский округ работника,—следствие того, что бедноту не организовали на преодоление перегибов, по существу не раз'яснили допущенных ошибок, прекратили с ней работу.

«Как следствие всего этого и плохой работы вообще, беднота кое-где начинает сдавать свои классовые позиции. Уже есть несколько случаев, когда бедняцкие собрания дают явное одобрение кулакам»...

К этому же выводу приходит бригада Комакадемии, изучающая в данный момент состояние Краснополянского района сплошной коллективизации:

«В том разброде, который получился в процессе исправления ошибок (речь идет о том, что исправление перегибов проводится исключительно аппаратным путом. *М. К.*) беднота была в значительной мере предоставлена сама себе». «Работа... с беднотой, даже в том размере и того характера, которая велась до того времени, почти замерла».

Секретарь Красногвардейского района (Ленинградск. область) выступает на районном кооперативном совещании с такой установкой: «Организовывать при поселковом товариществе группу бедноты нецелесообразно и это противоречит партийной директиве».

Ораниенбаумский райком по вопросу об организации групп бедноты ответил (представителям Маслоцентра) «с этим делом успеем».

Уполномоченный Цимлянского райкома, Сальского округа, на собрании парт'ячейки, при обсуждении вопроса об организации группы бедноты (по сообщению бригады Хлебоцентра) заявил буквально следующее:

«Преступно затрачивать время собрания на обсуждение такого вопроса, не беднотой мы сейчас должны заниматься; вот попадет протокол в райком, увидят, чем мы занимаемся и здорово нам за это влетит».

До такой глупости и цинизма додумаются вряд ли многие, но бесспорно, кое-кому следует напомнить известное место из решения ЦК:

«Только чуждые ВКП и ВЛКСМ элементы могут игнорировать эту коренную задачу партии, задачу самостоятельной организации бедноты и батрачества в деревне».

Практика полностью подтвердила подобную характеристику людей, игнорирующих работу среди бедноты, оставляя ее полностью в силе и на сегодняшний день. При этом подобная характеристика полностью подходит не только к тем, кто последовательно все время игнорировал партийные решения о работе среди бедноты, но и к тем, кто заразился этой болезнью недавно, кто вздумает лечиться от перегибов и головотяпства посредством прекращения работы по организации бедноты. Головотяпство головотяпством могут лечить только головотяпы.

Подобное же непонимание партийной линии находит свое отражение и в том, что даже тезисы тов. Яковлева к XVI парт'с'езду иные товарищи готовы истолковать как «перемену курса» в отношении бедноты. Излишнюю сжатость пятого тезиса тов. Яковлева (несомненно, стоящего и требующего того, чтобы XVI с'езд партии его записал в более развернутом виде) кое-кто не прочь использовать для его явно ложного толкования. Взять также к примеру тов. Рякова, задавшего в первом номере «Дискуссионного Листка» «Правды» ряд действительно схоластических вопросов, показывающих, что тов. Ряхов просмотрел новый этап социалистического строительства, новую расстановку классовых сил в деревне и,—с другой стороны,—не менее схоластические ответы тов. Файна во втором номере «Листка». Тов. Ряхов, как видно из его второй статьи («Дискуссионный Листок» № 5), до сих пор еще не понял, в чем главная его ошибка. Он упорно проходит мимо того решающего факта, что середняк, прочно ставший на путь коллективизации, уже на сегодняшний день принципиально отличается от середняка-единоличника, поскольку он, вступив в колхоз, твердо выбрал форму социалистического развития производственых отношений. Тов. Ряхов издевается (во второй своей статье) над теми, кто не ставит знака равенства между бедняком-колхозником и бедняком-единоличником (который еще пока не поддержал колхозного движения): «Отныне мы устанавливаем, что есть «красный» бедняк и «краснеющий». Не так ли?». Дело не в эпитетах, а в том, что бедняк в колхозе, несомненно, более прочная опора, чем бедняк вне колхоза. Тот, кто этого не понимает, не поймет и того, что и середняк, прочно вступивший в колхоз—это уже не просто союзник (каким является середняк-единоличник), а опора партии в деле социалистического переустройства сельского хозяйства. Надо же понять, что поскольку генеральная линия партии и линия борьбы пролетариата против капитализма за социализм в деревне идет по пути создания крупного общественного социалистического хозяйства, то те социальные слои,—в данном случае среднего

крестьянства, которые прочно становятся на эту линию партии (тем, что непосредственно вступают в колхозы, идут на ломку старых производственных отношений и под руководством рабочего класса строят новые)—становятся прочной опорой партии. Однако, если тов. Ряхов не увидел нового в расстановке классовых сил и, прежде всего, в изменении роли середняка, в связи с его вступлением в колхоз, то тов. Файн явно запутался в *механическом* истолковании этого нового. Если он и увидел новое, то он это новое явно не понял. Взять к примеру файновское об'яснение того, почему отпадает в частности «бедняцкая» часть (опора на бедноту) ленинского лозунга. Файн считает, что эта часть лозунга была рассчитана лишь «на такой период... когда в деревне еще не развертывалась острая классовая борьба за социалистические формы сельского хозяйства»... Как всем (впрочем, кроме Файна) известно, «острая классовая борьба за социалистические формы сельского хозяйства» развернулась в деревне не с сегодняшнего дня. *Так* комментировать тезисы об изменении характера опоры, как это делает Файн, мягко выражаясь, неправильно, неумно и лишь может способствовать запутыванию и так сложного вопроса.

Судя по всем наблюдениям (не только по печати, но и партийным собраниям, по разговорам с коммунистами) при обсуждении известного тезиса Яковлева об опоре, обнаруживаются две важных ошибки. Одни пытаются к новой социально-экономической и политической обстановке в деревне подходить со старыми, *механически* воспринятыми понятиями, не понимая того, что наша опора в деревне значительно *расширилась* за счет середняка, который, твердо вступив в колхоз, ни в коем случае уже не подходит под рубрику «союзника», становясь также прочной опорой и, что не менее важно, проходят мимо серьезнейшего факта, что опора партии в деревне *качественно* значительно укрепилась, поскольку бедняк-колхозник это уже качественно иной «материал» для опоры, чем распыленные бедняки-единоличники, все еще в известной мере экономически зависимые от кулака. Другие же пытаются под словесной шелухой «о новом» *протащить* гнилые теории о том, будто беднота перестала быть опорой. Они не понимают, что, поскольку колхозы не последовательно-социалистического типа предприятия, а социалистическая форма *развития* сельского хозяйства — ни в коем случае нельзя рассматривать и колхозника, иначе как *в процессе* его социалистической *переделки*. Колхозник уже не простой крестьянин, но еще отнюдь не законченный тип «настоящего труженика социалистического общества» (Сталин). Только слепые могут усмотреть в колхозе и между колхозниками полное экономическое и политическое равенство, отрицать наличие известных противоречий между: теми, кто «не освободился еще от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в колхозах в свою выгоду» и теми, кто «желает изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство» (Сталин).

Подобные товарищи также проходят мимо особой роли бедноты в *единоличном* секторе, где беднота является основной опорой, от организованности которой в значительной мере зависят дальнейшие успехи коллективизации основных масс крестьянства. Подобные товарищи на ряду с этим об'ективно способствуют игнорированию одной из решающих и на сегодняшний день задач партии, задачи организации деревенской бедноты и батрачества. Между тем, при всех одержанных партией крупнейших успехах в деле хозяйственного под'ема и политической активизации бедняцко-батрацких масс—эта работа все еще продолжает оставаться одним из наиболее уязвимых участков работы в деревне. *Все еще недостаточная организованность бедноты и батрачества может стать узким местом в дальнейшем развертывании коллективизации* (взять, к примеру, опыт отливов) и *успешного завершения борьбы с кулаком*. Кстати сказать, за последнее время во многих местах снова намечается явная недооценка силы кулака. *Бдительность* в отношении кулацкой тактики, новых кулацких методов борьбы—за последнее время по целому ряду мест, несомненно, *ослабла*. Многие низовые партийные организации районов не массовой коллективизации готовы считать, что кулак, по существу, уже ликвидирован. Между тем, в связи с перегибами в отношении середняка, а в особенности там, где эти перегибы крайне медленно выправляются, где не выправлена линия в отношении единоличника—*кулак пытается преодолеть свою изолированность, пытается встать на ноги, повести новую борьбу за укрепление своего влияния на середняка и бедняка*. Чтобы немедленно пресечь малейшие попытки в этом направлении, надо знать лицо кулака и на *сегодняшний день*. Это относится и к раскулаченному, но не выселенному из своего района, кулаку. Думать о том, что подобный кулак «успокоился», будет, по меньшей мере, наивно.

II.

В период между XV и XVI с'ездами партия достигла крупнейших успехов в деле производственного под'ема и политической организации батрацко-бедняцких масс. Путь массового кооперирования и коллективизации открыл новые, невиданные возможности хозяйственного под'ема основных батрацко-бедняцких масс, выкорчевывая самые корни эксплоатации и тем самым нищеты. Темпы охвата бедняцких хозяйств различными колхозно-кооперативными системами рисуются следующим образом. По линии кредитной кооперации число членов бедняков выросло с 13,2% в 28 г. до 33,2% к концу 29 г. По линии хлебной кооперации (по приблизит. подсчетам): за год охват бедноты увеличился почти в *три раза* (1,821 тыс. против 591 тыс.); по линии молочной кооперации количество кооперированных бедняков увеличилось с 460 тыс. до 630 тыс. и т. д. Средний процент кооперирования бедноты по линии потребкооперации по РСФСР—с 50,3% на 1/X-28 г. достиг к 1 мая 1930 г. по основным районам страны—90%. Значительно выросла хозяйственная помощь бедноте по линии ее кредитования. Удельный вес бедноты в кредите возрос с 13,8% в 1927/28 г. до 40,7% в 1928/29 г., а по сумме задолженности с 12,1% до 38,1% — на 1 октября 1929 г.). Беднота получила 64% всех кредитов, отпущенных единоличникам в весеннюю посевную кампанию.

На основе всего этого и упорной работы по самостоятельной организации бедноты партия добилась серьезных успехов в деле решительного повышения активности и *политического авторитета* бедноты во всей общественно-политической жизни села. Значительно выросла батрацко-бедняцкая прослойка в составе советов (33% в 1929 г. против 16,9% в 1927 г.) и в органах управления кооперации [1]).

Огромную роль стала играть беднота в проведении основных кампаний на селе, хлебозаготовок, сбора сельхозналога, самообложения, перевыборов и т. д.

В деле роста политической активности бедноты, в деле ее самостоятельной организации большую роль сыграли *бедняцкие собрания*. К примеру, по РСФСР, в связи с последними перевыборами советов, было проведено 16.000 *собраний* бедноты, по Белоруссии—свыше 1.000 собраний и т. д. Десятки тысяч собраний были проведены в посевную и хлебозаготовительную кампании. Полностью себя также оправдала практика со-

[1]) По выборочным данным Животноводсоюза по ЦЧО на 1-е декабря 28 г. в составе правлений было 33,5% бедняков, а на 1-е апреля 30 г. — 53,3%; по Западной области за этот же срок процент возрос с 29 до 55%; по линии Маслоцентра (данные по Сибири) удельный вес бедняков вырос с 32,4% до 47,2% и т. д.

зыва конференций бедноты, которые за последний год в связи с подготовкой сева и хлебозаготовками были проведены почти что повсеместно.

Однако, при всех этих успехах в работе среди бедноты и на сегодняшний день продолжается серьезнейший разрыв между политической активизацией бедноты, ростом ее политического авторитета и повышением ее влияния на повседневную работу низовых советских, кооперативных органов по социалистической переделке сельскохозяйственного производства.

Мощное колхозное движение, рост всех видов кооперации, совхозное строительство,—все это создало огромные возможности для решительного повышения производственного авторитета батрацко-бедняцких масс. Однако, работа по воспитанию на этой основе из бедноты и батрачества через советы, через кооперацию, через органы управления колхозов организаторов общественного производства, передовых социалистических производственников, явно отстает от работы по политической активизации батрацко-бедняцких масс. И в этом основной недостаток работы среди бедноты на сегодняшний день. Отсутствие повседневной работы с беднотой (при ее активнейшем вовлечении в проведение различных кампаний) сказывается, прежде всего, на том, что в отличие от огромных успехов, одержанных такой формой организации бедноты, как бедняцкие собрания и конференции—батрацко-бедняцкие группы все еще продолжают работать в основной своей массе крайне неудовлетворительно. Советы и кооперация, эти основные хозяйственно-политические центры на селе, все еще крайне слабо работают над выращиванием из батраков и бедняков кадров практических работников в той или иной области социалистического строительства сел.-хоз. производства. Это обстоятельство неизбежно находит свое отражение и на работе батрацко-бедняцких групп.

Самое плохое — это то, что многие работники советов и кооперации до сих пор ясно не представляют себе места батрацко-бедняцких групп в системе этих органов. Они явно не понимают, что основное назначение батрацко-бедняцких групп — сплотить под руководством партийных организаций широкие батрацко-бедняцкие массы села вокруг разрешения практических (не только политического, но обязательно и производственного характера) вопросов работы советов и кооперации, помочь партии в деле выращивания из батраков и бедняков новых кадров советских, кооперативных работников. Многие, даже из руководящих кооперативных и советских работников, безбожно путают в этом вопросе. Ярким подтверждением этого может служить статья «Шире дорогу середняку» редактора бюллетеня Хлебоцентра тов. Потяева, в которой он «по-хозяйски» распределяет по полочкам: бедноте через батрацко-бедняцкие группы он предоставляет заниматься голой борьбой с кулачеством (раскулачивание), а середняку через производственные совещания организацией сел. хоз. производства. Основной лозунг партии о решительном привлечении середняка к руководству колхозным производством, о сосредоточении всех сил на закреплении середняка в колхозном движении, видимо, кое-кем готов истолковываться, как отказ от дальнейшего привлечения бедноты к вопросам организации производства. Своеобразная «специализация»: середняку — производство, бедняку — «политика». Вечная история! либо—либо, либо середняка не допускать к руководству колхозным производством, либо бедняка изолировать от этого дела. Эти настроения безусловно насквозь враждебны партийной линии.

О недооценке роли батрацко-бедняцких групп могут свидетельствовать и следующие факты. По данным к началу 1930 г., по 14 основным районам Советского Союза имелось всего 24.000 с лишним групп, из них свыше 50% при сельсоветах и менее 30% при выборных органах кооперации. О «плотности»

сети групп можно судить по следующему: по Нижней Волге, на 5.584 низовых организаций имелось 1.430 групп (25,6%; по Новосибирскому округу, на 1282 организации—233 группы, по Бийскому округу—на 1.200—177 групп; по Архангельскому округу на 913 сельсоветов 70 групп; по Сев.-Двинскому округу на 241 сельсовет—117 групп, на 233 колхоза—14 групп и т. д., Правда, по данным на 1 мая 1930 г., целый ряд парторганизаций достиг довольно серьезных успехов в деле дальнейшего развертывания батрацко-бедняцких групп, преимущественно за январь—март. Так, по Сибири сеть групп выросла с 3.817 на 1 января до 5.700, по Нижней Волге с 1.711 до 2.246, по Западной области—с 1.647 до 2.498; по Средней Волге—с 2.900 до 3.857.

Однако, эти количественные успехи в деле организации групп требуют целого ряда серьезных поправок. Во-первых, далеко не все зарегистрированные группы на деле существуют (судя по выборочному обследованию процент работающих групп не превышает в среднем 40%; во-вторых, и фактически существующие группы в целом ряде мест отличаются крайней неустойчивостью, так, напр., по сведениям о 100 работающих группах—26 групп существуют до 6 мес., 55 — от 6 мес. до года и лишь 19% — свыше года. И, наконец, действительно существующие, работающие группы зачастую занимаются не тем, чем надо, не сосредоточивают своего основного внимания на усилении влияния бедноты и батрачества на разрешение основных политических и хозяйственно-производственных вопросов жизни села. Если взять, к примеру, упомянутые выше 100 групп, то лишь 47 из них занимались этими вопросами. Специальная проверка работы советских и кооперативных органов по выполнению декабрьского решения ЦК об укреплении руководства батрацко-бедняцкими группами выявила безобразнейшее отношение, в первую очередь, большинства кооперативных систем к этой важнейшей задаче. Насколько мало ответственными чувствуют себя многие руководители кооперативных систем за постановку работы среди бедноты (вопреки специальному поручению, данному им декабрьской директивой ЦК), можно судить по тому, что многие даже не пытаются оправдываться, считая отсутствие повседневной работы среди бедноты чем-то вроде «неизбежного зла». Фракция Союза Союзов в своем решении от 10 февраля, поставила на вид правлениям Хлебоцентра, Животноводсоюза, Маслоцентра, Льноцентра, Свеклоцентра, Птицеводсоюза, Центротабаксоюза, Семеноводсоюза, Плодоцентра, Всекопромсоюза и Пчеловодсоюза (при всем обилии кооперативных центров трудно вспомнить: кто же остался без выговора) «за невыполнение постановления Союза Союзов от 18 декабря—о выделении членов правления, ответственных за работу по организации групп батрачества и бедноты». Насколько мало подействовало это решение видно хотя бы из того, что 25 апреля 1930 г. Союз Союзов вновь вынужден констатировать, что «несмотря на многочисленные директивы, система сельскохозяйственной кооперации еще не занялась конкретной работой среди бедноты и батрачества вообще и работой батрацко-бедняцких групп, в частности». «Аллилуя, аллилуя» многих кооперативных да и советских органов выражается в том, что решений о необходимости усиления работы среди бедноты за последнее время (время усиленной борьбы с правым уклоном), вынесено ими немало, ответственности же за работу среди бедноты, за выполнение этих директив фактически никто не несет. О характере работы кооперативных систем по укреплению батрацко-бедняцких групп можно судить хотя бы по таким примерам:

Московский обл. животноводсоюз дал директиву местам (в частности, Пушкинскому райколхозсоюзу): «в двухдневный срок провести учет социального состава колхозно-кооперативной системы, в тот же срок провести организацию групп бедноты и батрачества и наладить систематически их работу». Бригада «Рабочей Москвы» описывает, как происходила эта организация:

«Приезжает инструктор в колхоз и спрашивает правленца: сколько батраков, сколько бедняков... Данные заносились на бумагу и составлялась группа. Но группа не собиралась, не инструктировалась. Некогда. Инструктору надо было бежать дальше. И так в каждом колхозе».

Однако, судя по данным Ленинградской области, группы бедноты, которые удостаивались «инструктирования», от этого немного выгадывали. Инструктор Льносоюза, обследуя состояние работы в Новгородском округе, составил акт, в котором так излагает производственный план работы группы:

«Изжить старые навыки эпизодической работы с беднотой, от случая к случаю, перевести всю работу на плановые методы, беря за основу проработку с беднотой всех принципиальных вопросов, имеющих политический характер и вытекающих из процессов повседневной работы райсоюзов».

Не многим лучше осуществляют руководство батрацко-бедняцкими группами большинство партийных организаций на селе. Задерганная проведением различных кампаний, крайне слабая деревенская партийная организация, которая не умеет еще работать через широкий беспартийный актив, превращая батрацко-бедняцкие группы в свои «удлиненные руки»—чаще всего вовсе обходит этот наиболее трудный участок работы среди бедноты. Создать работоспособные батрацко-бедняцкие группы, так организовать работу группы, чтобы она ни в какой мере не подменяла соответствующего выборного органа и, вместе с тем, обеспечивала бы всей своей работой укрепление союза с середняком, решительное привлечение середняка к социалистическому строительству и, наконец, не превратилась бы в самозамыкающуюся группку, а действительно помогала бы партийной организации сплотить вокруг советов, кооперации основные батрацко-бедняцкие массы—это чрезвычайно сложная задача, куда более сложная, чем провести тысячи и десятки тысяч различных собраний и конференций бедноты. Когда справедливо ругают те партийные организации, которые считают работу с беднотой или с активом «дополнительной» работой, то при этом все же надо учесть, что на первое время это, несомненно, дополнительная работа. Это, своего рода «первоначальное вложение», без которого нельзя перестроить работу на селе, нельзя радикально расширить круг низовых организаторов, но для которого, несомненно, требуется затрата известного дополнительного труда. Нынешние темпы социалистического строительства в деревне искушают многих работников не тратить время на групп. Значительно проще, да и быстрее, ограничиться проведением десятка такое кропотливое дело, как создание работоспособных батрацко-бедняцких собраний, или даже конференций бедноты. Надо также учесть, что «административный восторг», который больше чем достаточно внедрен в головы многих работников, толкает их и на совсем легкий путь: «к чему возиться с собраниями и группами, когда и так можно любое решение провести». Или, как описывают армавирские товарищи, полученные ими ответы от районных и сельских работников по вопросу об укреплении работы групп: «Некогда. Сев, коллективизация. Некогда работать с беднотой. Некогда, товарищи». Примерно также описывает мотивы плохой организации работы батрацко-бедняцких групп корреспонденция из смоленской деревни: «Зря тратить время на эту работу, сейчас нужны темпы». К этому надо прибавить, что «уполномоченные» (которые за последнее время стали почти-что основной формой руководства в очень многих партийных организациях) также многим не содействовали укреплению работы батрацко-бедняцких групп. Самая отрицательная черта системы работы через уполномоченных,—

беспрерывная их текучесть, а подчас и случайный подбор,—особенно болезненно сказалась именно на этом деле. «Нам не до групп, семена собирать надо».

И после подобного руководства работой батрацко-бедняцких групп находятся все же люди, которые готовы видеть причину слабой работы групп в том, что эта форма не оправдала себя. Я имею в виду тов. Крылова, который в свое время в статьях (от которых он впоследствии отказался), заявлял, что группы «не могут являться практически лучшей формой организации бедноты». Тов. Крылов в свое время мотивировал это тем, что «для нового времени новый костюм потребен для нового дела». Дело не в том, что тов. Крылов тогда искал новый костюм (в этом ровным счетом ничего предосудительного еще нет), а в том, что он рекомендовал партии сшить этот костюм обязательно на троцкистский фасон. Как известно, в упомянутой статье—«Создадим об'единения бедноты» прямо предлагалось немедленно создать самостоятельные организации бедноты с выделением правлений в сельском и районном масштабе, «окружные, краевые, республиканские центры можно будет создавать по мере укрепления низовых организаций и накопления опыта». На языке об'единенной оппозиции (см. платформу к XV с'езду) это называлось проще—созданием союза деревенской бедноты. В этой связи мы напоминаем полутроцкистскую линию «левых» загибщиков только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть одно из наиболее опасных мест в их концепции, попытку отвлечь внимание партии от основной задачи—укрепления влияния бедноты и батрачества на работу советов и кооперации, и через них укрепления как политического, так и хозяйственного авторитета бедноты. Ведь не случайно тов. Крылов в упомянутых статьях ни полусловом не обмолвился о советах и кооперации (если не считать того места, где он полемизировал против тов. Туткина, якобы переоценившего борьбу кулака за влияние в советах и кооперации). Концепция «левых» загибщиков потому насквозь фальшива, что она исходит из неправильной оценки задачи организации бедноты на нынешнем этапе. На деле (как бы они от этого не открещивались), требуя обособленно-оформленных от советов и кооперации об'единений бедноты, другими словами, ратуя за союз бедноты, они, по существу, показывают свое полное непонимание новых задач, стоящих перед партией в деле организации бедноты, т.-е. задач, направленных на борьбу с кулаком, не комбедовскими методами раскулачивания, а на основе роста социалистического строительства и укрепления пролетарской классовой линии в работе прежде всего советов и кооперации. Путь дальнейшего повышения политического и хозяйственного авторитета бедноты лежит, в первую очередь, через ее коллективизацию, а также через укрепление ее влияния на повседневную практическую работу советских и кооперативных органов. При чем укрепление роли бедноты в работе советов и кооперации одно из обязательных условий успешной подготовки коллективизации бедняцких и середняцких масс. Этого-то и не поняли «леваки», как они вообще не поняли той истины, что советы нынешнего периода не ровня советам 18 года и что они могут и должны будут справиться с теми задачами, которые поставлены перед ними пролетарским государством без параллельно существующего союза бедноты или комбедов.

Батрацко-бедняцкие группы имеют в своей работе целый ряд крупнейших недостатков, больше того, быть может, требуется внесение серьезных организационных поправок в самое их построение. Однако, столь же бесспорно, что там, где батрацко-бедняцкие группы работают, они полно-

стью себя оправдали и показали, что при правильной своей организации (прежде всего — при преодолении бюрократической регламентации, вовлечении в состав группы наиболее активных бедняков и батраков из состава членов секций, уполномоченных кооперации и т. д., при выделении в качестве постоянных организаторов групп на ряду с коммунистами, комсомольцами наиболее проверенных бедняков, батраков, колхозников, и, наконец, что важнее всего, при обеспечении действительного руководства группами) эти группы играют серьезную роль в обеспечении классовой линии в работе советов, кооперации и колхозов. Если даже обратиться к опыту работы тех ста групп, которых мы уже касались, то все же 47 из них ведут большую практическую работу.

III.

Основные задачи работы среди бедноты и батрачества на сегодняшний день—это на ряду с дальнейшим повышением их политической активности всемерное повышение их производственного авторитета, превращение бедняков и батраков в застрельщиков колхозного движения, передовых борцов за повышение качества колхозного производства, воспитание социалистического отношения к общественному производству, при преодолении узко-потребительских, иждивенческих настроений отдельных бедняцких элементов и на всей этой основе — укрепление союза бедноты с середняком под руководством рабочего класса.

Мы еще и еще раз подчеркиваем, что в данный момент особое значение приобретает вопрос о решительном повышении производственного авторитета бедноты, для которого (повышения авторитета) колхозным строительством открывается широкая дорога, создаются все необходимые условия. Вместе с тем, перечисляя основные и общие задачи, стоящие перед партией в ее работе среди бедноты, следует все время иметь в виду, что в данных условиях требуется особо четкий подход к определению задач работы среди бедноты в различных секторах, на различных ступенях нашего строительства. Новый этап социалистического строительства не может не ставить по-новому вопроса о характере, содержании работы среди бедноты. Ни на минуту нельзя упускать глубокой разницы, которая имеется между задачами, стоящими в деле организации бедноты в единоличном и социалистическом секторе деревни. Больше того, в каждом из этих секторов на различных ступенях развития—задачи не могут не стоять по-особому. Грубо схематически эта диференциация задач представляется в следующем виде.

Начнем с единоличного сектора. Для основных зерновых районов, где начался и идет процесс массовой, сплошной коллективизации, коренным и непосредственным лозунгом мобилизации бедноты-единоличников является превращение бедноты в авангард массового колхозного движения, в застрельщиков коллективизации в относительно кратчайший срок (при безусловном соблюдении принципа добровольности) основных масс крестьянства. На этой основе в союзе с середняком и колхозниками борьба за окончательный разгром кулачества, пытающегося в своей борьбе с колхозами опереться на известные слои крестьянства.

В районах же потребляющих и отсталых национальных коренным лозунгом в работе среди бедноты, в соответствии с политикой партии, должна являться мобилизация бедняцких масс на проведение мероприятий, связанных с подготовкой массовой коллективизации. Другими словами, самостоятельная организация бедноты здесь, прежде всего, направляется на укрепление пролетарской линии в работе низовых советов и кооперации (отсюда, в частности, особую важность приобретает укрепление батрацко-бедняцких групп), на дальнейшее решительное развертывание наступления в союзе с середняком на кулака, на ограничение его роста и эксплоататорских устремлений.

Перейдем теперь к колхозному сектору. Здесь, безусловно, необходимо диференцировать задачи в соответствии с процессом колхозного движения. Характер работы среди бедноты не может не меняться по мере перехода от простейшего к более сложному типу колхозов [1]), поскольку различные этапы в обобществлении средств производства не могут не отразиться на протекающем процессе переделки крестьянина в социалистического производственника. Общая задача работы среди бедноты для всех типов колхозов это—дальнейшее повышение ее (бедноты) политического и производственного авторитета, усиление ее влияния на всю жизнь колхоза, направление всего этого авторитета и влияния на закрепление колхозов, преодоление кулацкого влияния на колхозы, повышение качества колхозного производства и, что особо важно, на выполнение колхозом всех его обязательств перед государством и на всей этой основе на полную переделку колхозника. Однако, в каждом из типов колхоза конкретные задачи, требующие особого заострения, будут различны. Что касается задачи организации бедноты в первичных формах коллективных хозяйств (созы), то они в значительной мере обусловлены известным пунктом тезисов тов. Яковлева:

> «Работа групп бедноты в первичных формах нашего хозяйства должна быть улучшена и усилена, поскольку, только опираясь на бедноту, можно обеспечить переход простейших об'единений на высшую ступень коллективизации. Партийные организации в колхозах должны обеспечить такую постановку работы групп бедноты, чтобы они не только защищали непосредственные интересы бедноты, но и содействовали укреплению союза рабочего класса и деревенской бедноты с середняками».

Основная задача работы среди бедноты и, в частности, батрацко-бедняцких групп в соз'ах—это на основе дальнейшего повышения ее политического и производственного авторитета, обеспечение перехода простейших об'единений на высшую ступень коллективизации и ограждение бедноты от попыток ее эксплоатации более имущими слоями колхозников. Однако, само собой понятно, что те батрацко-бедняцкие группы в колхозах и те организаторы работы среди бедноты, которые направят свою работу не по линии сплочения бедняков и середняков-колхозников, а по линии разжигания борьбы между ними, сделают, по существу, антипартийное дело, будут на деле подрывать политику партии.

Теперь относительно сельскохозяйственных артелей. Нужна ли там специальная работа среди бедноты? В отличие от тов. Устинова (который в № 5 «Дискуссионного Листка» «Правды» фактически высказывается против специальной работы среди бедноты во всех типах колхозов), мне кажется, что и здесь на данном этапе развития, несомненно, требуется специальная работа среди бедноты, хотя и не обязательно в виде батрацко-бедняцких групп (созыв собраний бедноты по специальным вопросам, работа через группы при советах и т. д.).

> «В артели не завершается, а лишь начинается дело создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству. В кол-

[1]) Имеется, конечно, ввиду, что этот переход от простейшего к более сложному типу колхоза, вызван не перегибами, а здоровым ростом колхоз. движения

хозе крестьяне окончательно изживут мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унаследованную от поколений мелких частных собственников» и т. д.

Поскольку это положение из тезисов тов. Яковлева верно, постольку верно и то, что в сельскохозяйственных артелях еще на сегодняшний день не снимается задача специальной работы среди бедноты. Другое дело, каковы задачи и формы этой работы. Тут центр тяжести работы среди бедноты переносится на задачи повышения ее политического и производственного авторитета (повышение квалификации, авангардная роль в соцсоревновании, ударничестве, работе производственных совещаний и т. д.), ее мобилизации на борьбу за закрепление середняка в колхозном движении, «цементирование» колхоза и преодоление совместно с середняцким активом возможных колебаний (отливов) отдельных групп колхозников, окончательное преодоление кулацкого влияния на колхоз, на борьбу за качество колхозного производства, за его дальнейшее обобществление и механизацию, на завоевание передовой роли в борьбе за социалистическую переделку колхозника в выращивании новых кадров деревни.

Такова схема (как большинство схем, страдающая неполнотой, условностью, не отражающая всей сложности процесса) задач, стоящих по-новому и по-разному в различных секторах сельского хозяйства и на различных ступенях строительства. Само собой понятно, что, по мере закрепления с.-х. артелей, по мере роста обобществления и самой социалистической переделки колхозника, надобность в самостоятельной работе среди бедноты в колхозе будет постепенно уменьшаться, а затем и исчезать.

Еще одно замечание в этой связи. За последнее время местами (правда, весьма глухо) стали снова раздаваться не особо свежие разговоры о бедняках-«лодырях», в данном случае, «лодырях колхозного производства». Надо повести решительную борьбу против реакционной болтовни о бедняке-лодыре в колхозе, так же как и против имеющихся местами не менее реакционных попыток об'яснить основную причину частичных выходов бедноты из колхоза тем, что якобы «вне колхозов беднота пользуется всякими привилегиями со стороны государства и она не хочет быть в колхозе, боясь работать». Чепуха! Легче, чем кого бы то ни было можно мобилизовать бедняка вокруг лозунга закрепления колхоза. Надо лишь умело показать бедняку, как и середняку, что повышение его благосостояния полностью зависит от повышения качества колхозного производства, не покладая рук, работать над преодолением узко-потребительских настроений у отдельных элементов бедноты. В этой связи отметим, что ряд фактов свидетельствует о том, что за последнее время имеется в некотором отношении рост узко-потребительских тенденций со стороны известной части бедноты [1]). Росту подобных настроений, несомненно, способствовали и перегибы в практике колхозного строительства, линия на самозамыкание бедноты, которую проводил ряд партийных организаций (в виде создания исключительно бедняцких бригад без привлечения середняка, сплачивания актива только из бедноты, вовлечения в состав различных выборных органов колхозов только бедняков), а самое главное—проведение раскулачивания вне всякой связи с коллективизацией. Только упорная и правильная организация бедноты может обеспечить преодоление таких настроений. Борьба за повышение производственного авторитета бедноты в колхозе, за авангардную роль бедноты в социалистическом соревновании и т. д. отбросит в сторону эти отсталые элементы среди бедноты, развенчает тип «активиста-иждивенца» там, где он встречается, будет способствовать выдвижению широкого, нового актива социалистических производственников.

[1]) Однако, тут же следует оговориться, что, судя по всем наблюдениям, иждивенческие настроения отнюдь не свойственны только лишь элементам из бедноты. Можно привести ряд примеров явно иждивенческих требований со стороны середняка, а иногда и преимущественно со стороны середняка; в роде: «раз я вступил в колхоз, государство должно меня обеспечить, государство должно дать семена, хлеб и т. д.». Тут, конечно, резко сказывается слабое привлечение середняка к непосредственной организации колхозного производства, слабая производственная активизация середняка.

На ряду с социалистической переделкой середняка, преодолением его «второй души», колхоз должен будет помочь окончательному изжитию характерных для известной части бедноты узко потребительских тенденций—этих тяжелых следов от работы в течение десятков лет «на людей».

Подводя итоги сказанному, необходимо еще раз подчеркнуть, что неразрешимые противоречия между высказанными задачами—закрепления середняка в колхозном движении и организации бедноты могут найти либо те, кто сознательно хочет, пользуясь новыми лозунгами, свернуть работу среди бедноты, либо те, кто не хочет отказаться от антисередняцких перегибов, кто не хочет понять новой роли вовлеченного в колхоз середняка, кто не понимает новых задач в работе среди бедноты. Линия партии идет мимо тех и других.

* * *

Я здесь не касаюсь отдельно вопроса о работе среди сельскохозяйственных рабочих. Между тем этот вопрос требует особого заострения. Рост совхозов, МТС, сельскохозяйственной индустрии сказался на решительном изменении лица сельскохозяйственного пролетариата. Этот самый надежный, непосредственный отряд рабочего класса в деревне начинает приобретать все большее и большее значение. Достаточно сказать, что профсоюз сельхозрабочих с XV с'езда увеличился больше чем на 500 тыс. чел. (1.700.000 чел. вместо 1.097.000 чел.) и при этом самое важное заключается в том, что батрак все в большей мере вытесняется сельхоз. рабочим. Вот цифры: на август 1927 г. количество батраков (вместе с общественными пастухами) занятых на сроковых работах в индивидуальном крестьянском хозяйстве составляло 2.473.100 чел. На август 1928 г. их было уже только 2.381.700, а на август 1929 г. только 1.855.400 чел., т.-е. за два года их количество сократилось на 25%. Между тем, если на июль 1927 г. постоянных и сезонных рабочих в совхозах насчитывалось 150.700, то на июль 1929 г. их уже было 227.100. И, что особенно важно, в июле 1927 г., в их числе было только 10.000 квалифицированных рабочих (трактористы, слесаря, кузнецы), а в июле 1929 г. уже 30.000 человек. На август 1930 г. по предварительным данным предполагается иметь 400.000 сельхозрабочих, в том числе свыше 100.000 квалифицированных. В предприятиях мелкой сельской промышленности, куда рабочая сила вербуется, главным образом, из батрачества, число лиц, занятых по найму, выросло с 82 тыс. в июле 1927 г. до 362 тыс. в августе 1929 г. Значительно возрастает материальная обеспеченность сельхоз. пролетариата. По совхозам Зернотреста, Хлопкома, Кенафа и др. рост заработной платы достиг уровня промышленных рабочих. Меняется лицо сельскохозяйственного пролетариата. Основным типом с.-х. рабочего, вместо распыленного и зависимого от своего капиталистического нанимателя батрака, все в большей мере становится пролетарий, вовлеченный в крупное социалистическое производство.

Приведенные выше цифры ярко свидетельствуют о том, что решающие успехи в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства привели к огромному укреплению и увеличению отряда рабочего класса, непосредственно находящегося в деревне. Надо прямо сказать, что этот факт явно недостаточно учитывается в практике партийно-массовой работы в деревне.

Рост политического влияния сельскохозяйственного пролетариата на общественную жизнь села, несомненно, отстает от возможностей. На всем участке работы среди бедноты и батрачества, работа среди сельхозрабочих и батрачества особенно отстала. Достаточно сказать, что в составе батрацко-бедняцких групп мы имеем лишь 15% батраков, в то время как крестьяне, платящие сельхозналог (т.-е. в основном с хозяйством выше бедняцкого) представлены 25,5%. Достаточно сказать, что в составе органов с.-х. кооперации по всему Союзу на руководящие посты выдвинуты всего лишь 556 батраков и сельхозрабочих.

Необходимо добиться в ближайшее время перелома внимания к этому серьезнейшему участку работы, без чего немыслимо решительное укрепление влияния сельхозрабочего во всей жизни села, во всем колхозном строительстве.

Г. Стрельцов и Артемий Шлихтер.

К вопросу об электрификации сельского хозяйства.

«Чего стоят все «планы»... без плана электрификации? Ничего не стоят». (Ленин).

I.

В известном постановлении ЦК ВКП(б) от 6 января 1930 г. даны сроки коллективизации Союза ССР. В этом постановлении для разных районов указаны различные сроки. Конечным сроком для наиболее отсталых областей является конец пятилетки — 1933 г. Полная осуществимость этого плана доказана жизнью.

Такой темп коллективизации самым острым образом ставит вопрос о создании материально-технической базы для социалистического преобразования деревни. Возможность и необходимость создавать колхозы и без трактора, на основе простого кооперирования крестьянского инвентаря, ни в малейшей степени не снимает вопроса о материально-технической базе коллективизации; ибо именно материально-техническая база, снабжение сельского хозяйства двигателями и машинами, определяет победу коллективизации, и, в еще большей мере, ее развитие к более высоким формам.

Поэтому необходимо всяческое форсирование постройки новых тракторных заводов, максимальное и в кратчайший срок развертывание существующих. В настоящее время именно трактор является той решающей машиной, которая перестраивает земледелие, создает в земледелии «систему машин», превращает земледелие в промышленность. В этом величайшая историческая революционная роль трактора и тракторизации. Трактор, благодаря своей подвижности, приспособленности к работе даже в сравнительно небольшом хозяйстве (около 100 га), оказался именно той машиной, которая лучше и скорее всего смогла показать крестьянину преимущество механизированного хозяйства, которая лучше всего смогла пробить брешь в плотной массе тысячелетних навыков и привычек индивидуального хозяйствования.

В связи с успехом тракторизации чрезвычайно ходовым стало у нас представление, что план электрификации сельского хозяйства, который, по мысли Ленина, есть составная часть плана электрификации всего хозяйства, как условия построения коммунистического общества,—что этот план отменен и должен быть заменен планом тракторизации. Идее электрификации сельского хозяйства противопоставляется идея тракторизации. Трактор противопоставляется плану электрификации сельского хозяйства, как последнее достижение науки и техники.

Между тем, это глубоко неверное, глубоко вредное представление, тем более вредное, что оно чрезвычайно широко распространено. Нельзя и неверно противопоставлять тракторизацию электрификации так же, как и наоборот. Трактор делает первый и решающий шаг в великом деле социали-

стической переделки сельского хозяйства. Электрификация завершит начатую трактором работу, подведет под созданную на основе трактора систему машин (перестроив ее соответственно) несравненно более высокую энергетическую базу.

Эту мысль хорошо понимали в период составления плана Гоэлро. В последнем она выражена чрезвычайно ясно: «...И здесь, в области сельского хозяйства, двигатели внутреннего сгорания явятся, вероятно, элементом, особо характерным лишь для переходного времени» [1]). И. И. Степанов, в замечательных по проницательности страницах своей книги, писал, говоря относительно электропахоты:

> «Это будет, когда осуществится широкая электрификация в национальном или областном масштабе. Но тем самым будут созданы необходимые предпосылки для механизации и других земледельческих работ. А до того времени все еще станет распространяться тракторная обработка земли» [2]).

Электричество, электромотор является универсальной материально-технической базой для всего с.-х., для всех его отраслей. Между тем трактор является материально-технической базой только в собственно земледелии, т.-е. при обработке почвы и уборке урожая. Таким образом, сейчас, когда зерновая проблема является основным звеном, основной проблемой в развитии сельского хозяйства, когда зерновая проблема стоит на первом плане, — и трактор кажется универсальным. Но как только и по мере того, как мы разрешим эту проблему,—узость, недостаточность и невыгодность трактора как энергетической базы для всего сельского хозяйства в целом — выступят совершенно наглядно.

Постановка вопроса в плане Гоэлро и в работе И. И. Степанова является выражением мысли Ленина, является совершенно точной формулировкой ленинского плана электрификации в его приложении к с. х.

Ошибочно думать, что известный по ряду выступлений взгляд Ленина на электрификацию земледелия сложился у него, примерно, в период выработки плана Гоэлро. С мнением Ленина по этому вопросу мы встречаемся уже в 1901 г. В работе: «Г.г. «критики» в аграрном вопросе», мы в основном находим всю ленинскую постановку вопроса об электрификации применительно к сельскому хозяйству. Давая оценку первым опытам внесения электричества в сельское хозяйство, Ленин писал:

> «Интересно отметить, что наши критики... забыли (или умышленно не пожелали) упомянуть о том новом техническом перевороте земледелия, который подготовляет электротехника... Каутский указал на значение электричества в земледелии еще в 1899 г. В настоящее время признаки грядущего технического переворота намечаются уже яснее» [3]).

И тут же Ленин, замечает:

> «Разумеется, применение новых способов производства встретит массу затруднений и пойдет не гладким, а зигзагообразным путем, но что оно пойдет, что революционизирование земледелия неизбежно, — в этом вряд ли можно сомневаться» [4]).

Таким образом, уже в 1901 г., Ленин дал оценку роли электричества в сельском хозяйстве и указал на неизбежность «зигзагообразности пути».

Не изменило ли появление трактора и его успехи что-нибудь в этой оценке? Ведь она была основана на сопоставлении электричества с паровым двигателем, а в настоящее время надо сопоставлять электричество с двигателями внутреннего сгорания.

---

[1]) План Гоэлро, 1920 г., стр. 128.
[2]) И. И. Степанов, Электрификация РСФСР. ГИЗ. 1922 г. стр. 245.
[3]) Собрание сочинений, 2 изд., т. IV, стр. 206.
[4]) Там же, стр. 209.

Однако, мы имеем не менее ясные высказывания Ленина и с учетом этого нового фактора. Так же, как Ленин с самого начала уловил то новое, что несет сельскому хозяйству применение электричества—так же он немедленно реагировал (в 1919 г.) на успехи трактора.

Напомним это известное место:

> «Если бы мы могли дать завтра 100 тыс. первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами... то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию» (т. е. за коммунизм) [1]).

Проблема трактора была поставлена именно Лениным. Теперь, спустя 11 лет, мы осуществляем тот план, который намечался этим выступлением. Интересно отметить, что вслед за этим замечанием о роли 100 тыс. тракторов Ленин ставил вопрос о необходимости наладить их производство внутри страны, поскольку капиталистические страны нам необходимых тракторов не дадут. Таким образом, в этом выступлении мы имеем 1) совершенно ясную оценку роли трактора и 2) не менее ясное задание для работы в этом направлении.

И при всем этом уже в следующем, 1920 г., Ленин в письме к тов. Кржижановскому, говоря о проекте плана электрификации, пишет:

> «Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой: за работу де и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической» [2]).

В 1920 же году, на с'езде комсомола, Ленин эту же мысль развивает с крайне интересным заострением:

> «Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, при чем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, и когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение. Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление земледелия и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве» [3]).

Где же причина того, что в 1919 г. Ленин говорил о тракторе, а в 1920 г. поставил вопрос об электричестве и электроплуге? Именно в том, что к этой проблеме Ленин в 1920 г. подошел уже не только с точки зрения первого шага реорганизации земледелия, и не только с точки зрения создания материально-технической базы специально для сельского хозяйства, оторванно от проблемы энергетики в целом, т.-е. и для промышленности и для земледелия, а с гораздо более широкой точки зрения, опираясь на ту научную работу, которая была начата в этом направлении. Эта точка зрения формулирована им в цитированном уже письме к т. Кржижановскому. К государственному плану восстановления, реорганизации и развития сельского хозяйства Ленин подошел уже со стороны необходимости «централизовать энергию всей страны». Эта задача является центральной, стержневой идеей всего плана Гоэлро. Разрешение этой задачи в условиях советской власти означает уничтожение противоположности между городом и деревней, означает окончательное установление коммунизма. Об этом Ленин говорил в речи на VIII с'езде советов, давая оценку плана Гоэлро, как второй программы партии. В этой речи он сказал следующее:

---

[1]) Собр. соч., изд. 1, т. XVI, стр. 153.
[2]) Записки Института Ленина, т. III, стр. 7.
[3]) Собр. соч., изд. 1, т. XVIII, стр. 319.

«Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем. Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане... Эта программа партии... она нам нужна, как первый набросок, который перед всей Россией встанет, как великий хозяйственный план, рассчитанный не меньше, чем на 10 лет, и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма». [1]).

Этого не дает или дает в неизмеримо меньшей мере трактор. Сельское хозяйство, основанное на тракторе, во-первых, само не имеет единой энергетической базы, ибо для всех остальных работ и отраслей сельского хозяйства, кроме обработки почвы и уборки урожая, необходимо электричество, во-вторых, оно отделено от города, промышленность которого построена на электрической базе, этой «базе коммунизма». При таком положении город и деревня имеют разные источники энергии, тогда как состояние современной нам науки дает полную возможность соединения города и деревни на основе единого энергетического хозяйства, на основе единой энергетической базы.

Ведь, уничтожение противоположности между городом и деревней заключается, с точки зрения материально-технической основы, не в вынесении фабрик и заводов «на лоно деревенской природы». Уничтожение противоположности между городом и деревней в своей основе должно иметь превращение механизированного сельского хозяйства в такую же индустрию — и столь же высоко организованную — как любая отрасль индустрии в городе. Единство энергетической основы, при всем различии условий сельского хозяйства и городской промышленности, при всем своеобразии первого, создаст единый, построенный на основе единой централизованной сети районных электрических станций и электропередач высокого напряжения, тип хозяйства.

Этот вопрос еще до сих пор многим не ясен. Между тем, если не понять, что стержнем, цементирующим и определяющим началом ленинского плана электрификации, является идея «централизации энергии всей страны» (и именно энергии электрической), как ведущая идея всего плана, — тогда не ясна будет и ленинская установка на электрификацию сельского хозяйства.

Степень непонимания ленинского плана электрификации демонстрируется, например, прениями в дискуссии о «Проблеме энергетики в генеральном плане», в Коммунистической академии (начало 1929 г.).

Тов. Бессонов, например, утверждал в своем выступлении, что говорить об энергетике, как основе и ведущем начале развития хозяйства нашей страны, нельзя, что ведущим началом является машиностроительная промышленность, а для некоторых районов — транспорт.

Тов. Бессонову вторил и т. Шатуновский, который привел, между прочим, следующий изумительный аргумент:

«Вряд ли можно стать на такую точку зрения, что энергетика есть ведущее звено. Я, лично, привык считать в моей деятельности, в деятельности той партии, к которой я принадлежу, что ведущим звеном является благо трудящихся и освобождение их от эксплоатации» [2]).

Отрицая за энергетикой роль ведущего начала, этот же товарищ в отношении электрификации говорит следующее:

«Когда мы говорим об энергетической базе нужно говорить о чем-то другом, но не об электрификации» [3]).

[1]) Собр. соч., изд. 1, т. XVII, стр. 427.
[2]) Журнал «Проблемы Экономики», № 3 за 1929 г., стр. 143.
[3]) В полном соответствии с этой своей установкой, раскрывая ее содержание, т. Шатуновский делает безобразнейший выпад по поводу строительства Днепростроя, да и против всей установки плана Гоэлро. Такова его точка зрения, не нуждающаяся в комментариях.

Итак, не электрификация есть энергетическая база хозяйства нашей страны, а «нечто» другое! Что? — на этот вопрос автор ответа не дал.

Разумеется, содержанием социалистической индустриализации страны, которую осуществляет наша партия и рабочий класс, является производство средств производства. Напоминать это — значит ломиться в открытую дверь. В этом смысле тяжелая промышленность и, в первую очередь, промышленность, производящая машины для производства машин, является основным, главным, ведущим.

Но, ведь, и машины для производства машин можно производить поразному. Производились они и при господстве паровой машины, производятся теперь на основе применения электромотора. Что же эта перемена только формального порядка: раньше, де, стояла паровая машина, а ныне поставили электрическую?!

Нет, это означает начало новой эпохи в развитии промышленности и, прежде всего, тяжелой промышленности [1]).

Поэтому прав план Гоэлро, когда утверждает, что

«Технический высший тип интенсивного хозяйства неизбежно связан с моментом его электрификации» [2]).

Прав И. И. Степанов, когда утверждает, повторяя слова тов. Кржижановского, что «паровая техника — техника капиталистической эпохи, электрическая техника —техника социализма [3]). Именно этот ленинский взгляд на электрификацию (а у нас проблема энергетики есть, прежде всего, и в основном, проблема электрификации) со всей ясностью высказан в мартовском постановлении ЦК ВКП(б) (1930 г.) относительно работы электротехнической промышленности. В этом постановлении ЦК партии, отмечая далеко неудовлетворительное состояние нашей электротехнической промышленности, прямо напоминает, что электрификация является «основой для успешного проведения общего плана социалистической индустриализации» и выдвигает в качестве неотложной задачи—

«задачу такого развития советской сильноточной электротехнической промышленности, при котором она перестала бы быть «узким местом» и тормозом электростроительства, а сделалась бы толчком электрификации и энергичным пионером все большего ее внедрения во все области народного хозяйства» [4]).

Это лучший ответ, как тем товарищам (Бессонов, Шатуновский и др.), которые не понимают роли электрификации, как основы социалистической индустриализации страны, так и тем, кто не понимает, что успехи трактора ни в малейшей мере не снимают задачи готовить все условия для осуществления электрификации сельского хозяйства.

Куда ведет полное непонимание ленинского плана электрификации в целом, в его существе (т.-е. как построение всей экономики страны на основе

[1]) «Уже одна простая замена механического привода электрическим привела в свое время к значительной рационализации промышленности... Электрификация... и только она, дала возможность современному заводу перейти к строго продуманному рациональному расположению машин, к конвейерной системе и т. д. Мало того, в настоящее время электромотор начинает оказывать рационализирующее влияние не только на внутреннее расположение оборудования в мастерских, но и на конструкцию производственных машин. Дальнейшее увеличение эффективности, мощности или сложности машин — орудий стало возможным лишь на основе применения многомоторного электрического привода, состоящего в том, что отдельные электромоторы сращиваются с отдельными функциональными органами одной и той же машины. Только этот процесс, по существу своему чисто электрификационный, способен привести к дальнейшему росту производительности труда». (Проблемы Энергетики, т. I, 1929 г.).
[2]) План ГОЭЛРО, стр. 86.
[3]) И. И. Степанов, там же, стр. 138.
[4]) «Правда» от 19 марта, 1930 г.

«централизации всей энергии страны»), — показывает подход тов. Бессонова к развитию сельского хозяйства. В том же уже цитированном выше выступлении тов. Бессонов говорит:

«Я должен сказать, что ведущее начало электрификации и в преобразования сельского хозяйства более чем сомнительно. Наоборот, ведущую роль в преобразовании сельского хозяйства занимает пока двигатель внутреннего сгорания — трактор».

То, что «пока» с точки зрения материально-технической базы «ведущую роль» играет двигатель внутреннего сгорания — трактор — это бесспорно.

В этом «пока» т. Бессонов прав. Но когда он говорит о ведущем начале в развитии сельского хозяйства в целом и в перспективе, — он попросту, вырывает сельское хозяйство из единого ленинского плана электрификации, т.-е. не понимает сущности этого плана.

II.

Осуществление электрификации сельского хозяйства в широких размерах требует ряда важнейших условий и предпосылок.

Первым из этих условий является индустриализация страны. Без наличия мощной тяжелой индустрии в нашей стране, в частности, без наличия мощной электротехнической промышленности, никакой речи об электрификации сельского хозяйства быть не может.

Это, казалось бы, бесспорное положение иногда забывают и под видом благой, самой по себе, идеи энергетической реконструкции сельского хозяйства на основе электрификации, протаскивают такие «идеи», мимо которых пройти нельзя.

В упоминавшемся нами сборнике ВСНХ «Проблемы энергетики», в разделе «Энергетика в сельском хозяйстве» имеется следующее любопытное рассуждение:

«Разгадка индустриального расцвета Англии, Германии и др. стран лежит в реконструкции сельского хозяйства в агроиндустриальный тип на базе машинной техники, энергетики и электрификации. Также и у нас (слушайте!) без энергетической реконструкции сельского хозяйства невозможна индустриализация страны. Сельское хозяйство является главным источником затруднений и поэтому первая пятилетка индустриализации должна итти под знаком сельского хозяйства (!)».

Старая знакомая история! Сперва — сельское хозяйство, затем уже — промышленность. Не промышленность — условие реконструкции земледелия, а наоборот. Пятилетка должна итти не под знаком развития промышленности вообще, тяжелой промышленности в особенности, а «под знаком сельского хозяйства»!

И от того, что сельское хозяйство выступает в этом рассуждении в «индустриальном», «электрическом» одеянии — эта старая правооппортунистическая идея не становится лучше.

Курьезнее всего то, что автор, для подтверждения своего положения, извратил всю экономическую историю Англии и Германии, в последней из которых (Германии) исключительные успехи в отношении применения машинной, и, в частности, электрической техники в земледелии, обязаны городской промышленности вообще, электротехнической и химической, в особенности. Не критиковать эту уже раскритикованную в борьбе с правым оппортунизмом идею приходится, а недоумевать: каким образом и до сих пор проскальзывают подобные идеи в столь ответственные документы?!

Вторым из этих условий является наличие источников энергии, сети мощных электростанций и густой сети «кровеносных сосудов» — высоковольтных электропередач.

В этом отношении путь электрификации с. х. правильно указан еще в плане Гоэлро. Это — путь создания единого энергетического хозяйства и для промышленности и для земледелия, путь концентрации производства и распределения электрической энергии на крупных станциях и об'единения питательных сетей отдельных станций в одну общую сеть, путь создания энергоцентров общего пользования.

«Проблема рационализирования сельского хозяйства теснейшим образом связана с рационализацией промышленности и транспорта; жизненно-практическое решение вопроса электрификации народного хозяйства возможно лишь при гармоническом обслуживании районными электрическими станциями всех разнообразных видов потребителей электрической энергии».[1])

Следовательно, речь идет о системе общей сети крупных электрических станций и электропередач, системе гигантских тепло-электроцентралей, с общей системой электропередач, для удовлетворения потребностей и промышленности и сельского хозяйства целых районов.

Преимущества такой системы огромны. Во-первых, эта система означает установление связи через высоковольтные электропередачи между различными районами. Во-вторых, эта система приводит к сочетанию промышленности и сельского хозяйства на основе единой энергетической базы — на основе электричества. В-третьих, эта система является экономически наиболее выгодной.

«Единое энергетическое хозяйство в конечном счете даст наиболее дешевую энергию при наименьших затратах... В отношении электроэнергии единое хозяйство позволяет уменьшить до минимума мощность, потребную для удовлетворения разнообразных потребителей, пользуясь несовпадением максимумов нагрузки, вследствие которого максимум всей системы всегда меньше суммарного максимума у отдельных потребителей, и образованием общего резерва для всей системы, который всегда меньше, чем был бы суммарный резерв у отдельных потребителей. Уже экономия в мощности, получаемая при системе единого энергетического хозяйства обычно, вполне покрывает расходы по сооружению линий электропередач высокого напряжения, а возможность укрупнения машин при большом хозяйстве дает дальнейшую экономию в затратах»[2]).

Итак, для осуществления в широких размерах работ по электрификации земледелия требуется широкая сеть мощных станций и высоковольтных передач. Это — необходимая предпосылка. Но эта предпосылка создается общим процессом индустриализации и электрификации всего народного хозяйства.

Возьмем для примера Каширский район (Моск. обл.), в котором уже начата опытная электрификация сельского хозяйства в рамках всего района. Общая протяженность уже имеющейся электрической сети в районе равна 280 километрам, или 3,5 клм. на 1.000 га, обрабатываемой площади. Эта сеть была построена в связи с потребностями промышленности. Теперь с началом работ по электропахоте потребуется лишь устанавливать для этой цели временные рабочие сети, и токоподводящие кабели к сельскохозяйственным предприятиям. Амортизация сети будет раскладываться на всех потребителей электрической энергии, удешевляя тем самым работы по электрификации земледелия[3]).

Таким образом, речь идет не о создании для земледелия своей особой электрической базы, а о включении потребностей индустриализирующегося и коллективизирующегося сельского хозяйства в электрической энергии в общий план электрификации отдельных районов и всей страны в целом.

Отсюда ясна вся важность правильной установки в этом вопросе. Мы осуществляем гигантскую программу электростроительства. Необходимо, чтобы при постройке новых станций, как и при расширении мощности суще-

[1]) План ГОЭЛРО, стр. 130.
[2]) См. по этому вопросу статью В. Есина, «Плановое хозяйство» № 1, за 1930 г.
[3]) «Проблемы Энергетики», т. I, стр. 128.

ствующих станций, теперь же учитывались и потребности, которые пред'являет, — а через некоторое время пред'явит в еще большей мере — сельское хозяйство в лице, прежде всего, совхозов, крупных агроиндустриальных комбинатов, крупных колхозов и т. д. Здесь, как нигде, нужен правильный расчет, правильный учет потребностей нашего недалекого будущего. Нет сомнения, что уже в ближайшем будущем совхозы, колхозы, агроиндустриальные комбинаты, пред'явят огромные требования на электрическую энергию для своих ремонтных мастерских, зерноочистительных пунктов, элеваторов, различного рода предприятий по обработке и переработке подуктов сельского хозяйства и т. д.

Третьим условием осуществления сельской электрификации является наличие огромных земельных массивов с крупным обобществленным хозяйством на них.

Электричество в земледелии с самого начала требует крупного, планомерно-организованного производства. Ставить своей задачей электрифицировать (речь идет, конечно, не об электрическом освещении, а о сельскохозяйственном производстве) мелкое, индивидуальное хозяйство крестьянина — является вреднейшей утопией.

Однако, такая задача многими ставилась! Можно указать целый ряд брошюр и работ, писавшихся на эту тему до последнего времени, в которых электрификация земледелия связывалась с индивидуальным хозяйством и проекты строились в расчете на него. Вот один из примеров:

> «Наша задача — планомерно электрифицировать деревню. Но мало того, необходимо сделать электричество выгодным для всех. Оно одинаково может служить и деревенской бедноте, и крестьянскому кулаку (!), и частному предпринимателю. Вот почему (?!) важно принять меры к тому, чтобы электрический провод был протянут в избу бедняка, и кроме того, дать ему мотор для поднятия его хозяйства». [1]).

Однажды Каменев и Зиновьев, в качестве средства разрешения проблемы под'ема благосостояния бедняцких масс деревни, предлагали наделить каждого бедняка лошадью. Означенный товарищ, как видим, сделал «гигантский» шаг «вперед»: каждому бедняку—электромотор! При чем, не только бедняку, но и кулаку, но и частному предпринимателю! Вряд ли есть необходимость критиковать эту «установочку», ибо она достаточно говорит сама за себя.

Между тем, для успешного применения электромотора в земледелии, более того, для рационального использования даже наличных в сельском хозяйстве энергетических ресурсов — нужен новый тип хозяйства.

Происходящий ныне на основе трактора процесс коллективизации деревни создает необходимое условие для широкого внедрения электричества в деревню и ставит проблему электрификации земледелия по-новому. Находя в лице коллективизирующегося сельского хозяйства необходимое условие для своего осуществления, электрификация явится наиболее мощным орудием его дальнейшей технической реконструкции и превращения в коммунистическое хозяйство.

Итак, поскольку речь идет об основных предпосылках осуществления сельской электрификации — о наличии: 1) мощной электротехнической промышленности; 2) густой сети крупных районных станций и системы высоковольтных передач; 3) обширных земельных массивов с крупным коллективным хозяйством на них — мы видим, что эти условия или уже имеются, или создаются общим процессом индустриализации и реконструкции народного хозяйства нашей страны, таким образом, что можно будет перейти от опытов в первой (теперешней) пятилетке к началу широких работ по электрификации сельского хозяйства во второй пятилетке.

---

[1]) Г. А. Слободкин. Электрификация СССР, 2-е переработанное и дополненное издание, 1927 г., стр. 87.

III.

Осветив в кратких чертах вопрос о роли электрификации сельского хозяйства и об основных предпосылках ее осуществления, перейдем теперь к рассмотрению вопроса о применении электромотора в сельском хозяйстве.

В 1927/28 году из всей действовавшей в нашем сельском хозяйстве мощности энергии, 91% мощности приходилось на энергию животных и лишь 9% на долю механических двигателей. Теперь на смену энергии животных приходит двигатель внутреннего сгорания — трактор. Поскольку мы ставим задачу внедрения в сельское хозяйство электромотора, встает вопрос, обладает ли последний какими-либо преимуществами по сравнению с двигателем внутреннего сгорания вообще и трактором в частности?

Оставляя, пока в стороне вопрос об электропахоте, необходимо сказать, что во всех остальных областях с.-х. труда все преимущества находятся на стороне электромотора. Универсальность применения, простота и удобство ухода за ним, способность к быстрому пуску и столь же быстрой остановке, способность к перегрузке, дешевизна, экономичность в работе, высокая производительность — вот важнейшие из этих преимуществ. Правильность этого вывода, основанного на богатейшем опыте применения электромотора в сельском хозяйстве за границей, не оспаривается уже никем.

Нам нет надобности подробно останавливаться на всех разнообразных видах применения электромотора в сельском хозяйстве, этот вопрос освещен в нашей литературе достаточно. Мы ограничимся лишь перечислением некоторых наиболее важных работ, выполняемых при помощи электромотора. Вот далеко неполный перечень этих работ, в которых электромотор обнаружил уже свои преимущества перед локомобилем и двигателем внутреннего сгорания: зерноочистилки, триеры, веялки, сортировки, сенокосилки, молотилки, картофеле- и свеклокопатели, оросительные установки, всевозможные под'емные и транспортные приспособления, кормозаготовительные машины, мельницы, крупорушки, водяные насосы всевозможного назначения, приспособления для сушки овощей, сена, машины для винокуренных, лесопильных и крахмальных заводов, для сельскохозяйственных и кустарных мастерских; машины для молочного хозяйства и многие др. [1]). Помимо этого, электромотор широко применяется в птицеводстве, животноводстве. В Германии — для получения удобрений, электризации семян, борьбы с вредителями и т. д.

Огромнейший интерес представляет применение электричества для получения так наз. «электрокультур». Опыт показывает, что на поле, подвергнутом воздействию электрического тока, урожайность повышается в 1½ раза, при чем растения созревают гораздо быстрее.

Возьмем к примеру такие работы как мелиоративные. Практика показывает, что осуществление мелиоративных работ в широком масштабе возможно лишь силами электричества. Заграница знает уже множество опытов осушения и орошения огромных массивов и превращения их в плодоносные земли. Нет надобности доказывать всю огромную важность соответствующих работ у нас.

У нас широко распространен взгляд об универсальности трактора, о возможности его применения для всевозможных работ — в качестве стационарного двигателя. Этот взгляд абсолютно неверен. Трактор может использовываться для некоторых работ как стационарный двигатель лишь временно, вообще же он для этой цели непригоден.

Помимо других его недостатков по сравнению с электромотором, отметим следующие:

1) Ограниченность и сезонность применения, неполная загрузка.

---

[1]) См. в книге Степанова, I изд. стр. 240.

2) Трактор недолговечен. По расчетам, приведенным в сборнике ВСНХ «Проблемы энергетики», число часов жизни трактора определяется от 2.500 до 5.000; если пустить его работать в 2—3 смены, то через каждые 4 м-ца надо ставить новый трактор [1]). Несомненно, что срок жизни трактора в этом расчете преуменьшен. Но бесспорно то, что трактор есть самый недолговечный двигатель.

3) Тракторный парк требует ремонтных мастерских значительного количества запасных частей. Для обслуживания тракторного парка нужен автомобильный парк.

4) Для обслуживания трактора, как и вообще двигателя внутреннего сгорания, требуется огромное число квалифицированных кадров. Между тем уход за электромотором чрезвычайно прост и не требует особой подготовки.

5) Наконец, трактор требует очень много нефти. Этот момент весьма важен. Нефть и нефтепродукты являются самым драгоценным видом топлива. Но помимо того, — нефть — это валюта, чрезвычайно мощное орудие борьбы на мировом рынке. Нефть, кроме того, не только лучший вид топлива, но и ценнейшее химическое сырье для выработки различного рода продуктов. Заметим далее, что нефть является невоспроизводимым ценнейшим видом топлива, все время истощающимся, при чем энергия нефти составляет лишь 0,6% всех запасов энергии нашего Союза.

По всем этим причинам мы должны самым рациональным и экономным образом расходовать наши 37,4% мирового запаса нефти.

Теперь присмотримся к следующим цифрам. К 1933 году у нас будет больше 500 тыс. тракторов. По сообщению т. Кржижановского к концу пятилетки потребуется для тракторов 12 млн. тонн керосина [2]). В резолюции недавно происходившей топливной конференции план добычи нефти на 1932—1933 г. определен в 41,5 млн. тонн, а выход нефтетоплива в 19,2 млн. тонн. Следовательно, трактора должны будут поглотить значительную часть нефтетоплива [3]). Но помимо тракторов у нас будет быстро расти автотранспорт, воздушный, речной и морской флот. Для всех этих целей потребуется огромное количество горючего.

Мы полагаем, поэтому, что аргумент от топлива является одним из серьезных аргументов в пользу электромотора, одно из огромных преимуществ которого состоит в том, что он питается энергией, которую можно и надо получать из всевозможных низкосортных малоценных видов топлива, а также из огромных резервов водной энергии.

Но проблема электрификации сельского хозяйства не может считаться решенной в полном об'еме до тех пор, пока не будет осуществлена электропахота, по той причине, что на электропахоту и связанные с ней работы по обработке поля приходится около 70% всей механической энергии, потребляемой в сельском хозяйстве. И вот встает вопрос, несет ли электрическая вспашка какие-либо выгоды по сравнению с тракторной вспашкой?

Не касаясь здесь вопроса о различных системах электроплугов, о технике электрической вспашки, о способах присоединения плуга к электросети, отметим следующие преимущества электровспашки по сравнению с тракторной:

1) В то время как электроплуг используется на все 100% своей мощности, трактор, номинальная мощность которого (мощность на валу) отличается от его реальной мощности (мощности на крюку), отдает на полезную

---

[1]) «Проблемы Энергетики», том I, стр. 369.

[2]) См. «Экономическая Жизнь», от 9 марта 1930 г.

[3]) Отсюда настоятельная необходимость и актуальность разрешения проблемы превращения в топливо для трактора угля, дров, торфа, различных отбросов (костра, солома, опилки).

работу лишь около 50% мощности (Фордзон) и 70—75% (гусеничный трактор), остальная энергия уходит на самопередвижение.

2) Электроплуг обладает гораздо большей производительностью. У нас нагрузка на трактор постановлением НКЗ СССР определена в 300 га на 15-сильный и в 200 га на 10-сильный в год. Электроплуг может вспахать минимум 1.000 га в год, а при более рациональной постановке дела и больше. (Опыты показывают, что вполне реальной является нагрузка в 1.500 га).

3) Электроплуг пашет глубже (что особенно важно для технических культур); он может пахать на большую глубину на тяжелых, даже каменистых почвах. Далее, электроплуг может работать почти при любой погоде, вспашку можно начинать ранней весной, еще по не совсем оттаявшей земле. Электроплуг сохраняет хорошую структуру почвы, не уплотняет ее подобно трактору.

Все эти обстоятельства весьма важно учитывать при обсуждении вопроса о выгодности электрической вспашки. Срочность и качество работы оказывают огромнейшее влияние на величину и качество урожая. Нельзя судить о выгодности электропахоты лишь по данным о ее стоимости, необходимо учитывать общий народно-хозяйственный эффект, получаемый при электропахоте.

Но и данные о самой стоимости электропахоты, основанные на изучении как заграничного опыта, так и некоторых опытов у нас показывают, что электрическая вспашка превышает тракторную лишь незначительно [1]).

Возьмем некоторые примеры из нашей практики. В 1924—25 г. в ряде совхозов была предпринята опытная электропахота. В одном случае обработка 1 га обошлась в 15 р. 87 к. при использовании производительности плуга всего лишь на 45%; в другом — 20 р. 01 коп., при использовании производительности на 23%. Ясно, что при полном использовании производительности электроплуга (а для этого мы имеем сейчас все предпосылки) при широко поставленной работе по электропахоте, при массовом изготовлении электроплугов — стоимость электропахоты будет гораздо ниже.

Говоря о разнообразных видах применения электричества в сельском хозяйстве, мы не упомянули еще о том грандиозном культурном перевороте, который оно несет деревне. Но это обстоятельство столь очевидно, что подробно останавливаться на нем нет необходимости.

Итак, электрификация сельского хозяйства есть дело, за которое мы можем взяться уже теперь. Если в отношении электропахоты дело будет пока итти по линии организации опытов, определения стоимости, выбора системы, улучшения конструкции и т. д., то для остальных процессов сельскохозяйственного труда, в особенности для обработки и переработки продуктов сельского хозяйства, широкое применение электричества вполне возможно и необходимо. Решение Совнаркома начать опытную электрификацию в трех районах есть первый крупный шаг в этом направлении.

IV.

Определяющим темпы лозунгом первой пятилетки и следующих пятилеток, является лозунг: догнать и перегнать в кратчайший исторический срок передовые капиталистические страны. Это иная формулировка ленинского вопроса «кто-кого?» в международном масштабе. По углю, по нефти, по чугуну, по ряду отраслей хозяйства СССР мы с боем продвигаемся вперед по сравнению с этими, пока передовыми, странами на вторые, третьи, четвертые, пятые места. Даже по автомобилям, — отрасль, где мы еще так недавно стояли на

---

[1]) Напр., немецкий инженер Кинд определяет стоимость вспашки одного га при помощи электроплуга в 19,22 марки, т.-е. немногим более 9 р. (см. его статью «Der Elektropflug», в журнале «Technik in der Landwirtschaft», Heft 4, 1929.

сороковом месте, — мы уже начинаем продвигаться вперед и к концу пятилетки, видимо, будем в первом десятке.

Как же обстоит дело с электрификацией сельского хозяйства? К сожалению, у нас мало говорится о тех сдвигах, которые намечаются в этом отношении в Европе и в Америке .Между тем, сдвиги эти заслуживают самого пристального внимания. Возьмем Америку. В сборнике «Мировое хозяйство на рубеже 1929 г.» приведены весьма интересные данные относительно САСШ. В Соединенных Штатах в основном заканчивается электрификация промышленности и городов. Это приводит к усилению электрификации в сельском хозяйстве.

В статье Гарольда Эванса: «Мировой опыт сельской электрикифации» отмечается, что —

> «Спрос на электрическую энергию в сельских районах становится все более и более настоятельным... Для Соединенных Штатов сельская электрификация в широком масштабе, и в недалеком будущем, станет неизбежной [1]).
>
> «Судя по имеющемуся опыту, нетрудно ожидать, что в течение ближайшего десятилетия 50 проц. ферм Соединенных Штатов будет электрифицировано» [2]).

В сборнике «Мировое хозяйство на рубеже 1929 г.» приведен расчет американского сельскохозяйственного электротехнического комитета. Согласно этого расчета в 1923 г. в Соединенных Штатах было зарегистрировано 165 тысяч электрифицированных ферм из 6,4 миллионов. В 1926 г. в 27 наиболее развитых штатах (из общего числа 48), число электрифицированных ферм возросло на 87%.

«По подсчету комитета в 1932 г. будет электрифицировано один млн. ферм, на что потребуется 1.260 млн. долларов» [3]).

Переживаемый американским и мировым хозяйством кризис, несомненно, задержит этот процесс электрификации. Но, с другой стороны, усиливая позиции финансового капитала в с. х., он создает условия для последующего более значительного темпа и размаха электрификации сельского хозяйства.

В Германии количество потребленных в сельском хозяйстве электрической энергии в 1925 г. было равно 465 млн. квч., количество электромоторов равнялось 746,8 тыс. шт., с общей мощностью в 2.500 тыс. квч.

Упомянутый уже сборник американской академии следующим образом оценивает состояние сельскохозяйственной электрификации в Германии:

> «Развитие сельской электрификации шло очень быстро за последние несколько лет... В течение 5 лет, вероятно, каждая ферма будет включена в электрификационный район». [4]).

В Швеции годовое потребление электроэнергии в сельском хозяйстве достигает 122 млн. квч. [5]).

Даже в Финляндии сельское хозяйство потребляет 25 млн. квч. в год [6]).

Картина, как видим, такова, что при пока еще слабой электрифицированности сельского хозяйства в Европе и Америке, начинается процесс довольно усиленного проникновения электричества в сельское хозяйство.

Эти слабые размеры электрификации в капиталистических странах, выглядят несколько иначе, если мы возьмем их в сравнении с тем, что имеется у нас в этой области.

---

[1]) «Экономическая и социальная роль электрификации». Сборн. статей, опубликован. американск. академией политическ. и социальн. наук. «Плановое хозяйство», 1927 г., стр. 80.

[2]) Там же стр. 83.

[3]) Там же стр. 196.

[4]) Стр. 68.

[5]) С. Кукель: Мировая электрификация, изд. План. хоз. 1926 г., стр. 52.

[6]) Там же, стр. 61.

Возьмем «Баланс электроэнергии СССР» для 1929—30 г. (надо учесть, что приведенные выше материалы о капиталистических странах в большинстве относятся к 1925 или 1926 гг.). Мощность всех сельских электростанций составляет у нас 49 тысяч клв. и количество потребленной в сельском хозяйстве в 1929—30 г. энергии должно составить 0,7 всего производства электроэнергии, т.-е. 60 млн. квч.

Это против 465 млн. квч. в Германии! против 122 млн. квч. в Швеции и 25 млн. квч. даже в Финляндии!

Для полноты картины надо добавить следующее:

1. Все количество энергии, потребляемой всем сельским хозяйством СССР в 1929—30 г., в 25 раз меньше, нежели рубрика потерь и собственных нужд электростаций (60 млн. квч. и 1.526 млн. квч.). [1]).

2. В 1928—29 г. из намеченных для сельской электрификации 11 млн. руб., было использовано лишь 7 млн. руб. На 1929—30 г. контрольными цифрами намечено ассигновать на сельскую электрификацию 25 млн. руб. против 21,5 по пятилетке.

Наметки сельской электрификации в пятилетнем плане ни в какой мере не соответствуют темпам коллективизации и потребностям индустриализующегося сельского хозяйства.

Пятилетний план ни в какой мере не обеспечивает даже подготовки к электрификации сельского хозяйства, не говоря уже об удовлетворении той неотложной потребности в электрической энергии и электромоторах, которая имеется и нарастает в сельском хозяйстве.

Если взять энерго-вооруженность живого труда, то получаем для 1932—1933 г. (по пятилетнему плану) следующую картину:

«На одного рабочего в промышленности всей энергии в квч. запроектировано для 1932—33 г. 4.677 квч., из них электроэнергии 3.600 квч.

На одного работника в сельском хозяйстве на тот же год запроектировано всего энергии 391 квч., в том числе 74 квч. механической энергии, а из нее электроэнергии... только 3 квч. [2]).

Эти две цифры: 3.600 квч. электроэнергии на рабочего в промышленности и 3 квч. на работника в сельском хозяйстве к концу пятилетки — демонстрируют наглядно разрыв между промышленностью и сельским хозяйством, который надо начать преодолевать уже теперь, а не закреплять до конца пятилетки. Этот разрыв должен быть преодолен в пределах генерального плана, а для этого нужна совершенно четкая перспектива так же, как и совершенно ясная оценка настоящего момента, как переходного к электрификации сельского хозяйства.

Вместо четкой и ясной установки, которая имеется в плане Гоэлро, в пятилетке дана совершенно неправильная постановка вопроса о соотношении тракторизации и электрификации, неправильная, и с точки зрения перспективы, и с точки зрения настоящего периода.

> «Трактор и электромотор — читаем в пятилетнем плане — две равноценных половины одного целого—межселенного энергетического центра...» [3]).

Это неверно вдвойне. С точки зрения настоящего момента, это неверно потому, что сейчас для нас трактор важнее электромотора. Он является тем главным звеном, ухватившись за которое, мы, в конечном итоге, перейдем к электрификации сельского хозяйства. Это неверно и с точки зрения перспективы, ибо в разрезе генерального плана электромотор и электричество будут основным и постепенно вытесняющим трактор.

---

[1]) «Контрольные цифры» на 1929—30 г., стр. 496 и 500.

[2]) Пятилетний план, том II, ч. 1, стр. 68.

[3]) Там же, стр. 40.

Несомненно, отсутствием в пятилетнем плане принципиально ясной и четкой установки Гоэлро в вопросе об электрификации сельского хозяйства, надо об'яснить тот факт, что в приведенном в пятилетнем плане энергетическом балансе СССР, в числе потребителей электрической энергии, имеется рубрика «мелкая промышленность» и рубрика «прочие», но нет сельского хозяйства! Вернее, оно есть, но против этой рубрики стоит вместо цифры—черта [1]).

Можно привести еще более поразительный пример.

«Сев. Кавказ — читаем в пятилетнем плане — вступает в пятилетие с большой программой электростроительства. ..Это мощное электростроительство в таком ярко выраженном аграрном районе, как Северный Кавказ, повлечет за собой значительное усиление индустрии в этом крае».

Даже когда речь идет о «мощном» электростроительстве в «ярковыраженном аграрном районе», в плане нет связи электростроительства с энергетикой сельского хозяйства.

Суммируя сказанное выше, надо признать, что в пятилетнем плане электрификация сельского хозяйства почти выключена.

Разумеется, от первой пятилетки и ее плана нельзя ожидать полного или хотя бы даже значительного удовлетворения потребностей сельского хозяйства в электроэнергии.

Но, во-первых, это электроснабжение сельского хозяйства может и должно быть несравненно больше, чем это «запроектировано» в пятилетнем плане, т.-е. больше 3 квч. на одного работника. Во-вторых, — и это еще важнее, — в плане должна быть установка на подготовку к электрификации сельского хозяйства. Это важно потому, что ряд подготовительных работ должен быть широко развернут уже теперь (в частности, должно быть начато самое пристальное изучение вопроса и разработка плана широкой электрификации сельского хозяйства).

Иначе мы не сможем осуществить во вторую пятилетку того шага вперед, который обязаны и можем сделать, которого требуют нынешние темпы коллективизации и который подготовляется громадным успехом тракторизации.

В частности, от той или иной установки в этом вопросе зависит и задание электропромышленности, направление и темп ее развертывания, в соответствии с приведенной выше директивой ЦК о работе электротехнической промышленности.

---

[1]) Пятилетний план, том. I, стр. 31.

С. Ужанский.

Тракторизация.

(Американские впечатления в свете наших задач по социалистической реконструкции сельского хозяйства).

I.

В настоящее время трактор уже не нуждается в чьей-либо защите. Он сумел завоевать себе авторитет на совхозных и колхозных полях. А там, где его нет, о нем мечтают, его ждут, его требуют.

Однако, и трактор имеет свою историю борьбы за признание. И эта борьба была не простой борьбой, которая сопровождает всякое новшество. Борьба за трактор была всегда социальной борьбой. Ибо трактор несет с собой решительное изменение технической базы сельскохозяйственного производства, изменяя социальные формы его.

В капиталистических условиях трактор, доступный только крупному хозяйству, несет с собой решительную победу крупных капиталистических хозяйств на основе разорения миллионов мелких хозяйств. Мелкое хозяйство, сопротивляясь разорению, выдвинуло своих теоретиков, провозгласивших непригодность трактора и воспевших лошадь, как наиболее приспособленный для сельского хозяйства источник энергии. В этих теориях сказался весь страх мелкого крестьянина-ремесленника перед машиной, страх разоряющегося, не справляющегося с капиталистической конкуренцией мелкого производителя.

В наших условиях эти же теоретики превратились в носителей кулацкой и мелкособственнической идеологии, направленной против колхозного строительства. В противоположность капитализму трактор в наших условиях несет не гибель мелким собственникам, а становится орудием в переделке распыленных и отсталых индивидуальных хозяйств в крупное коллективное передовое в техническом отношении производство. Всякий, кто выступает против трактора, выступает, по существу, не против трактора, а против крупного коллективного производства, за мелкое распыленное индивидуальное хозяйство.

Ниже мы подробно остановимся на роли трактора в капиталистических условиях и социалистических. Сейчас же необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на главных доводах против трактора, при чем мы придаем этому не самодовлеющее значение, а так сказать методологическое. Дело в том, что мы вступили в решающий период социалистической реконструкции сельского хозяйства. Мы строим и будем строить наше сельское хозяйство на новейшей технике, постоянно прогрессирующей. Борясь за крупное коллективное производство, мы будем сталкиваться еще не раз с косностью и консервативностью мелкого индивидуального хозяйства. Питаясь корнями в мелкобуржуазной среде то тут, то там будут возникать всякого рода мелкобуржуазные «теорийки», которые будут, как камень, тянуть нас назад. Мы должны быть вооруженными к длительной борьбе с пережитками этих мелкобуржуазных теорий. Не сегодня—завтра встанет во всей широте проблема электри-

фикации сельского хозяйства. Кто знает, не выступят ли против этого те же, кто раньше выступал против тракторизации. Опыт и история в деле завоевания трактором авторитета и всеобщего признания могут и должны стать оружием против всяких рецидивов могущих быть в деле организации сельского хозяйства на новой технической базе.

II.

Главными противниками трактора у нас были агротехнические работники. Само собой понятно, что за спиной якобы чисто технических рассуждений стояли определенные социальные интересы. Вольно или невольно, но возражавшие против трактора выражали в своих выступлениях не только вчерашний день в технике сельского хозяйства, но и в социальной структуре.

Главным аргументом против трактора было то, что трактор не дает навоза, без которого невозможно рациональное хозяйство. Аргументы этой навозной (в прямом и переносном смысле слова) теории не отличались ни особой глубиной, ни особой сложностью.

Они заключались в следующем. При помощи лошади возделываются сельскохозяйственные растения, которые частью идут на корм той же лошади. Таким образом, лошадь сама себе готовит корма. С другой стороны, лошадь возвращает потребленные корма почве в виде навоза. Чем больше навоза, тем лучше урожай. Получается как бы одно стройное органическое целое: лошадь — навоз — растение — лошадь и т. д. Если в эту схему вдвинуть трактор, то получается нарушение всей схемы.

Эта невеликая мудрость доказывалась «учеными» опытами, пробирками, банками, микроскопом и прочими атрибутами, в данном случае, совершенно излишними. Дело в том, что, во-первых, навоз дает не только рабочий скот, но и продуктивный; во-вторых, сокращение рабочего скота можно и должно восполнить продуктивным скотом, который дает не только навоз, но еще многое более ценное; в-третьих, рабочий скот непроизводительно потребляет корма в нерабочее время, в то время как трактор, когда не работает, ничего не потребляет, а продуктивный скот, потребляя круглый год, производит тоже круглый год. Таким образом, если даже мы встанем на позицию, что без навоза нельзя вести рациональное земледелие в нечерноземной полосе, то замена лошади трактором не только не мешает рациональному земледелию, но, наоборот, способствует таковому. «Навозная» теория пользовалась особым успехом в нечерноземной полосе. Но и южная агрономия не отстала от северной. Взамен северной «навозной» она выдвинула южную «воловью» теорию. Эта теория опиралась, главным образом, на свеклосахарное хозяйство. Рассуждения были обычно следующего характера. Вол—источник энергии. Им обрабатываются поля, кроме обычных кормов, в таком хозяйстве свекла дает корма в виде гички (ботвы), а после переработки свеклы на заводах жом и патоку. На этих последних производился откорм скота на убой. Получалось опять, как-будто, органическое целое, в которое трактор мог внести только диссонанс. Эта теория находила своих сторонников и поддержку в органах нашей сахарной промышленности до самого последнего времени. И только два — три года тому назад наши сахарники поняли, что трактор и здесь, как и всюду, революционизирует производство, поднимая его на новую ступень, и стимулирует развитие мясного и молочного животноводства. И то, и другое, конечно, тем лучше, чем более специализировано направление породы стада. Универсализация его по старой теории способствовала только понижению продукции.

Воспевая рабочий скот, как наиболее приспособленный к нуждам сельского хозяйства источник энергии, эти теоретики выдавали себя с головой тем, что считали, что трактор не может быть успешно использован в сельском хозяйстве и потому, что он не обладает той легкой делимостью, какой обладает рабочий скот. Они этим выражали, что мощность трактора слишком велика для мелкого крестьянского хозяйства. Они утверждали, что трактор уже вследствие этого не может быть поставлен на одну доску с лошадью. Нетрудно заметить, что противники трактора в данном случае показали свое истинное лицо. Выступая против трактора, они, по существу, выступали нестолько в защиту лошади, сколько в защиту мелкого хозяйства. И ставить в вину трактору то, что он не может быть достаточно нагружен в мелком хозяйстве, и выдвигать это как тезис против трактора в наших условиях, это значит или не понимать всей глубины глупости этого аргумента, или провокационно выступать против колхозов.

Следующим доводом было то, что лошадь выполняет не только полевые работы, но является и главным транспортным средством, и что, если лошадь оставить только для транспорта и поездок, то содержание ее окажется совершенно невыгодным. Это верно, но... только опять-таки для мелких хозяйств. В крупных хозяйствах заводится необходимое количество тракторов для выполнения всех работ, в том числе и тяжелых транспортных, а также и автомобиль, а где его нет, то заводится небольшое количество лошадей в меру их действительной загрузки указанными работами и то только, как переходный этап к полной механизации: трактор плюс автомобиль.

Много было и других доводов против трактора, но уже гораздо более второстепенных. Об'ективной причиной было то, что первые тракторы—громоздкие, плохо работающие, дорогостоящие, не привлекали к себе внимания практиков, а мелкобуржуазные теоретики не могли, конечно, и не хотели видеть, что эти тракторы были только пионерами, что следом за ними идут усовершенствованные. Свою теоретическую беспомощность эти экономисты и агрономы проявили в том, что сочли лошадь и современный им уровень техники пределом технического прогресса. Не умея разобраться в законах общественного развития, они возводили в «естественный» порядок вещей все то, что они заставали в эмпирике своих дней.

Сейчас не время подводить подробные итоги борьбы за трактор, но уроки этой борьбы в высшей степени поучительны и не потеряли своей актуальности. Стоит только вспомнить то, что еще сейчас многие предостерегают от «увлечения» комбайнами. Такие же предостережения были и в отношении тракторов. История повторяется, и опыт тракторизации может служить хорошим уроком для «сомневающихся» и «осторожных».

III.

Мы уже сказали выше, что тракторизация в наших условиях и в условиях капиталистических носит резко отличный социальный характер. Чтобы отдать себе отчет в том, что такое тракторизация в капиталистических условиях, обратимся к Соединенным Штатам, сельское хозяйство которых на сегодняшний день является по сравнению с другими странами наиболее тракторизованным. Начнем с выдержки из

одной работы видного американского экономиста проф. О. Е. Бекера [1]). Он пишет:

«С 1918 года началось уменьшение лошадей и мулов. К 1928 году освободилось 15.000.000 акров земли, ранее занятой для прокорма рабочего скота. По исчислениям 1919 года площадь, необходимая для прокорма всего рабочего скота С. Ш., равнялась 80 000.000 акр. Таким образом, около одной пятой этой площади ныне уже освободилось и используется теперь под культуры, идущие в корм мясному или молочному скоту или под культуру хлопка. ...И то, что трактор и автомобиль привели к сокращению рабочего скота... и освободили корма для других сельскохозяйственных животных... привело к росту продукции с акра земли, к росту продукции на голову скота и на душу населения».

Приведенным расчетам нельзя отказать в наглядности и убедительности. Ведь рабочий скот на самом деле поедает огромное количество з е р н а, с о л о м ы, т р а в ы, ж м ы х а, к о р н е п л о д о в, о т р у б е й и т. п. Ведь при пользовании живой тягой в организационном плане хозяйства необходимо предусмотреть кормовую проблему и выделить специальные кормовые площади. Ведь р а б о ч и й с к о т д е й с т в и т е л ь н о о т н и м а е т площади, которые могли бы быть использованы для культур, идущих непосредственно в питание человеку, для сельскохозяйственного сырья и т. п. или для культур, идущих на те же нужды через желудок продуктивного скота.

Надо сказать, что количество этих продуктов, отнимаемых у человека рабочим скотом, достигает в н у ш и т е л ь н ы х размеров. Так, по расчетам Жайнга, на одну лошадь требуется иметь 1,33 акра сена, 1,33 акра овса, 0,66 акра кукурузы, а всего, следовательно, 3,33 акра земли под культурой.

По исчислениям Клауберта [2]) около 18% всей сельскохозяйственной продукции Германии потребляется ее рабочим скотом. В САСШ, по вычислениям немецкого экономиста Бринкмана [3]), обследовавшего в 1925 году сельское хозяйство С. Ш., рабочим скотом потреблялось 25 — 30% всей сельскохозяйственной продукции. Бринкман рассчитывает, что площадь земли, занятая в САСШ под кормовые культуры для рабочего скота, могла бы прокормить 40.000.000 людей, если принять германские нормы потребления и 30.000.000, если принять американские.

В у с л о в и я х м е х а н и з и р о в а н н о г о х о з я й с т в а (трактор и автомобиль) п о л о ж е н и е р е з к о м е н я е т с я. Механизированное хозяйство повышает ч и с т ы й в ы х о д сельскохозяйственной продукции. Необремененное задачей прокормления рабочего скота, механизированное хозяйство достигает высшей ступени с п е ц и а л и з а ц и и и т о в а р н о с т и.

Американцы обычно считают, что в развитии техники сельского хозяйства имеется т р и п е р и о д а. В многочисленных на этот счет источниках мы находим указание, что до 1850 года был период, как выражаются американцы, р у ч н о й. Все работы, за исключением пахоты и всевозможных хозяйственных перевозок, производились в р у ч н у ю. «Высевали руками. Пропашные культуры обрабатывались мотыгой. Хлеб убирали косой и молотили цепом» [4]).

Надо сказать, что ныне все это ушло в область преданий. Ручную работу в указанном смысле можно найти только при уборке хлопка, обработке огородов и садов и частично при уборке кукурузы. Нынешнее поколение земледельцев уже не знает, как сеют руками, как молотят цепом.

---

[1]) «Do we need more farm Land?» by O. E.Baker, Senior Agricultural Economist, U. S. Department of Agriculture, 1928, стр. 4.

[2]) H. Kloubert. «Die Belastung der landwirtschaftlichen Erzeugung durch die Gespannviehhaltung».

[3]) Th. Brinkman. «Aus dem Betrieb und der Organisation der americanischen Landwirtschaft».

[4]) Мы пользуемся кратким описанием этих периодов, данным Wm. Harper Dean u John B. Bennett «The Mechanization of Agriculture». У других авторов мы находим то же самое.

Второй период был периодом к о н н ы х о р у д и й и м а ш и н.

«Уже к началу XX века все сельскохозяйственные операции, кроме уборки выполнялись всевозможными машинами и орудиями. Уборка тоже уже производилась машинами на конной тяге, но кукурузу продолжали убирать руками, несмотря на то, что в это время появилась и кукурузная снопо-вязалка. Молотьба производилась паровыми молотилками от локомобиля. Преобладающая масса сельскохозяйственного инвентаря была малых размеров по сравнению с современными».

Третий период это — м о т о к у л ь т у р а.

«Описанное положение продолжалось вплоть до вступления Соединенных Штатов в мировую войну: сельскохозяйственный инвентарь совершенствовался и в некоторых своих частях укрупнялся, но значительных изменений за этот период не произошло. Несмотря на то, что газолиновый трактор был сделан уже в 1901 году и многие тысячи фермеров приобретали его уже в следующее десятилетие, однако, ранние модели тракторов были настолько несовершенны, что они причиняли своим владельцам больше беспокойства, чем способствовали разрешению проблемы механизации. Трактор сделался значительным фактором в энергетике сельского хозяйства только около 1917 года, когда война начала отрывать с полей значительные массы людей. С этого времени трактор вместе с новыми изобретениями в области пахотного инвентаря и уборочных машин произвел прямо-таки революцию в сельскохозяйственном производстве».

Чтобы представить себе, какую роль играет уже на сегодня трактор в сельском хозяйстве Соединенных Штатов, обратимся прежде всего к статистике производства и наличия тракторов.

Годы	Производство	Наличие на фермах	Годы	Производство	Наличие на фермах
1910	4.000	—	1920	203.207	246.139
1911	7.000	—	1921	73.198	354.600
1912	11.000	—	1922	99.692	[illegible]81.6[illegible]5
1913	7.000	—	1923	134.590	447.000
1914	10.000	—	1924	119.30[illegible]	498,225
1915	21.000	—	1925	1[illegible]7.[illegible]53	506.745
1916	29.000	—	1926	181.99[illegible]	585.[illegible]68
1917	62.742	—	1927	200.504	643.82[illegible]
1918	132.697	80.100	1928	171.137	7[illegible]8.825
1919	164.590	147.600	1929	—	852.989

Мы видим, что производство тракторов начало развиваться в значительном размере во втором десятилетии нашего века, при чем наиболее бурный рост был в годы войны. Затем наступает резкое падение, сменяющееся потом вторым под'емом, не достигшим, однако, того максимума, который был в первом периоде. Наконец, 1928 год показывает опять снижение. Что касается наличия тракторов на фермах, то здесь мы имеем неуклонный рост, показывающий, что механизация американского сельского хозяйства растет. Как это происходит и какие противоречия на этой почве возникают, речь будет ниже. Отметим здесь же, что в 1930 году, надо полагать, количество тракторов в САСШ несколько перевалит за 900.000 штук. Однако, я не думаю, чтобы оно достигло миллиона, как это часто думают у нас.

IV.

Здесь уместно, прежде чем продолжать анализ американской механизации, вкратце коснуться того, н а к а к о м э т а п е м е х а н и з а ц и и м ы с е й ч а с н а х о д и м с я с р а в н и т е л ь н о с САСШ. Само собой разумеется, что это сравнение будет носить очень условный характер. Известно, что старая Россия плелась в хвосте технических усовершенствований в сельском хозяйстве. Известно, что за период советской власти п р о и з о ш л и г р а н д и о з н ы е с д в и г и. Известно, что мы развиваемся неслыханно быстрыми темпами; взять хотя бы тот факт, что наше производство сельскохозяйственных машин во много раз больше того, что производилось в царской России. Наше сельское хозяйство, еще совсем недавно только по наслышке знавшее об

усовершенствованных машинах, теперь местами становится в один ряд с передовыми по механизации странами.

Несмотря на все это, в целом мы еще чрезвычайно отсталая страна в техническом отношении.

В отношении работ с *примитивным* сельскохозяйственным инвентарем и работами *вручную* мы должны сказать, что у нас и то, и другое еще имеется *в значительном количестве*. Сохами у нас пашут еще в ряде районов. Посев сеялками сильно распространен только на Юге и Юго-Востоке, но в нечерноземной полосе, на Северо-Западе и Северо-Востоке, равно как в центральной части страны, не говоря уж о национальных республиках *в чрезвычайно сильном распространении посев руками*, а также неусовершенствованными разбросными сеялками. Все работы по уходу за пропашными производятся преимущественно *вручную*. Уборка машинами, распространенная в основных зерновых районах, в незерновых районах *только начинает* прививаться. В значительном количестве наших районов обмолот производится немашинным способом, а *цепами, катками, лошадьми и т. п.* Все это говорит о том, что *мы в этой части находимся сравнительно с Соед. Штатами в 70 — 80 годах прошлого столетия.* С другой стороны, мы уже сейчас имеем то количество тракторов, которое было в САСШ в 1917 году, при чем используем их, как будет ниже показано, гораздо лучше, чем американцы, *и быстро двигаемся* в механизации вообще.

То положение, что мы *прямо от примитивных* способов производства переходим сразу к *наиболее усовершенствованным*, является прямым следствием нашего планового социалистического хозяйства. Нам нет никакой нужды проходить *весь тот путь механизации* последовательно от одной операции за другой, как это было в Америке. *Мы можем и должны сразу переходить к наиболее усовершенствованным способам, и мы так и делаем.* Скептики и оппортунисты полагают, что нужны целые десятилетия, чтобы догнать в отношении механизации САСШ. Это верно только в том случае, если мы будем *рабски* копировать все этапы, которые пройдены Соед. Штатами. Вместе с тем вполне реально, например, *от посева вручную* в индивидуальном хозяйстве переходить *к посеву большими рядовыми сеялками на тракторной тяге в колхозах.* А это значит не больше и не меньше, как перескочить через разбросную сеялку на конной тяге, через рядовую сеялку на конной тяге и сразу перейти к наиболее усовершенствованному, для чего Америке нужно было при последовательном прохождении этапов 50 лет. Или то же самое в отношении уборки хлеба. Мы может от косы «махнуть» прямо к комбайну, минуя лобогрейку, самосброску, самовязку. *Эту экономию на годах дает нам плановое хозяйство.* Никакая другая страна этого сделать не может.

Ибо путем научно-обоснованного планирования с учетом новейших достижений мы можем, в противоположность капитализму, *сразу вводить* самое усовершенствованное, самое передовое. Путем планирования мы можем (и мы так и делаем) производить наиболее усовершенствованные машины. Путем государственного кредита и помощи мы можем быстро продвинуть эти усовершенствованные машины в наши колхозы и совхозы.

С другой стороны, *наша система хозяйства* — крупные совхозы и колхозы — сами по себе являются производством, в котором всякая усовершенствованная *машина достигает наилучшего использования* и, как мы увидим ниже, у нас уже на сегодняшний день в деле тракторoccупользования имеются такие достижения, которые оставили далеко позади нормы тракторoиспользования самой передовой в техническом отношении капиталистической страны.

Вот эти два момента (плановое хозяйство в противоположность капиталистической анархии производства и крупное коллективное и советское хозяйство) являются тем, что в самом непродолжительном времени выдвинет нас далеко вперед в деле механизации сельского хозяйства.

Трактор является машиной *крупного* хозяйства. На этот счет не может быть никаких сомнений. Общеизвестно, что в мелком хозяйстве трактор не может быть полностью нагружен, следствием чего является невыгодность его содержания. На этот счет мы имеем богатейший материал из американской практики. Приведем только один пример по материалам обследования в штате Айова [1]):

Группы по посевной площади	В среднем посева на ферму	Количество часов работы тракт. в год	Стоимость часа работы трактора
40—70 акр.	67	148	1,24 дол.
80—119 „	96	144	1,28 „
120—159 „	142	287	1,19 „
160—199 „	181	299	0,81 „
200—239 „	226	390	0,83 „
240—279 „	251	526	0,86 „

Таким образом, мы видим, что *выгодность применения трактора стоит в прямой связи с нагрузкой его.* В таблице бросается в глаза *слабое использование трактора вообще.* Если это также верно в отношении САСШ в целом, то становится понятным, почему трактор в САСШ все же не является пока главнейшим источником энергии в сельском хозяйстве. Но остановимся пока на вопросе о нагрузке трактора, что является для нас особо интересным.

Первым вопросом здесь является вопрос о продолжительности службы трактора. Американцы дают следующие цифры [2]):

Наименование штата	Количество лет жизни трактора	Наименование штата	Количество лет жизни трактора
Коннетикут. . . .	7,0	Иллинойс (1). . .	5,8
Кентукки.	9,0	Иллинойс (2). . .	7,5—8,0
Флорида	3,9	Иллинойс (3). . .	6,7
Нью-Джерси . . .	6,2	Дакоты С. и Ю. .	9,0
Нью-Йорк (1). . .	6,0	Пенсильвания. . .	8,1
Нью-Йорк (2). . .	8,5	Айова	6,0

Разумеется, что количество лет службы трактора варьирует в зависимости от различных типов тракторов и их мощности. Но главным моментом, определяющим срок службы трактора является *степень его годовой* нагрузки работой.

Для того, чтобы вывести в часах общую продолжительность его службы, обратимся к данным об его использовании.

В этом вопросе американские данные поражают *слабой степенью* использования трактора. Когда я впервые натолкнулся на данные, которые ниже будут приведены, то я был убежден, что имею дело с ошибкой, опиской или исключением. Однако, тщательное ознакомление с материалами *не оставляет никаких сомнений* насчет правильности того факта, что *тракторы слабо используются.*

По данным обследования работы тракторов в штате Нью-Иорк, тракторы работают там в среднем 425 часов в год. Это значит, что при пересчете на 8-часовой день мы получаем 53 дня. Другое обследование в том же штате дает 67 дней. Это самые высокие показатели работы трактора в среднем по многим фермам. Ни в одном другом штате мы не находим более высоких по-

[1]) «Horses, Tractors and Farm Equipment» by John A. Hopkins, стр. 386.

[2]) Таблица составлена по данным, приводимым в работе Frank App «Farm Economics. Management and distribution» и по работе Edward R. Gross and Allen G. Waller «Tractor Farming in New Jersey».

казателей. Спешу оговориться, что на отдельных крупных фермах трактор используется значительно выше. Приведенные же данные характеризуют среднее использование тракторов.

По данным штата Иллинойс, трактор используется 37 дней. Другое исследование в этом же штате дает 38 дней. Наконец, третье исследование по тому же штату показывает 50 дней.

По данным Калифорнии, трактор в среднем используется 67 дней в году. По данным южных штатов, средняя продолжительность 53 дня.

Таковы данные обследований. Но тут надо принять во внимание, что при выборочном обследовании обычно попадают фермы более повышенного типа. Статистической методологией это уже давно твердо установлено. Поэтому к таким выборочным данным, когда обследование охватывает небольшое количество об'ектов, всегда нужно делать соответствующую поправку, чтобы переносить выводы этого обследования на всю территорию страны.

Нижеследующий расчет покажет всю необходимость осторожного обращения с приведенным выше материалом. По данным Кейнсмана [1]) тракторы дали в 1924 г. 1.600.000.000 сило-часов работы. В это время в САСШ было 400.000 тракторов. Кейнсман принимает в средчем трактор в 20 л. с., при чем нет прямого указания, является ли это работой трактора или его номинальной мощностью. Но, насколько можно заключить из текста, Кейнсман принимает для прицепа в среднем 10 л. с., а для шкива 20 л. с. Если мы разделим всю сделанную тракторами работу на их мощность и на их количество, то получим, что в год (1924) на один трактор приходилось 200 часов работы или 25 дней. Таким образом, если отдельные исследования показывают, что трактор работает в среднем 30—40—50 дней, то, по массовым материалам, использование его еще меньше. Однако, если мы примем даже за исходное 30 — 35 дней работы трактора в среднем в год, то каждому понятно, что это чрезвычайно мало для годичного пользования трактора. Прежде, чем продолжать анализ срока службы трактора, приведем данные об использовании тракторов у нас в СССР.

VI.

Мы не имеем еще достаточно верных и достаточно обширных сведений по СССР об использовании трактора. Во-первых, потому, что у нас, по существу, только-только выходят из строя первые тракторы. Во-вторых, тракторы распылены по разным тракторопользователям и нет обобщающих данных.

Однако, кое-что мы имеем и кое-чем можем похвастать.

По данным обследования трактора в Воронежской губернии [2]) среднее количество дней работы трактора в год равнялось 79,5, а в колхозах даже 85,4.

Это значит, ни больше и не меньше, как в два раза лучше, чем в Соединенных Штатах.

В 1928 году было произведено обширное обследование тракторов в РСФСР [3]), охватившее 870 тракторопользователей во всех основных районах РСФСР. Всего обследовано 1.363 трактора самых разнообразных систем. Это составляет 6,6% всего количества тракторов, работавших в год обследования на полях РСФСР. По материалам этого обследования, трактор в среднем работает 1.203 часа, то-есть 150 дней. Это значит, что в четыре раза лучше, чем в САСШ.

По данным Зернотреста, тракторы в 1929 году в среднем работали 1.460 часов, т.-е. в пересчете на 8-часовой рабочий день 182 дня.

Разумеется, что по отдельным совхозам мы имеем еще более высокие показатели. Что это показывает? Это—величайшая победа планово-организованного хозяйства. Это — величайшая победа социализма.

Чем это обусловлено? Прежде всего крупностью хозяйства. Здесь мы не имеем никаких пределов, никаких рамок. Каждый трактор может получить столько, сколько он может поглотить. Мы организовываем трехсменные работы и единственной помехой еще более полной нагрузки трактора является недостаточная работа над уничтожением излишних пробегов, простоев, всяких неполадок и т. п. Никакая другая страна не может делать тех перебросок тракторов из одного района в другой, как мы это делаем, никакой другой строй не может так разгородить дорогу трактору от границ отдельных мелких хозяйств, как это мы сделали.

В этом вопросе мы уже перегнали капиталистический мир. И пусть все товарищи, примеряющие, как скоро мы догоним САСШ в отношении механизации сельского хозяйства, подсчитывают не только количество тракторов, которое у нас будет к концу пятилетки, но и количество работы, ими даваемой.

Если мы предполагаем дать за пятилетку около миллиона тракторов нашему сельскому хозяйству в пересчете на условные 10-сильные или 443 тысячи в действительных единицах разной мощности и, если мы примем даже наши сегодняшние коэфициенты использования (а они должны быть и будут еще повышены), то к концу пятилетия у нас сельское хозяйство будет иметь, без всякого сомнения, энергии от тракторов больше, чем в САСШ. В отношении механизации сельского хозяйства в этом направлении при условии выполнения пятилетки мы перегоним самую механизированную, самую передовую в этом отношении капиталистическую страну.

VII.

Возвращаясь к американским данным, мы находим путем перемножения работы, которую выполняет трактор в течение года на количество лет службы трактора, общую продолжительность срока службы трактора в часах работы.

Оказывается, что эта служба выражается в следующих незначительных величинах: Нью-Йорк от 2.550 часов до 4.590, Нью-Джерси—3.000, Иллинойс 1.734 — 3.600, Дакоты — 4.500, Пенсильвания — 4.542, Айова — 2.700. То-есть средняя продолжительность всей службы тракторов в Америке столь незначительна, что покрывается двухгодичной нагрузкой по существующим нормам Зернотреста. Это показывает, что если американцы все же считают применение трактора выгодным, какие же огромные перспективы открываются в наших условиях более полного использования трактора.

Прежде всего встает вопрос о том, где вообще лежит предел в использовании трактора. Каких-либо калькуляционных расчетов на этот счет американская практика не дает. Что касается нашей практики, то установление двух- и трехсменной работы трактора приводит к тому, что в известные периоды года мы можем принять ежедневную работу трактора в 24 часа. Если принять условно месяц на ремонт трактора в течение всего года, то теоретически годовая нагрузка трактора при 30 днях работы (непрерывка) может быть доведена до 7.920 часов работы. Разумеется, что при такой нагрузке трактор уж не может

[1]) «An appraisal of power used on farms in the United States» by C. D. Kinsman.

[2]) А. И. Диков. «Трактор» в крестьянском хозяйстве и его рентабельность».

[3]) Матерьялы этого обследования еще не вышли в свет, и мы пользуемся рукописью, предоставленной в наше распоряжение одним из руководителей обследования тов. А. Дегтяревым.

служит 5—6 лет: он сносится гораздо раньше. Как скоро трудно сказать, так как опыта в этом направлении никакого нет. Ведь, если принять вышеприведенные цифры полной жизни трактора в часах по американским данным, то при только что вычисленной теоретической нагрузке трактор должен сноситься в срок меньше года. Но то, что мы имеем в наших совхозах, где коэффициент использования трактора чрезвычайно высок по сравнению с американским, заставляет думать, что срок службы трактора будет все же измеряться несколькими годами.

Что является более выгодным: полная загрузка трактора и быстрое его снашивание или растянутость во сроке пользования путем меньшей нагрузки.

Этот вопрос является вообще одним из наиболее интересных вопросов организации хозяйства. Примеры Германии и Соединенных Штатов дают два противоположных типа. Немцы строят все основательно в расчете на длинный период пользования.

Американцы строят не так основательно в расчете на более быстрый износ. Дело в том, что с прогрессом техники, как известно, наступает для машин, недостаточно полно изношенных, а это значит недостаточно полно нагруженных, так называемая моральная амортизация. Завязывая капитал на долгий срок, мы тем самым связываем себе наперед руки в деле введения всех тех улучшений, которые несет техника. Система рассуждений типичного немецкого организатора хозяйства и американского в этом вопросе совершенно разная. Один профессор в Германии заявил мне в ответ на вопрос о моральной амортизации, что если это принять, то логически правильным было бы вообще ждать изобретений, а не строить. Наоборот, американский организатор хозяйства прямо сказал, что он не желает строить скотный двор на 100 лет, так как уж через несколько лет его надо будет перестраивать сообразно тем новшествам во внутриусадебном транспорте, которые уж намечаются. Поэтому он предпочитает легкую постройку, рассчитанную на 10—15 лет с тем, чтобы своевременно возвести новую, отвечающую новым требованиям техники.

Разберемся в этом вопросе на примере трактора. Примем продолжительность его жизни в часах, скажем, в 20.000 часов. Мы можем при максимальной нагрузке амортизовать вложенный капитал, из расчета 7.000 час., ежегодно, в три года. Трактор кончил свою физическую и стоимостную жизнь и заменяется новым, конечно уже более усовершенствованным, ну скажем, развивающим большую силу при меньшей трате топлива и большей легкости управления. Таким образом переход на новую ступень хозяйства произошел в 3 года. Но мы можем использовать трактор и иным способом. Мы можем нагружать его только в 1.000 час. в год, а ведь эта нагрузка тоже очень большая, но срок службы растянуть на 20 лет. Арифметически дело обстоит, как-будто, в порядке. Но на самом деле при втором способе использования мы непростительно отстаем от технического прогресса. При первом примере капитал обернется несколько раз и каждый раз на новой технической базе, при втором способе произойдет отставание, приводящее в капиталистических условиях к гибели в конкурентной борьбе.

Что касается наших условий, то может ли быть вопрос в том, каким путем нам итти. Ясно, что наша система хозяйства должна быть самой передовой, самой технически совершенной. Мы тем и обгоним, что будем все время вводить все самое новое, самое совершенное. То, что мы имеем сейчас в С. Ш. является ярким примером по сравнению с отстающей Европой. Но то, что мы будем иметь в нашем хозяйстве будет ярким примером превосходства социалистической системы над капиталистической.

Мы говорили с двумя профессорами, вернувшимися в С. Ш. из командировки в СССР, где они видели наши гигантские хозяйства и тракторные колонны. Они говорили, что в деле использования машин и вообще в типе механизации не нам надо учиться у С. Ш., а американцам надо учиться у нас. Это вполне понятно, так как американские фермы при всей относительной крупности в сравнении с европейскими хозяйствами, являются малыми по сравнению с теми, которые мы сейчас строим. То обстоятельство, что у нас работает в хозяйстве большая группа тракторов, а не один, два трактора или десяток (таких ферм в Америке небольшое количество) дает новые преимущества. Нет никакого сомнения, что высокого использования тракторов мы достигли именно благодаря бригадной работе, которая сильно увеличивает производительность отдельных составляющих единиц.

Разумеется, что при сильной загрузке тракторов, вследствие более быстрого износа их, мы будем принуждены через каждые, скажем, пять лет, обновлять наш тракторный парк. И мы не должны бояться затрат на это дело, ибо, если мы более слабой нагрузкой растянем срок службы трактора, то от этого мы ничего не выиграем. Дело в том, что при более полной нагрузке мы вовсе не снашиваем трактор физически раньше, чем он получил полную денежную амортизацию. Иначе говоря, трактор при сильной нагрузке снашивается в несколько лет, но он уже полностью к этому времени оправдывает затраченные на него суммы. И оттого, что мы искусственно стали бы добиваться более длинного срока службы за счет меньшей нагрузки, мы не только не выиграли бы, а наоборот, только проиграли бы. Может ли быть сомнение, что такого рода частая смена тракторного парка является только показателем успешного развертывания хозяйства. Необходимые средства на возобновление тракторного парка даст рациональное и интенсивное использование тракторов, дающее быстро растущую продукцию. Мы должны взять американский способ использования машин вообще (интенсивно и в короткий срок). И подобно тому, как мы уже сейчас опередили С. Ш. в деле нагрузки тракторов, подобно этому мы опередим и в деле технических нововведений, если не будем допускать моральной амортизации.

VIII.

Мы уже указывали выше, что, хотя трактор и не является еще главным источником энергии в сельском хозяйстве САСШ, однако, сельское хозяйство САСШ на сегодняшний день является наиболее тракторизованным по сравнению со всеми другими странами. Было также указано, что трактор пришел в сельское хозяйство сравнительно недавно. Американский исследователь Толлей [1]) приводит интересные данные за период почти в 80 лет в отношении энергетических источников сельского хозяйства. По этим данным следует, что в 1850 году в САСШ было всего 6.596.000 лош. сил., из коих 1.700.000 приходилось на быков, 559.000 на мулов и 4.337.000 на лошадей. Затем происходит непрерывный рост этих трех источников живой силы. Но уже в 1880 году некоторую роль начинают играть ветряные и паровые двигатели. В 1910 году в сельском хозяйстве было 24.619.000 лош. сил, из коих на быков приходилось 960.000 (быки не только относительно теряли свое значение, но сокращались и в абсолютных величинах; сейчас быки никакой роли не играют), на мулов приходилось 2.753.000 лош. сил., на лошадей—15.506.000, на ветряки—400.000, на паровые двигатели 4.000.000, на газолиновые стационарные моторы — 1.000.000 лош. сил. Затем появляется электричество, которое год от году начинает играть все большую и

[1]) Доклад на Международном Парижском конгрессе по сельскому хозяйству Tolley H. R. «The Role of Machinery in American Agriculture».

большую роль; *трактор и автомобиль* появляются в самое последнее время и начинают приобретать выдающееся значение

Для выяснения роли различных видов источников в количестве энергии, потребляемой в сельском хозяйстве, приведем энергетические балансы за 1924 и 1928 гг.[1]).

Наименование источника энергии	Процент ко всей сумме потребленной энергии в с. х. 1924 г.	1928 г.	1928 г. в % к 1924 г.
Рабочий скот	60,6	48,4	86,6
Тракторы внутреннего сгорания	10,0	26.5	300,0
Паровые тракторы	6,2	1,6	30.0
Большие стационарные двигатели	3,1	1,6	60.0
Малые „ „	9.4	7,2	86.6
Электроустановки	5,6	7,8	155.5
Ветряные двигатели	1.3	1,1	10[illegible],0
Грузовые автомобили	3,8	7,8	233,3

Из приведенной таблицы мы видим:

Во-первых, что *растут только и при том чрезвычайно быстро тракторы, автомобили и электричество.*

Во-вторых, *сокращается значение рабочего скота, который сейчас занимает в энергетическом балансе немного меньше половины общих затрат.*

В-третьих, *сокращается значение стационарных установок, так как локомобили заменяются работой на шкиву от трактора и комбайнами.*

В-четвертых, *из всех видов механической энергии наиболее быстро растет трактор, который уже сейчас занимает больше четверти всех затрат.*

Известно, что *мы отбираем из опыта всего мирового хозяйства* все то, что является наиболее совершенным, и *пересаживаем это на нашу социалистическую почву.* Если бы мы хотели проверить в *целом* нашу установку на механизацию сельского хозяйства, опираясь для этого на опыт наиболее передовой страны, то приведенная таблица свидетельствует, что те пути механизации (в техническом отношении), которые сейчас показывает сельское хозяйство САСШ (трактор, автомобиль, электричество) являются как раз техническим содержанием нашей установки в деле механизации сельского хозяйства.

То, что именно трактор становится в тенденции основным источником энергии, имеет в своем основании принцип его *универсальности.* Лет тридцать тому назад была наиболее цветущая пора для *паровых* плугов. Причину слабого их распространения и вымирания нужно искать в том, что они выполняли очень узкий комплекс работ и не могли механизировать полностью сельскохозяйственное производство, тем самым вынуждая держать и рабочий скот. Но использование рабочего скота в свою очередь страдало от того, что паровой плуг отнимал у лошадей часть работы и приводил их к вынужденному простою, ложившемуся тяжким бременем на хозяйство.

Первые тракторы были очень похожи по своей идее на паровые плуги в том смысле, что они тоже были приспособлены только к одной работе—пахоте, ибо это были не тракторы в нынешнем понимании этого слова, а *моторные плуги.* Только тогда, когда плуги открепили от двигателя, а самый двигатель приспособили для передвижения любых прицепных орудий, трактор превратился в настоящего «стального коня». Одновременно или вернее вслед за этим трактор начал выполнять при помощи шкива роль стационарного двигателя для молотилок, в первую очередь. Трактор, таким образом, превратился в *универсальный* двигатель, которым передвигались все сельскохозяйственные машины или приводились в движение стационарные установки. Самое последнее усовершенствование в тракторе это — ответвление мощности мотора от движущегося трактора для приведения в движение механизма машины, которую тянет трактор. Сноповязалка, напр. раньше приводилась в движение особой системой передачи от ходового колеса самой сноповязалки. Тянул ли ее трактор или лошади все равно она работала от самого движения. Теперь ходовое колесо освобождено от передаточного механизма, а сноповязалка приводится в действие штангами на шарнирах, идущими от трактора. Трактор, таким образом, движется по полю, тянет сноповязалку и, приводит в действие ее механизм. То же самое и с рядом других машин. Между прочим этот принцип дал возможность приспособить к плугу особый вращающийся пласторез, который размельчает поднимаемый отвалом пласт. Таким образом, возникла машина, которая одновременно и пашет и боронует. Это — комбайн-плуг, по терминологии американцев.

[1]) См. нашу статью «Энергетический баланс сельского хозяйства С. Ш.» в журнале «Экон. Обозр.», № 2 за 1930 г.

Трактор, являясь универсальным источником энергии, через посредство передаточного механизма (непосредственно или путем трения о землю) приводит в движение уже непосредственно рабочую машину. Мы имеем перед собой *систему машин,* которую еще яснее можно представить на следующем примере. Теперь стремятся к уничтожению передка и приспособлению работающих частей машин непосредственно к трактору так, чтобы было удобно менять эти «инструменты», с одной стороны, и управлять легче работой, — с другой. Правда, и ответвление мощности мотора и прикрепление работающих частей к трактору еще не усовершенствовано так, чтобы это можно было рекомендовать крупным хозяйствам. Сейчас оба этих усовершенствования большей частью делаются на малых тракторах, но мы уже видели образцы работы *комбайна* непосредственно от мотора трактора, хотя и в данном случае комбайн был небольших размеров.

Таким образом, *действительная техническая революция пришла в сельское хозяйство тогда, когда механизация превратилась в систему машин.* Основанием этому стал трактор, как в индустрии пар.

Но есть еще один источник энергии, еще более универсальный. Я имею в виду электричество. Мы обращаем непростительно *мало* внимания на электрификацию сельского хозяйства. Вместе с тем, уже в ряде стран, в том числе в ряде штатов Америки, электричество применяется в *широком масштабе.* Приведем баланс энергетики в Калифорнии

Наименование источника энергии	Количество установок	Работы в сило-часах в год	%% от всей потребленной энергии в год	Стоимость сило-часа в центах
Рабочий скот	30[illegible].500	19[illegible].575.000	17	23
Электрические моторы	35.000	55[illegible].700.000	47,5	3
Тракторы	35.000	273.000.000	23	10
Стационарные двигатели	30.000	81.000.000	7	6
Ветряки	26.000	10.400.000	1	5
Грузовики	25.000	50.000.000	4,5	20

Мы видим, что из всех источников энергии электричество занимает первое место, затем идут трактора. Немеханическая энергия занимает чрезвычайно подчиненное место, всего 17 проц.

Мы не имеем времени останавливаться долее на вопросах электрификации, но не может быть никаких сомнений, что *вследствие универсальности электрической энергии, легкости передачи, легкости делимости и дешевизны именно ей принадлежит будущее еще в большей мере, чем тракторам.* Мы должны всерьез начать заниматься вопросами электрификации нашего сельского хозяйства.

(Окончание в след. номере).

М. Рагольский.

Против нового извращения марксовой теории накопления.

(Статья 2-я. Теория империализма Гроссмана).

Империализм без монополий.

Подобно Розе Люксембург, Гроссман строит теорию империализма, непосредственно исходя из своей теории накопления. Империализм — по его теории—есть результат ослабления противодействующих краху факторов, империализм обусловлен погоней за добавочной прибавочной стоимостью, ибо произведенной в метрополии прибавочной стоимости нехватает для обеспечения прежнего темпа накопления.

Гроссман дает такое определение империализма:

> «Современный империализм капиталистических государств есть необходимое стремление преодолеть через хозяйственную экспансию, последнюю ступень коей составляет включение в свою государственную теорию чужих областей,—наступающую на определенной ступени накопления тенденцию крушения, тенденцию прекращения увеличения стоимости капитала, через обеспечение притока дополнительной прибавочной стоимости извне» [1]).

Империализм находится в тесной связи с тем, что факторы, ослабляющие тенденцию краха, с течением времени действуют слабее.

> «Опасность абсолютного действия тенденции краха—несмотря на преходящее преодоление их—с ростом накопления становится больше и острее. И как раз в этой тенденции лежат глубочайшие корни империализма» (стр. 296—297).

Нельзя—думает Гроссман—ссылаться на монополии как существенный признак империализма; монополии были и в начале развития капитализма. Пытаясь доказать, что вовсе не монополии являются основным признаком империализма, Гроссман развертывает такую аргументацию:

> «Ленин говорит совершенно справедливо о присущей высокоразвитому капитализму «тенденции к стагнации». Однако, Ленин связывает это явление с фактом монополии. Что такая тенденция связана с монополией не может подвергнуться сомнению. Однако, это утверждение недостаточно для выяснения этого феномена... потому что мы имеем здесь дело не только лишь с явлением стагнации. Тот же самый английский капитализм, который показывает в области хозяйства «капиталистическое засыпание», в других областях проявляет исключительно агрессивный характер, развивает энергию, которая на предыдущих ступенях капиталистического развития отсутствовала. И как раз этот агрессивный характер современного капитализма отпечатывает на нем тот специфический штемпель, который мы определяем под именем империализма» (стр. 269, курсив мой. *М. Р.*).

Монополия—думает Гроссман—может об'яснить только стагнацию, но не агрессивность, а так как империализму как раз присуща агрессивность, то монополии должны быть вовсе отброшены.

[1]) Henryk Grossmann. Das Akkumulations und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems, стр. 300.

> «Монополия сама лишь средство повысить прибыли через повышение цен, то-есть улучшить увеличение стоимости капитала, следовательно, она лишь поверхностное явление, последним скрытым корнем которого является наступающее вместе с накоплением недостаточное увеличение стоимости капитала» (стр. 269).

Итак, не монополии являются основным признаком империализма, а лишь все большая трудность увеличения стоимости капитала и агрессивность политики. Выбрасывая самый важный признак империализма—его монополистический характер—Гроссман тем самым примыкает к тому направлению в об'яснении империализма, которое представлено Розой Люксембург, Фр. Штернбергом, но также и Каутским. Как известно, Роза Люксембург считала, что империализм обусловлен невозможностью сбыта прибавочной стоимости в «чистом капитализме» и вытекающей отсюда погоней за некапиталистическими областями. То же самое примерно об'яснение мы находим у Штернберга.

Гроссман представляет, правда, некоторую особенность. Он признает возможность реализации в чистом капитализме. Он перегибает даже палку в том смысле, что отрицает всякое значение противоречия производства и потребления. Он приходит к выводу, что странам развитого капитализма нехватает массы прибавочной стоимости и они вынуждены обращаться к другим, отсталым странам за дополнительной прибавочной стоимостью—«за свежим воздухом». Эту дополнительную прибавочную стоимость капитализм получает в процессе: 1) сверхэксплоатации колониального населения в производстве (плантации, рудники и пр.), 2) продажи своих товаров в колонии по среднемировой стоимости, то есть гораздо выше «национальной» стоимости. Полученная таким образом дополнительная прибавочная стоимость удлиняет период бескризисного накопления.

По поводу этой теории можно прежде всего заметить, что эксплоатация колониального населения и торговля с колониями имели место и при промышленном капитализме. Затем, если дополнительная прибыль ослабляет тенденцию крушения, то капитализм может развиваться—без крушения—вплоть до того момента, когда не останется стран технически отсталых; а так как капитализм развивается неравномерно, а империализм усиливает эту неравномерность, так как империализм тормозит индустриализацию колоний, то отсталость отдельных стран останется, пока существует капитализм. Выходит, что если у Розы Люксембург империализм должен был потерпеть крушение за исчерпанием 3 лиц, то у Гроссмана перспектива капитализма гораздо благоприятнее, ему обеспечено неопределенно долгое существование.

Методологически теория империализма Гроссмана имеет много общего с теорией Каутского. Каутский также не признает империализма, как особой стадии капитализма, стадии монополистического империализма. Каутский также исходит при обосновании империализма не из качественных изменений в сфере производства (концентрация производства, приведшая к монополии), а из условий превращения прибавочной стоимости в деньги, из условий реализации. Примат производства игнорируется и им.

По Каутскому, империализм есть один из способов присоединения промышленным государством аграрных областей. Погоня за аграрными областями обуславливается противоречием между сельским хозяйством и промышленностью; промышленность в своем развитии имеет тенденцию обгонять сельское хозяйство; отсюда кризисы перепроизводства и дороговизна. Для обеспечения себя рынком сбыта и сырьем промышленные государства стремятся присоединить аграрные области. Раньше способом расширения аграрной области была свободная торговля, теперь — империализм. В дальнейшем возможен отказ от империалистического способа расширения, возможен все-

мирный картель (ультраимпериализм), который покончит с войнами и империализмом. Эта теория была развита Каутским в 1915 г. в статье об империализме в теоретическом органе германской социал-демократии[1]). В последней своей 2-томной работе «Материалистическое понимание истории» Каутский вынужден признать связь империалистической политики с финансовым капиталом. Он жалуется, что «дух империализма» стал охватывать промышленный капитал.

«Развитие акционерных обществ как и предпринимательских союзов все более приводило индустрию в тесную связь с денежным капиталом, с банками, и вызвало к жизни новое явление, которое Р. Гильфердинг назвал финансовым капиталом. В этой форме промышленный капитал развил тот же дух насильственных действий, который до сих пор был присущ всем эксплоататорским классам. Постольку... финансовый капитал повинен в империализме и образует тем самым новое явление, характеризующее последнее десятилетие»[2]).

Но, продолжает Каутский, это вовсе не значит, что империализм не имел места раньше, он так же стар, как само государство.

Как и Гроссман, Каутский сводит империализм к особой форме политики. Всякий эксплоататорский класс,—поясняет Каутский,—имеет тенденцию расширять область эксплоатации, эту тенденцию усваивают и капиталисты, отсюда и империализм.

Выходит, что империализм был при феодализме, и в древней Греции, ибо и там были эксплоататорские классы. Как и Гроссман, Каутский смазывает особенности империализма как особой стадии капитализма. Оторвав политику от экономики, Каутский пришел к чистейшему идеализму.

«Мы рассчитываем,— говорит он,— на прогрессивное убывание завоевательных стремлений». На чем же основан этот расчет? Оказывается на том, что современные эксплоататоры настолько умны, что они поймут... «невыгодность империализма!».

«Также возможно,—пишет старый ренегат,—что финансовый капитал, наученный мировой войной, найдет, что эти методы (завоевательного) расширения области эксплоатации слишком рискованны. При этих устремлениях за увеличением прибыли подвергается слишком большой опасности весь капитал и гораздо выгоднее перейти к ультраимпериализму, к международному картелированию финансовых капиталистов всех стран» (там же, стр. 146).

Итак, по Каутскому, империализм лишь особый вид политики, он хотя и связан с финансовым капиталом, но вовсе не обязателен. Стоит лишь капиталистам поумнеть и империализм исчезнет «яко дым» и заменится строем, где все капиталисты об'единятся, как братья, исчезнут войны и начнут отмирать противоречия классов... Каутский упустил основное в империализме—монополистический его характер, противоречие монополии и конкуренции, неравномерность развития. В итоге он оторвал политику от экономики и пришел к 100% ревизионизму.

Этот печальный пример должен бы предостеречь Гроссмана, который иногда довольно удачно вскрывает ошибки Каутского. Но увлеченный «монизмом» своей теории Гроссман отбрасывает монополии, как важнейший признак империализма и сводит империализм к одной лишь агрессивной политике. Этим самым он лишает себя возможности вскрыть те противоречия, которые развиваются и обостряются на почве смены свободной конкуренции монополией, на почве борьбы монополии и конкуренции.

Развитие монополий обостряет противоречия по всей линии капитализма. Трестированная тяжелая индустрия забирает часть прибылей у легкой; промышленность накладывает дань на сельское хозяйство, заставляя его покупать по вздутым ценам свою продукцию и задерживая его развитие. Запретительные пошлины на привозные товары отдают внутренний рынок и потребителя на поток и разграбление королям железа, угля, машин. Трестированный капитал нажимает все сильнее на рабочий класс и сводит его зарплату к все более низкому уровню. Дороговизна еще более ухудшает положение трудящихся города и деревни. Противоречие производства и реализации обостряется.

[1]) См. «Neue Zeit», 1915 г. 30 апреля 1915 г.

[2]) «Die materialistische Geschichtsaufassung». B. II, стр. 145—146.

В то же время неравномерность развития усиливается. Тяжелая индустрия, присваивая громадные сверхприбыли, развивает и больший темп развития, забегает вперед. Внутренний рынок становится для нее совершенно недостаточным. Монополии ищут выхода для растущей продукции на мировом рынке. Отсюда обострение борьбы за колонии как рынки сбыта, обострение борьбы на мировом рынке. В то же время на внутреннем рынке не прекращается острейшая борьба между трестированной и нетрестированной промышленностью, между отраслями производящими заменимые продукты и т. д. Чем больше удалось извлечь прибылей на внутреннем рынке, тем больше шансов побить конкурента на рынке мировом.

Нельзя ставить вопрос так, как это делает Гроссман, что не интересы сбыта, а лишь интересы организации капиталистического производства сырья и пищевых средств были решающими факторами колониальной экспансии. Такое противопоставление неправильно. Как раз при монополистическом капитализме обостряется не только погоня за рынком сбыта, но и погоня за источниками сырья, топлива. Каждая империалистическая страна стремится стать монопольной обладательницей сырья и территории, где оно производится. А так как мир поделен, то борьба за источники сырья, как и области сбыта, принимает характер войн за передел мира.

Гроссман о финансовом капитале.

Отказавшись от монополии, Гроссман отказывается и от финансового капитала, как одного из признаков империализма. Для Гроссмана финансовый капитал просто банковый капитал, а не сращение промышленного и банкового капиталов. Гроссман вообще не заметил этого сращения. Его интересует лишь вопрос, какой капитал господствует: банковый или промышленный? Если верно, что финансовый (банковый) капитал,— говорит Гроссман,—господствует над индустрией, то это означает господство не сферы производства, а сферы обращения, что противоречит учению Маркса о примате производства (стр. 574).

Если бы Гроссман заметил сращение, эту основную характерную черту финансового капитала, то он понял бы, что господство финансового капитала не отрицает, а подразумевает примат производства. Концентрация производства, приведшая к монополии, к «тресту банков» (2 крупнейших банковских треста — Моргана и Рокфеллера — в САСШ; в Германии происшедшее недавно слияние Немецкого банка и Учетного общества в единый «Немецкий банк—Учетное общество» с акционерным капиталом и резервами в сумме 450 млн. марок). Признание господства финансового капитала не равносильно признанию господства банков над промышленностью, вопреки тому, что думает Гроссман, который пытается теорию финансового капитала связать не с концентрацией и монополией, а опять-таки с своей пресловутой теорией накопления.

Гроссман устанавливает 3 периода во взаимоотношениях промышленности и банков: 1 период—период слабого развития накопления, когда возможности накопления неисчерпаемы и когда индустрии не хватает своих средств и она нуждается в чужих средствах. Это и есть период господства банкового капитала—50 и 60-е годы во Франции, предвоенные 20 лет в Гер-

мании (но, ведь, господство сферы обращения, банков противоречит Марксу— заявлял нам только что Гроссман, очевидно расхождение с Марксом не очень смущает нашего «марксиста»).

2-й период наступает тогда, когда «с процессом накопления изменяется к отношение банков и индустрии».. Вместе с избытком денег «наступает приобретение самостоятельности промышленностью».

«На более высокой ступени накопления капиталистическая промышленность делается все в большей мере независимой от прилива капитала извне, т. к. самофинансирование увеличивается, т.-е. увеличивается снабжение средствами из собственных списываний и резервов» (стр. 575).

Наконец, в 3-й период накопления капитала индустрия наталкивается на все большие трудности даже в том, чтобы прибыльно разместить собственные средства в своей среде; ей приходится даже размещать свои собственные средства на денежном рынке (нефтяной трест в Сев. Америке и др.).

Вывод, который делает Гроссман, таков:

«Не может быть речи о зависимости промышленности от банков ни в Англии, ни во Франции, и еще меньше в Соед. Штатах. В последних скорее господствует индустрия, которая имеет большие суммы в банках или собственные банки» (Гроссман, с. 579).

Такие существенные моменты, как монополия, личная уния, слияние банкового и промышленного капитала посредством владения акциями, господство финансовой олигархии, об'единяющей в своем лице и владельцев и банковых и промышленных акций—все это Гроссманом упускается из виду в поисках того, кто господствует,— Тисены, Сименсы, или Гольдшмидты, Гагены, Морганы или Рокфеллеры, забывая, что и те и другие владеют акциями одних и тех же предприятий [1]).

Для империализма как раз и характерно господство этой олигархии, исполнительным комитетом которой и являются правительства Гуверов, Макдональдов, Тардье и Мюллеров. Интересам этих магнатов капитала служит как внутренняя, так и внешняя политика. Гроссман старается во что бы то ни стало противопоставить «промышленников» банкирам, забывая про их сращение; это напоминает попытку Каутского противопоставить «мирных» «свободолюбивых» фабрикантов захватчикам и империалистам—торговым и денежным капиталистам. В итоге у Гроссмана мы имеем «империализм» без монополий, без финансового капитала, без финансовой олигархии.

Экспорт капитала. Как Гроссман „углубляет" Ленина.

Наконец, и такой существенно-важный признак империализма, как экспорт капитала, Гроссман пытается об'яснить также с точки зрения своей теории накопления. Он считает верным указание Ленина, что если «для старого капитализма типичен был вывоз товаров», то «для новейшего капитализма с господством монополий типичен стал вывоз капитала», однако, Ленин, по его мнению, не дал об'яснения того, почему экспорт капитала типичен для империализма. У Ленина «нет никакого теоретического ана-

[1]) Так, в Германии в 1928 г. промышленник Сименс являлся председателем наблюдательного совета Немецкого банка; в этом же совете сидел фабрикант Борзиг, председатель Стального треста Фоглер, владелец торговых предприятий Отто Вольф и т. п. Банкир Артур Саломонсон (недавно выступивший с призывом священной войны против СССР), председательствует в наблюдательных советах Гельзенкирхенского горнопромышленного общества, ряда крупнейших предприятий калийной промышленности, о-ва электрических предприятий, Людвиг Леве и т. д. Этот самый Саломонсон представлен в советах 35 акционерных обществ, а банкир Гольдшмидт сидит в советах ста с лишним обществ. Сименсы, Борзиги, Саломонсоны, Фоглеры, Гольдшмидты, Морганы и Детердинги являются подлинными властителями в современной буржуазной демократии.

лиза фактов, которые должны показать нам необходимость экспорта капитала в высоко-развитом капитализме» (Гроссман, с. 526).

Это об'яснение—думает Гроссман—можно получить только исходя из его теории накопления.

«Подчеркиваемое Лениным характерное отличие старого и новейшего капитализма имеется в действительности, однако, оно не состоит ни в какой необходимой причинной зависимости с конкурентным или монополистическим капитализмом, скорее это отличие выясняется из различия ранней и поздней фазы накопления капитала в какой-либо данной капиталистической стране, при данной ступени развития техники». (Гроссман, 527).

Итак, все дело в различии «ранней и поздней фазы накопления», в ослаблении противодействующих крушению накопления факторов, которое и стимулирует экспорт капитала.

«Границы перенакопления, недостаточного возрастания стоимости (капитала) пробиваются... через экспорт капитала и добытую через него добавочную прибавочную стоимость. В этом смысле для поздней фазы накопления капитала, экспорт капитала необходим и характерен». (Гроссман, 527).

Экспорт капитала имеет целью доставить капиталистам дополнительную прибавочную стоимость, недостаток которой грозит сорвать накопление — так можно резюмировать многословные рассуждения Гроссмана по этому вопросу. Получается, что экспорт капитала вовсе не результат перенакопления капитала, затруднительности для капитала получения «прибыльного» помещения в метрополии вследствие низкого жизненного уровня масс, отсталости земледелия, а результат недостатка капитала, прибавочной стоимости.

У Маркса экспорт капитала обусловлен перенакоплением капитала в данной стране, противоречиями, создаваемыми понижением нормы прибыли.

«Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, чтобы он абсолютно не мог найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли. Но такой капитал, абсолютно избыточный капитал, для занятого рабочего населения и для данной страны вообще». (Капитал, т. III, ч. I, стр. 237—238. Курсив мой.—*М. Р.*).

У Гроссмана экспорт капитала обусловлен нехваткой прибавочной стоимости в данной стране, в метрополии, и стремлением получить дополнительную массу прибавочной стоимости для поддержания прежнего темпа накопления. Его об'яснение как раз противоположно об'яснению Маркса. Противоречия, ведущие к экспорту капитала, Гроссманом совершенно вычеркнуты.

Почему экспорт капитала — специфический признак империализма — Гроссман так и не доказал. Если экспорт капитала — результат пресловутого недостатка прибавочной стоимости, то он должен быть присущ одинаково как промышленному, так и монополистическому капитализму. Вместо научного об'яснения, которое обещал дать Гроссман, получилось непонимание специфических особенностей империализма.

В противоположность Гроссману Ленин как раз и показывает, почему экспорт капитала характерен для империализма, почему при империализме обостряется перенакопление капитала в метрополии. Капитализму вообще присуща неравномерность развития отдельных отраслей промышленности и отдельных стран. Образование монополий в производстве обостряет эту неравномерность: трестированная тяжелая индустрия забирает часть прибылей у легкой и развивается быстрее. Более концентрированная промышленность обгоняет в своем развитии все более отстающее земледелие. Монополии ведут

к понижению зарплаты большинства рабочих, усиливают разорение крестьянства, подымают внутренние цены и одновременно увеличивают гигантски прибыли. Передовые капиталистические страны, эксплоатируют и грабят колониальные и полуколониальные страны. В итоге «возникает громадный «избыток капитала» в передовых странах» (Ленин). Этот «избыток капитала»—вовсе не обусловлен невозможностью реализации прибавочной стоимости в чистом капитализме (как думает, напр., Штернберг)... «Если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения...— тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. Но тогда капитализм не был бы капитализмом»... (Ленин).

Повышение жизненного уровня масс стоит в непримиримом противоречии с интересами прибыли. «...Избыток капитала обращается... на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны [1]). Итак, усиливаемое империализмом обострение противоречий между производством и потреблением, между промышленностью и земледелием, тяжелой и легкой промышленностью, метрополией и колониями—все это и обусловливает экспорт капитала.

Гроссман настолько усердно стремится доказать, что экспорт капитала обусловлен недостатком прибавочной стоимости, что отрицает всякое значение различия норм прибыли в отдельных странах. «Не высокая прибыль заграницей, но недостаток возможностей капиталовложения внутри страны (вследствие нехватки прибавочной стоимости. *М. Р.)* есть п о с л е д н я я п р и ч и н а э к с п о р т а к а п и т а л а» — заявляет Гроссман (с. 561). Такое противопоставление нормы прибыли избытку капитала неправильно, ибо более низкая норма прибыли обусловлена специфическими особенностями метрополии (высокий органический состав капитала, узкие границы спроса, относительный избыток капитала), а более высокая норма прибыли—специфическими особенностями колониальных и полуколониальных стран. Гроссман утверждает, что различие нормы прибыли между отдельными странами—выдумка, что оно не большее, чем внутри страны, что в колониальных странах органический состав капитала вовсе не ниже, а часто выше, чем в метрополии. Неравномерность развития, отсутствие действительной индустриализации в колониях, сознательная задержка развития индустрии в колониях империалистами — все это Гроссманом игнорируется.

Нельзя с в о д и т ь экспорт капитала только к различиям в норме прибыли (такая тенденция имеется у т. Бухарина и т. Марецкого). Надо об'яснить, чем обусловлены различия в норме прибыли, однако, отрицать такое различие в нормах прибыли, значит не видеть специфических особенностей колониальных и полуколониальных стран: высокой нормы эксплоатации (усиливаемой империалистами), тесно связанного с низкой зарплатой, низкого органического состава капитала, дешевизны сырых материалов, низкой цены земли и пр.

И в то же время нужно учитывать, почему норма прибыли ниже в метрополиях. Затушевывание различий между метрополией и колониями, непонимание неравномерности развития и противоречий между метрополией и колониями есть апологетика империализма. Такой же апологетикой является утверждение Гроссмана, что экспорт капитала отсрочивает крах капитализма, давая ему отдышаться от всех неудобств, создаваемых нехваткой прибавочной стоимости. На самом деле экспорт капитала у с и л и в а е т противоречия капитализма. Усиливается неравномерность развития (Америка, выстроив ж.-д. сеть и часть промышленности за счет английских капиталов, стала обгонять Англию). Усиливая промышленное развитие в колониях (однако, не всякое промышленное развитие есть индустриализация), экспорт капитала рождает там пролетариат, становящийся движущей силой освобождения колоний от ига империалистов. Наконец, экспорт капитала создает класс рантье, оторванный от производства, создает государство-рантье, «государство паразитического, загнивающего капитализма» (Ленин), а также увеличивает возможности подкупа некоторой части рабочего класса, при увеличении эксплоатации большинства его. Экспорт капитала, т. о. тесно связан с загниванием капитализма.

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 284—285.

О рантьерском перерождении отдельных стран говорят ярко такие, например, цифры: для 1911 г. доходы рантьеров и земледельцев составляли во Франции 10 миллиардов золотых франков при 11,8 миллионах доходов трудящихся в промышленности и сельском хозяйстве и 7 миллиардах прибыли капиталистов. В то же время прирост реального капитала составил с 1892 г. по 1912 г. около 20 млрд. франков, т.-е. составлял всего около 1 млрд. в год [1]).

Рантьерское перерождение ведет к все большему удельному весу дохода рантьеров в народном доходе; оно ведет к громадному росту непроизводительного потребления буржуазии и ее многочисленной челяди. По данным американского экономиста Чэйза, не меньше 15% народного дохода САСШ расходуется на предметы с в е р х р о с к о ш и.

Загнивание империализма на почве монополии, обострение проблемы рынка, рантьерское перерождение, рост милитаризма об'ясняют нам вместе с тем и причину уменьшения темпов роста производства в ряде капиталистических стран. Дело не в нехватке прибавочной стоимости, как думает Гроссман, а в обострении этих противоречий империализма.

В ряде стран империализм дает картину падения доли народного дохода, идущей в накопление. Так, по данным, приводимым С. Г. Струмилиным, во Франции в 1881 г. шло в накопление 11,7% народного дохода, в 1894 г.— 10,5%; в 1914 г.—лишь 8,8%. В Англии шло в накопление: в 1881 г.—16,1%, в 1894 г.—14,1%, а в 1914 г.—7% народного дохода. В Австро-Венгрии эта доля упала с 11,4% в 1881 г. до 8,7% в 1914 г., и т. д.

Для САСШ и Германии период 1880—1913 г. дает замедление роста продукции, хотя и в меньшей степени, чем в Англии и Франции. Однако, дело не только в замедлении темпа развития. Дело в н е р а в н о м е р н о с т и развития капитализма. Смена свободной конкуренции монополией, борьба монополии и конкуренции, экспорт капитала и паразитическое загнивание отдельных стран—все это обострило неравномерность развития при империализме. На основе перенятия новейших достижений техники, на основе монополии, на основе импорта капитала молодые страны капитализма (САСШ, Япония, Германия) стали обгонять страны старого капитализма. Приведем пару цифр, иллюстрирующих неравномерность развития:

С 1881 по 1894 гг. народное имущество увеличилось:

В САСШ на . . .	74%	В Франции на . .	20%
„ Италии „ . . .	35 „	„ Англии „ . .	35 „
„ Германии „ . . .	23 „	„ Австро-Венгрии „ . .	30 „
„ России „ . . .	49 „		

а во всех этих странах в среднем народное имущество за эти годы увеличилось на 40%.

С 1894 г. по 1914 г. народное имущество увеличилось:

В САСШ на	160%
„ России „	133 „
„ Германии на	98 „
„ Австро-Венгр. на . . .	34.5%
„ Великобрит. „ . . .	23%
„ Италии на	41,5 „
„ Франции на	24%

[1]) Wl. Woytinsky, Die Welt in Zahlen, B. I.

а в среднем в этих 7-ми странах народное имущество увеличилось с 1894 по 1914 гг. на 121%[1]). Мы видим, что отклонения от среднего темпа развития стали больше, неравномерность усилилась.

Темп роста народного дохода дает еще большие отклонения. Здесь загнивание капитализма дает себя особенно ярко знать. За последние 25 лет до войны замечается почти полная остановка роста, а то и падение душевого дохода (в неизменных ценах) в ряде капиталистических стран. По данным, приводимым Прокоповичем, годовой прирост дохода на душу составлял в САСШ за 1900—1913 г. всего 1,2%, в Пруссии с 1896 по 1913 г. этот прирост составлял только 0,2%, в Англии с 1895 г. по 1913 г. прироста душевого дохода вовсе не наблюдалось, а во Франции 1894—1911 годы дают даже среднегодовое падение душевого дохода в 0,8%.

Итак, наряду с загниванием неравномерность развития при империализме усиливается.

В обстановке, когда мир поделен, страны обгоняющие ставят вопрос о переделе мира (Германия до войны, Италия—теперь и т. д.). Передел же возможен лишь путем войны. В то же время обгоняемые империалистические государства стремятся разбить конкурентов заблаговременно (Англия в мировой войне против Германии). Отсюда неизбежность империалистических войн.

Как у Гроссмана исчезают противоречия империализма.

Все эти противоречия империализма смазываются совершенно Гроссманом. Возьмем для примера его отношение к паразитизму и загниванию современного империализма.

Для Гроссмана паразитарный характер современного империализма вовсе не представляется противоречием. Напротив. Экспорт капитала приносит добавочную стоимость, а благодаря ей отсрочиваются кризисы или крушение.

«Здесь, следовательно, скрытый корень капиталистического рантьерского государства, паразитического характера капитализма на далеко зашедшей ступени накопления»... «Паразитизм становится методом удлинения жизни капитализма» (Гроссман, стр. 269). Выходит, что наиболее паразитарно-рантьерское государство — капиталистическая Англия — имеет шансы наиболее длительного существования.

Неверность такого утверждения бьет прямо в глаза. Гроссман забывает, что те 2,5 миллиарда рублей, которые притекают ежегодно к миллионному рантьерскому слою Англии, вовсе не аккумулируются в народном хозяйстве Англии. Экспорт капитала продолжается, ведь, именно относительный избыток капитала внутри страны и вызывает его вывоз заграницу. Громадная часть полученных по вложенным заграницей процентов идет на индивидуальное потребление рантьерского класса и его многочисленной челяди. В итоге промышленность не получает достаточных вложений, значительная часть земли остается необработанной и пр. По существу, Гроссман признает тенденцию к стагнации лишь на словах. Уверяя, что паразитизм удлиняет существование капитализма, он вместе с тем тенденцию к техническому застою и загниванию, обусловленную монополией, не замечает вовсе.

Или монополия обуславливает стагнацию, тогда непонятна агрессивность капитала, или империализм агрессивен (а это факт), тогда монополия ни при чем — рассуждает Гроссман. Выкинув монополию, он не смог об'яснить и стагнацию. Что монополистический характер империализма обуславливает и стагнацию, и тенденции

[1]) Ср. С. Струмилин. Очерки советской экономики. Стр. 13.

к застою и загниванию, и одновременно и агрессивный его характер — это Гроссману и невдомек. Самый агрессивный характер империализма сводится Гроссманом лишь к погоне за сферами приложения капитала. Что мир поделен, что отдельные страны развиваются неравномерно и что отсюда вытекают неизбежно войны за передел мира — об этом Гроссман умалчивает. Империализм у него причесан в такую систему, гармоничность которой нарушается лишь одним неприятным обстоятельством — нехваткой прибавочной стоимости, что и создает стремление к заполучению таковой из «отсталых» стран — для обеспечения предписанного схемой темпа накопления. Этому служит и внешняя торговля, и экспорт капитала, и, наконец, этому служат — что бы вы думали — империалистические войны!

Гроссман выставляет тезис о том, что войны, в том числе и мировые, не только не грозят гибелью капитализму, но, наоборот, обеспечивают ему еще более длительное существование. Доказательство очень простое: ведь войны уничтожают, потребляют или обесценивают часть постоянного капитала, а это увеличивает отношение прибавочной стоимости к капиталу!

Гросман говорит об этом следующее:

> «Такое же, как уменьшение ценности постоянного капитала в результате технического прогресса действие на тенденцию крушения будет иметь также, если через войны, революции, длительное потребление (основного капитала. *М. Р.*), без одновременного воспроизводства и т. д. будет снашиваться или разрушаться производственный аппарат—не только по стоимости, но и в натуре». (Гроссман, с. 369).

Разрушения и обесценения, обусловленные войнами, ведут не к ускорению краха, а «гораздо скорее представляют средство ослабить грозящее крушение и доставить накоплению капитала свежий воздух... Так именно действовали прежде всего те колоссальные потери капитала и обесценения, которые явились результатом мировой войны». (Стр. 369). Итак, все к лучшему в этом лучшем из миров! Войны, но также и революции удлиняют жизнь капитализма. Чем больше разрушено, тем легче идет накопление и тем более долгие годы обеспечены капитализму. Чего доброго, и пролетарская революция лишь средство отдалить гибель капитализма. Насчет пролетарской революции Гроссман предпочитает отмалчиваться, так же, как он скромно воздерживается от оценки современного кризиса капитализма. Впрочем молчание знак согласия — согласия с тем, что капитализм вовсе не переживает кризиса, так как, согласно новой теории, мировая война способствовала лишь укреплению капитализма. Такова же функция и будущих войн. Что мировая война, отнюдь не являясь единственным условием пролетарской революции, обостряет, однако, гигантски противоречия классов, метрополий и колоний, расшатывает империализм и облегчает прорыв империалистического фронта пролетарской революцией в отдельных странах, что она обостряет весьма значительно опасность для буржуазии быть выбитой из седла — все это игнорируется, точнее отрицается теорией Гроссмана!

Здесь мы видим еще раз и особенно ярко насколько «схема» в буквальном смысле слова прикрывает у Гроссмана все противоречия капитализма.

Почему империализм обостряет противоречия капитализма — Гроссманом не показано. А между тем, «это обострение противоречий является самой могучей движущей силой исторической переходной эпохи» (Ленин) — эпохи империализма.

Действительный закон движения капитализма.

Теория крушения Гроссмана не имеет ничего общего с марксизмом. По замыслу она приближается к теории Розы Люксембург, пытавшейся

построить чисто экономический закон крушения капитализма — вследствие исчерпания некапиталистических рынков. Но тем самым крах капитализма отсрочился на неопределенно долгий период, все противоречия капитализма механистически сводились к невозможности реализации в чистом капитализме. Эта теория была использована для прикрытия оппортунизма, пассивности и фатализма рядом последователей теории Р. Люксембург — Тальгеймером и др.

Теория Гроссмана является об'ективно ревизионистской попыткой дать перспективу неизбежного в каком-то будущем и постепенного «отмирания» капитализма. Что бы там ни было, поучает новая теория, а капитализм в каком-то неопределенном будущем потерпит крушение из-за нехватки прибавочной стоимости, и это математически точно доказывает схема! Мы имеем перед собою типичную механистическую концепцию — сведения всех противоречий капитализма, всего многообразия качественных моментов к единому, количественному фактору — массе прибавочной стоимости.

Пока хватает прибавочной стоимости для поддержания прежнего темпа накопления, социальная революция невозможна — вот скрытый смысл новой теории. Коренная ошибка Гроссмана состоит в том, что он ищет некую формулу крушения, некий «чисто экономический» закон, который показал бы, что независимо от пролетарской революции должен произойти крах капитализма. И эту реформистскую, фаталистическую теорию, теорию, игнорирующую действенную роль революционного пролетариата, теорию, переносящую центр тяжести в сторону «автоматического», «естественного» хода событий, Гроссман выдает за подлинный марксизм!

Такая теория не имеет, конечно, ничего общего с революционной теорией Маркса. Маркс показал, что экономический закон движения капитализма подготовляет материальные предпосылки социализма, ухудшает положение пролетариата, увеличивает его возмущение, обостряет все более классовые противоречия и ведет неизбежно к восстанию пролетариата, к экспроприации экспроприаторов — к пролетарской революции.

«Монополия капитала, — говорит Маркс, — становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя лопается — бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». («Капитал», т. I, стр. 724).

Маркс работал не только над тем, чтобы научно вскрыть этот закон движения капитализма, но и над тем, чтобы поднять классовое сознание пролетариата, организовать революционный авангард, чтобы подготовить пролетариат к свержению капиталистического строя. О роли революционной партии пролетариата в деле подготовки и осуществления краха капитализма мы не находим у Гроссмана, конечно, ни слова. Ведь это вопросы политики, а политика не имеет никакого отношения к теории крушения. Хороша, однако, эта своеобразная теория, которая, напяливая на себя марксистский костюм, не хочет и знать о единстве революционной теории и революционной практики!

Ленин в статье «Карл Маркс» писал: «... неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм, идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров

и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма».

Но капитализм подготовляет не только материальную основу социализма. Он подготовляет и своего могильщика. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим выполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом», к диктатуре пролетариата (Ленин). Как раз по этому вопросу — о роли революционного пролетариата, «физического выполнителя» краха капитализма, о борьбе за диктатуру пролетариата мы не находим у Гроссмана ни слова. Он говорит, правда, о борьбе профсоюзов за увеличение зарплаты, и даже об обострении противоречий между капиталом и трудом на поздней стадии накопления (опять-таки в результате пресловутой нехватки прибавочной стоимости) (стр. 529). Гроссман уверяет также, что его теория не исключает классовой борьбы; классовая борьба может ускорить крах, если капиталистам не удастся снизить зарплату. Тогда не хватит прибавочной стоимости и произойдет крушение... Итак, Гроссман допускает классовую борьбу, лишь как борьбу за зарплату. Крах капитализма должен наступить и без классовой борьбы, но эта борьба — и то лишь в виде борьбы за повышение зарплаты — может ускорить крах.

Что только через пролетарскую революцию может совершиться крах капитализма и что закон движения капиталистической системы как раз и ведет к пролетарской революции — это Гроссману и невдомек. Наш новоявленный «марксист» и не догадывается, что для того, чтобы быть последователем Маркса, еще мало признавать классовую борьбу. Суть марксизма не просто в признании того, что существуют классы и идет классовая борьба; это признают и либералы. Суть марксизма в доказательстве того, «что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата», «что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет деления на классы» [1]).

Вот эта суть марксизма и выпала у Гроссмана, как и у всей современной социал-демократии (ср. открытую измену марксизму Каутского, заявившего, что не революционная диктатура пролетариата, а коалиционное правительство есть государственная форма переходного периода).

В то время, как правые социал-демократы вообще отвергают всякую возможность краха капитализма (Гильфердинг) и уверяют, что капитализм сейчас сильнее, чем когда-либо (Каутский), «левые» — их коллеги для удержания за социал-демократией масс готовы сохранить марксистскую фразеологию и даже подчас признавать неизбежность в каком-то неопределенном будущем «крушения» капитализма. Теория Гроссмана и выполняет такой социальный заказ — левой фразой усыплять революционность пролетариата.

Написав толстую книгу о крушении капитализма, Гроссман ухитрился ни словом не упомянуть о диктатуре пролетариата и о том большом опыте, который имеет пролетариат СССР в деле свержения капиталистического строя и строительства социалистического общества. Это лучше всего выдает антимарксистский, антиреволюционный характер его теории.

* * *

Итак, что же остается от гроссмановской теории крушения и накопления? Пока фактически Гроссман (как и Бауэр) свел все причины кризиса,

[1]) Маркс. Письмо к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г., см. К. Маркс и Фр. Энгельс. Письма, стр. 54.

как и все противоречия капитализма, к недостатку в каком-то будущем прибавочной стоимости для обеспечения прежнего темпа накопления.

Фактически теория Гроссмана смазывает и все противоречия капитализма. Всеобщие кризисы перепроизводства превратились у него в частичные кризисы недопроизводства, да и то необоснованные. Резервная армия испарилась вовсе, ибо по его теории резервная армия образуется лишь во время кризиса, а вместе с тем осталось необоснованным и ухудшение положения пролетариата. Противоположность производства и потребления отброшена и т. д. Одним словом, противоречие между производительными силами и капиталистической оболочкой, все более обостряющееся с развитием капитализма, не находит своего отражения в теории Гроссмана. Теория его носит поэтому апологетический характер.

Этот характер теории Гроссмана обусловлен прежде всего неверной методологией нашего «последователя» Маркса. Основной методологический грех в теории Гроссмана (как и у Бауэра), это «количественно-математический характер» его исследования. Капиталистическое общество рассматривается им не как единство противоположностей, находящееся в постоянном движении и изменении, а как равномерно развивающийся организм, находящийся постоянно из года в год в состоянии равновесия. Что равновесие является случайностью, что равновесие есть лишь момент движения, что закон стоимости, как и закон реализации, «осуществляется лишь путем неосуществления»,— обо всем этом Гроссман забывает совершенно. Иначе он не строил бы схемы на 36 лет и не приходил бы только на основании ее к крушению капитализма. Это «количественно-математический» метод повинен в фетишизме схемы у Гроссмана в том, что он так и не понял, что ни одна схема не может ни показать, ни доказать краха капитализма, или даже кризисов, а что крах капитализма осуществляет пролетарская революция.

По теории Гроссмана, мы можем приближаться в познанию мира явлений лишь ступенчато. «Для этой цели делаются многочисленные упрощающие предпосылки, которые позволяют нам познать об'ект познания в его основной структуре». Эти предпосылки, однако, по Гроссману, являются фиктивными и поэтому полученные знания могут иметь лишь временный характер — и нуждаются в исправлении (стр. VI). Таким образом, результаты есть лишь фикции и должны быть «каким-нибудь» образом приведены в созвучие с действительностью. По теории Гроссмана, такая категория как стоимость должна представляться фикцией, ибо она добыта путем применения абстрактного метода и к тому же проявляет свое регулирующее отношение через цены производства. Для него фиктивна и возможность реализации товаров внутри капитализма, которая выведена путем абстрагирования от внешнего рынка.

Не подлежит сомнению, что «ступенчатый метод познания» Гроссмана не имеет ничего общего с методом Маркса.

Составляя момент в диалектическом методе, абстракция у Маркса имеет целью отвлечь менее существенное, вскрыть за видимостью сущность, за колебаниями цен стоимость, за хаотическим движением товаров необходимость определенного соотношения между I и II подразделением и т. д. Стоимость, прибавочная стоимость, реализация внутри капитализма и т. д. вовсе не фикции и вовсе не являются лишь временными результатами исследования, нуждающимися в последующем исправлении. Если стомость проявляет свое регулирующее действие через цены производства, если прибавочная стоимость проявляется в виде предпринимательской прибыли, процента и земельной ренты, это не дает нам права об'являть стоимость или прибавочную стоимость фикцией.

Маркс отправляется от абстрактного к конкретному, опираясь на научно-познанные основные категории капитализма, являющиеся теоретическим выражением основных реальных отношений производства—от стоимости он идет к прибавочной стоимости, затем через прибыль к ценам производства и т. д. Тем самым Маркс дает научную теорию конкретного, воспроизводит конкретное путем мышления. Но само абстрактное не оторвано от конкретного, конкретное «является исходным пунктом в действительность» (Маркс).

Не то у Гроссмана. У него абстракция оторвана от конкретного. Она—фикция, она произвольна и ее как-то нужно еще приспособить к действительности, исправить. Эти фикции, которыми оперирует Гроссман, выдают с головой его агностицизм, его отказ от обоснования об'ективной неизбежности краха капитализма. В самом деле. Теория краха добыта Гроссманом, по его словам, чисто абстрактным путем. Именно поэтому этот добытый им результат есть для него лишь временный результат. На сцену выступают противодействующие факторы, которые превращают надвигающийся крах в преходящий кризис. В итоге, капитализм продолжает существовать и конец его отодвигается до «второго пришествия».

Механистический метод у Гроссмана сочетается со смазыванием противоречий капитализма, с отсутствием увязки краха капитализма с диктатурой пролетариата, с извращением марксовой диалектики с тонко прикрытым идеализмом.

П. Миф.

Кризис китайской реакции и новый революционный под'ем.

За истекшие три года освободительная борьба в Китае прошла через самую трудную полосу. Это были тяжелые годы разгрома пролетарских организаций, годы жесточайшего террора китайской контрреволюции, неистовства международного империализма, вымещавшего трудящимся массам за все треволнения недавнего революционного шквала. Это были годы бешеного наступления капиталистов на нищенский и до того жизненный уровень рабочего класса, годы карательных экспедиций, непосильных податей и прогрессирующего разорения крестьянских масс. Это были годы физического истребления рабочих вожаков, годы частичного разброда и дезертирства (особенно вначале) в рядах китайской коммунистической партии.

Но рабочий класс и крестьянство Китая выдержали удары реакции. Оправилась и киткомпартия. На все более организованный отпор с их стороны натыкается китайская контрреволюция. Растет рабочее движение, втягивающее в свой круговорот все более широкие массы. Отдельные мелкие потоки, по которым шло вначале рабочее движение, сливаются сейчас во все более многоводные ручьи. Наряду с этим все более мощный размах приобретает крестьянская борьба. Все это происходит на фоне усиливающегося развала в лагере китайской контрреволюции.

Еще недавно правые оппортунисты писали — вслед за советниками американского империализма — о капиталистической «стабилизации» Китая. Правые деколонизаторы после VI конгресса усиленно расписывали картину мирной деколонизации и индустриализации колоний и полуколоний империализма. Пеппер, Ловстон усиленно кричали о расширении колониальных рынков, о «расширении базы капитализма». Брандлер, Рой, Ловстон и сейчас на все лады расписывают «здоровый капитализм», о кризисе которого может говорить лишь Коминтерн в целях сохранения «сталинского режима» и т. д.

Но и «левый» контрреволюционер Троцкий очень быстро разоблачил себя, присоединившись открыто к праволиквидаторскому гимну. И правые имеют полный резон, когда ставят вопрос о «пересмотре взглядов и тактики» в отношении Троцкого и троцкистов. Международный «августовский» явно контрреволюционный блок правых и троцкистов — несомненный факт. Но как жалки «армии» этого блока.

Неудержимо нарастает новый под'ем революции, новый под'ем, вдребезги разбивающий правооппортунистические и троцкистские ликвидаторские пророчества.

Еще не так давно Троцкий писал о «стабилизации буржуазного режима» в Китае. Это ему принадлежат слова о том, что «превращение революционной ситуации в буржуазную стабилизацию не только не «невозможно», но совершенно **неизбежно** (подчеркнуто Троцким). Более того, оно совершается, оно в известных пределах уже произошло». Это он в том же пасквиле от 4 октября 1928 года писал, что:

«Нужно ясно понять, что революционной ситуации в Китае сейчас нет. Она сменилась контрреволюционной ситуацией, которая переходит в межреволюционный период **неопределенной длительности**... Нужно считаться и сообразовываться с тем, что именно в Китае **революция отодвинута сейчас в неопределенное будущее**».

Троцкому вторил правый Чень Ду-сю о том, что китайский капитализм стабилизировался и что он «**сможет в ближайшем будущем развиваться гигантскими шагами**». Оба они в один голос вещали о длительном и прочном торжестве китайской реакции, об отсутствии каких-либо симптомов или признаков нового революционного под'ема. Оба они отодвигали революционый под'ем в неведомую даль. Чень Ду-сю в полном соответствии со всей троцкистской установкой — и общей установкой международных правых — в последних своих творениях заявлял о том, что современная борьба китайских рабочих носит оборонительный характер и является «полной противоположностью революционному под'ему». Именно он поучал, что «революционного под'ема сейчас быть не может» и что всякие разговоры о его симптомах являются чистейшим путчизмом.

События последнего времени в Китае, весь ход освободительной борьбы до конца разоблачают ликвидаторство правых и троцкистской платформы и целиком подтверждают правильность коминтерновских решений, устанавливавших неизбежность нового революционного под'ема в Китае. **Не правооппортунистические, не троцкистские, а коминтерновские прогнозы претворяются в жизнь.**

Неудержимо нарастающий новый под'ем революции не является чем-то неожиданным и случайным. Изо дня в день он подготовлялся в течение этих трех лет. И всей своей практикой китайская реакция не мало послужила в деле его ускорения. В этом не трудно убедиться даже при кратком ознакомлении с итогами трехгодичной реакции, даже при беглом освещении современного экономического и политического положения в Китае.

Начнем с **сельского хозяйства**, играющего доминирующую роль в этой стране. Удалось ли господствующему контрреволюционному блоку хоть сколько-нибудь ослабить хронический кризис сельского хозяйства и смягчить противоречия в китайской деревне? Нет, ни в какой мере. Напротив, китайская реакция углубила и обострила эти противоречия. Усилилось хищническое ограбление крестьян помещиками и ростовщиками. В результате непрекращающихся милитаристических войн увеличилось налоговое бремя и всевозможные поборы, подрывающие производительные силы сельского хозяйства и предопределяющие все большую пауперизацию крестьянских масс. Ирригационные (оросительные) сооружения подвергаются все большему разрушению. Непрерывно ухудшается положение основных масс крестьянства. Недороды и связанные с ними голодовки захватывают все новые и новые территории, все новые и новые миллионы крестьянских дворов. Таков «красочный» итог аграрной «политики» буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Об этом итоге можно судить по количеству голодающих в Китае. Так, по данным комитетов помощи голодающим в Китае последних насчитывалось:

в 1927 г.	— 9	миллионов человек;
» 1928 г.	— 27	» »
» 1929 г.	— 57	» »

Десятки миллионов крестьян обречены на голодное вымирание. В провинциях, затронутых недородом, людоедство, продажа жен и детей стали заурядными явлениями. Иностранные корреспонденты, об'езжающие эти провинции, сообщают, что голодающие едят конский помет, дерутся из-за человеческих трупов, выкапывают и варят старые кости. По разным провинциям бродят голодные толпы крестьян, устилающие дороги своими усохшими трупами.

Каковы же перспективы перед китайским сельским хозяйством? Китайская буржуазная пресса возлагала большие упования на у р о ж а й 1929 г. Сведения, которыми мы располагаем, не подтверждают этих надежд. Оно и понятно. Даже при благоприятных природных условиях, которыми характеризовался 1929 г., сказался недостаток семенных материалов у крестьян, сказалось неизбежное сокращение посевных площадей, происходящие в результате усиленного разрушения производительных сил китайского сельского хозяйства. «Чайниз Экономик Бюллетень» опубликовал следующую таблицу о состоянии урожая в Китае в 1929 г.

Сбор хлебов в Китае по 22 провинциям
(в %% к нормальному сбору).

Название провинций	Летний сбор		Осенний сбор		
	Пшеница	Ячмень	Рис	Бобы	Маис
	в процентах				
Хэйлуньцзян	99,8	89,1	84,8	84,3	—
Гирин	99,8	60,6	100,2	96,7	99,9
Ляонин	104,3	100,8	97,5	103,8	94,6
Чахар	85,0	100,3	—	42,1	54,9
Сучюань	104,5	—	—	—	80,0
Шэньси	55,1	44,5	—	—	48,2
Шаньси	83,9	79,0	79,1	93,6	90,5
Хэбэй	81,2	97,6	81,2	107,4	99,6
Шаньдун	79,6	85,7	—	114,6	83,7
Хунань	38,6	28,2	—	—	100,1
Цзянсу	57,1	81,8	98,1	87,9	—
Аньхуй	76,0	73,6	105,3	95,5	—
Чжецзян	82,2	100,0	40,4	53,8	54,2
Хубей	89,1	96,6	77,0	74,7	79,7
Хэнань	100,0	—	91,5	100,0	—
Цзянси	123,6	88,1	55,1	89,6	—
Сычуань	100,0	—	89,9	74,0	—
Юньнань	88,0	—	72,2	85,9	87,3
Гуйчжоу	100,0	—	91,5	100,0	—
Фуцзянь	124,0	28,2	60,0	105,0	—
Гуандун	—	—	72,0	76,4	—
Гу нси	—	—	65,9	96,2	85,0
Средний % по всем провинциям	80,8	79,2	57,9	99,7	98,9

Эти цифры заслуживают внимания. По всему Китаю в 1929 г. было собрано 57,9% риса, 79,2% ячменя, 80% пшеницы. И это по отношению к так называемому нормальному урожаю, при котором далеко не все крестьянство обеспечивало себе мало-мальски сносное существование, далеко не все выбивались за голодную черту. Конечно, урожай 1929 г. не внес какого-либо улучшения в положение основных масс крестьянства. Если исключить 3 манчжурские провинции, то в остальных положение явно неблагополучное. И хуже всего в провинции Шаньси, где собрано всего 55,1% пшеницы, 44,5% ячменя, 48,2% маиса; в Хунани, где урожай пшеницы составил лишь 38,6%, ячменя 28,2% по отношению к так называемым нормальным годам. К этому следует добавить, что перспективы весеннего урожая 1930 г. в связи с резким сокращением посевных площадей еще более неблагоприятны.

Мы не станем приводить подробных цифр насчет упадка технических культур и возрастающего ввоза в Китай продуктов питания. Известно, что мировой аграрный кризис весьма чувствительно ударяет по сельскохозяйственой экономике Китая. Укажем, что цены на китайский шелковый сырец, составляющий 20% экспорта Китая, упали с 6 долл. 35 центов за 1 англ. фунт в 1926 г. до 4 долл. 80 центов в 1929 г. То же самое с китайским экспортным чаем. С 29,6 центов за фунт китайского чая в 1926 г. цена упала до 18,4 цента в 1929 г. Одновременно увеличился ввоз в Китай пшеницы и муки. С 13,23 млн. бушелей в 1926—27 г. он поднялся до 37,24 млн. бушелей в 1928—29 г.[1]). Все эти цифры достаточно ярко характеризуют современное положение сельского хозяйства. Они красноречиво свидетельствуют об углубляющемся кризисе сельского хозяйства в Китае, о процессе прогрессирующего обнищания основных масс крестьянства.

Понятно, что китайская контрреволюция не смогла задержать эти процессы. Она оказалась не в состоянии хоть сколько-нибудь ослабить переживаемый сельским хозяйством кризис. Решение этого вопроса упиралось и упирается в необходимость полной ликвидации всякого рода остатков и пережитков феодальных отношений, густой сетью опутывающих сейчас китайскую деревню. Но этот путь для китайской реакции был закрыт. Буржуазно-помещичий блок в лице нанкинского правительства за истекшие три года доказал свою неспособность и нежелание даже половинчатого, частичного разрешения аграрного вопроса. В деле под'ема производительных сил сельского хозяйства китайская реакция оказалась, как и следовало ожидать, полным банкротом.

Одно время, правда, нанкинское правительство не скупилось на широковещательные обещания улучшить положение крестьянских масс. Намечалось вначале в виде опыта в провинции Чжецзян снижение на 25% арендной платы. Разрабатывались проекты переселения больших масс крестьянства и колонизации окраин. Возникали сказочные планы постройки новых каналов и оросительных сооружений. Создана была даже специальная комиссия под председательством Ху Хан-мина для разработки аграрных реформ. Но все это было блефом. Снижение арендной платы было отменено. Гоминдан испугался, что «помещик очутится в критическом положении», а, с другой стороны, что снижение послужит «поводом к разжиганию новых конфликтов между помещиками и арендаторами». Чжецзянский опыт был похоронен, так как (как цинично говорилось в резолюции ЦК Гоминдана) «такая серьезная мера, как снижение арендной платы на 25%, требует длительной подготовки в административном отношении — в области самоуправления — и точного, продуманного плана выполнения». Остальные проекты постигла та же участь. Не был обнародован хуханминовский земельный закон, хотя он никаких улучшений не сулил крестьянам. На бумаге остались и другие прожекты. Господствующий блок всеми своими экономическими интересами был прикован к помещичьему землевладению. Отсюда полная бесплодность всех его попыток (жалких к тому же) смягчить положение крестьян, удержать продолжающийся распад китайского сельского хозяйства.

В этом отношении интересна параллель с аграрной политикой русского самодержавия в годы реакции. Известно, что столыпинщина не устранила, а углубила кризис русского сельского хозяйства, делая ставку на кулака при сохранении помещичьего землевладения, она увеличила гнет латифундий, ухудшила положение основных масс крестьянства, усилила их недовольство. Известно, что «единственным вполне реальным результатом» столыпинщины была гололодовка 30-ти млн. человек. Но столыпинщина открывала «последний клапан», какой только имелся в руках помещичьего самодержавия, давала некоторую «отсрочку» старому порядку и старому крепостническому земледелию. Характерно, что даже такого рода клапана не оказалось в распоряжении китайского буржуазно-помещичьего контрреволюционного блока. На голодное вымирание обрекает он миллионные массы крестьян. А этот голод не может не революционизировать широкие крестьянские массы.

[1]) По материалам Научно-исследовательского института по Китаю.

Вспомним, что говорил Ленин по поводу голода в 1912 году в России.

«Голод погубит миллионы жизней, но он погубит также остатки дикой, варварской, рабьей веры в царя, мешающей понять необходимость и неизбежность революционной борьбы против царской монархии, против помещиков. Только в уничтожении помещичьего землевладения могут найти крестьяне выход. Только в свержении царской монархии, этого оплота помещиков, лежит выход к сколько-нибудь человеческой жизни, к избавлению от голодовок, от беспросветной нищеты» [1]).

Политика китайской реакции не может не толкать миллионные массы крестьян на борьбу против международного империализма, против феодалов-милитаристов, на борьбу за ликвидацию империалистического гнета и помещичьего землевладения, на борьбу против гоминдановской контрреволюции.

* * *

Переходим к обзору положения китайской промышленности. В течение этих трех лет она не выходила из состояния глубокой депрессии. Раньше всего кризисное положение сохранялось в тяжелой промышленности. Из года в год сокращалась добыча каменного угля и железной руды. Резкое снижение давала выплавка стали. Но еще безотраднее положение в других отраслях. Закрылись почти все предприятия мукомольной промышленности в Тяньцзине и ⅔ их в Шанхае. Углубляется кризис китайской шелковой промышленности. К концу 1929 г. в Шанхае прекратили работу все 106 шелко-мотальных фабрик. В начале 1930 г. только 50 из них возобновили свою деятельность, но без каких-либо перспектив на продолжительную и сколько-нибудь нормальную нагрузку. В полосу тяжелой депрессии попала и кожевенная промышленность. Развитие хлопчатобумажной промышленности, намечавшееся в 1928 г. и создававшее картину частичного экономического оживления, сменилось сейчас кризисным положением и в этой отрасли. Китайские хлопчатобумажные предприятия стоят перед угрозой закрытия или перехода в руки иностранного капитала. За последние месяцы шведский спичечный синдикат заставил ликвидироваться почти все китайские спичечные предприятия. Наконец, кризис захватил и китайскую табачную промышленность. Еще недавно эта отрасль была наиболее здоровой и давала самые благоприятные показатели. Но за последнее время, в первую очередь под давлением иностранной конкуренции, вынуждены были закрыться десятки китайских табачных и сигаретных фабрик, в том числе 12 больших предприятий в Шанхае. Прекратили работу все предприятия таких крупнейших китайских фирм, как «Бр. Наньян» и «Чжан Син».

Развал железнодорожного и водного транспорта дополняет картину теперешнего положения китайской экономики. Уже в течение последних 10 лет ничего не предпринималось для обновления основного капитала железных дорог. Для восстановления транспорта нужны огромные средства, которые, конечно, милитаристы и не думают ассигновывать. Напротив, они угоняют и разрушают подвижной состав, прекращают в связи с бесконечными переброcками войск пассажирское и товарное движение, продолжают подрывать железно-дорожный транспорт. Китайское судоходство находится не в лучшем положении. Оно не успело оправиться от последствий всевозможных реквизиций судов для военных нужд, а сейчас в дополнение к тому на нем сказывается и общий кризис китайской экономики. Сокращаются импортно-экспортные операции, а вместе с этим растет количество бездействующих судов.

«В конце января в шанхайском порту скопилось свыше 80-ти коммерческих судов, стоящих без дела. Общий тоннаж бездействующих судов достигает 160.[illegible] тонн» [2]).

---

[1]) Ленин, т. XII, ч. 1, стр. 54

[2]) Цитирую по «Бюллетеню» Н.-И. И. по Китаю, № 4 за 1930 г.

Но Китай—страна, которая переживает сейчас всесторонний экономический кризис. Аграрный и промышленный кризис дополняется торговым, валютным и финансовым. 23 декабря 1929 г. Шанхай пережил острый биржевой кризис. В этот день из рук в руки перешло акций на 10 млн. фунтов стерлингов. Бешеная спекуляция акциями причинила в этот день убытков на 7,6 млн. таэлей, разорив массу мелких держателей акций. Этот биржевой крах, стоящий в прямой связи с американским кризисом, внес еще большую дезорганизацию в хозяйственную жизнь Китая.

На ряду с этим на китайскую экономику сугубо неблагоприятное влияние оказывает падение мировых цен на серебро. Приведем следующие данные:

Цена серебра на лондонском рынке за 1 унцию.

Год	Цена за унцию		Год		Цена за унцию	
1920	$61^{9}/_{16}$	пэнса	1927		26	пэнса
1921	$36^{7}/_{8}$	"	1928		$26^{7}/_{8}$	"
1922	$34^{7}/_{16}$	"	1929		$24^{3}/_{4}$	"
1923	$31^{15}/_{16}$	"	1930	4 января	$21^{5}/_{8}$	"
1924	34	"	1930	6 января	$20^{15}/_{16}$	"
1925	$32^{1}/_{8}$	"	1930	22 феврал.	$19^{15}/_{16}$	"
1926	$28^{11}/_{16}$	"	1930	20 марта	19	"

В результате падения цен на серебро обесцениваются государственные фонды, сокращается импорт товаров, повышаются цены на фабричное сырье, банкротирует целый ряд предприятий, дорожают продукты питания и автоматически возрастает государственная задолженность. В течение только 1929 г. китайское правительство в погашение внешних займов вынуждено было уплатить в результате падения курса на 10 млн. таэлей больше, чем это следовало. Нет нужды говорить, что падение цен на серебро чрезвычайно осложняет всю экономическую жизнь Китая.

Кризисное положение китайской туземной промышленности протекает наряду с усилением позиций иностранного капитала. За эти три года не только не происходила индустриализация Китая, а, наоборот, все больше денационализировался китайский промышленный капитал. Иностранные магнаты нисколько не уступили, не сдали своих позиций туземной буржуазии, а, напротив, приумножили их за счет национального капитала. Так, в угольной промышленности, в которой 54% в 1923 г. принадлежало иностранному капиталу, в 1928 г. уже 72% контролируется иностранным капиталом. В металлургии с 70% в 1923 г. иностранный капитал увеличил свою долю до 90% в 1928 г. Та же картина и в текстильной промышленности. В 1922 г. китайскому капиталу принадлежало 13.000 станков, а иностранному — 8.000. В 1928 г. иностранному капиталу принадлежало уже ровно вдвое—16.000 станков. В течение 1929 г. продолжался процесс перехода китайских текстильных предприятий в руки, главным образом, японского капитала. За один 1929 г. японские хлопчатобумажные предприятия в Китае увеличили количество своих веретен за счет туземной промышленности на 117.000. Китайские спичечные фабрики уступили свое место предприятиям шведско-японского об'единения. Наконец, на ряду с банкротством крупнейших китайских табачных фабрик, работают с увеличенной нагрузкой и дали большие прибыли предприятия «Англо-Американской табачной К°».

Перед лицом всех этих фактов пыталась ли китайская реакция облегчить положение китайской промышленности? Нет. В результате всех своих мероприятий буржуазно-помещичий блок углублял экономический кризис и лишал китайский туземный капитал возможности хоть сколько-нибудь успешно конкурировать с иностранным капиталом. Приведем несколько примеров. Известно, что ликинные (транзитные) сборы ложились тяжелым бременем на трудящиеся массы, а, с другой стороны, подрывали позиции туземной

промышленности. С целью улучшения условий внутренней торговли нанкинское правительство ликвидировало ликин. Но взамен его ввело новый «налог на потребление», больше чем вдвое превысивший прежние ликинные ставки. Этим нанкинское правительство повысило несколько свои доходы, но внесло еще большее расстройство во внутреннюю торговлю и ослабило конкурентноспособность туземной промышленности в отношении к иностранным товарам, которые не подлежат никаким внутренним обложениям.

Но, может быть, китайская реакция добилась *таможенной автономии*, чтоб с помощью ее противодействовать ввозу иностранных изделий и расширить, таким образом, за их счет внутренний рынок для туземной промышленности? Нет, и в этом направлении китайская реакция не может похвалиться своими достижениями. В начале 1928 г. нанкинцы добились пересмотра таможенных ставок; но новое тарифное соглашение вовсе не преследовало своей целью ограждение молодой китайской промышленности от конкуренции иностранных товаров. Ни в какой мере оно не удовлетворяло потребностям развития национальной промышленности. Новое соглашение не повышало сколько-нибудь значительно ввозных пошлин на хлопчатобумажные изделия, хлопчатобумажную пряжу, цемент, уголь, бумагу, спички и т. д. Этот новый тариф давал лишь некоторое увеличение ежегодных доходов нанкинскаго правительства, но он не дал никаких преимуществ китайской национальной промышленности.

Никаких сколько-нибудь существенных результатов не достигла китайская реакция и в вопросах *взимоотношений с империалистическими державами*, в вопросах пересмотра неравноправных договоров и ликвидации империалистических привилегий. Поражение китайской революции международный империализм использовал в своих интересах. Он не ослабил, а усилил порабощение Китая. Дважды иностранные державы заявили о решительном отказе пересматривать неравноправные договоры и отменить принцип экстерриториальности иностранцев в Китае. Но мало того, иностранный капитал отказался и от предоставления кредитов, которые могли бы облегчить положение китайской экономики. Жизнь разбила национал-реформистские иллюзорные расчеты на то, что международный империализм пойдет навстречу национальной независимости Китая, что он поможет буржуазно-помещичьему блоку распутать клубок противоречий, что он поможет Китаю выбиться на широкую дорогу самостоятельного развития.

Нанкинское правительство *не разрешило* и другой важнейшей задачи—*задачи об'единения страны*. Не удалось Гоминдану покончить с экономической раздробленностью страны и добиться установления подлинного государственного единства. Об'единение страны осталось фикцией. Фактическая власть сохранилась в руках отдельных милитаристов, ни в чем не отличающихся от прежних дудзюнов и не позволяющих центральному правительству вмешиваться в дела своих вотчин. Вместе с этим осталась неразрешенной задача организации и упорядочения внутреннего рынка. Полное банкротство нанкинского правительства в деле об'единения страны также не является чем-то неожиданным. Установление государственного единства и достижение самостоятельности Китая предполагают уничтожение империалистической кабалы и полную ликвидацию полуфеодальных отношений, служащих питательной средой для китайского милитаризма. Понятно, что эта задача, решить которую может лишь победоносная рабоче-крестьянская революция, оказалась совершенно не под силу контрреволюционному буржуазно-помещичьему блоку.

На ряду с этим *потерпели крах жалкие попытки нанкинцев упорядочить финансы*. Полнейший хаос в финансовом положении страны констатируется решительно всеми. С большим трудом вы-

калачиваемые средства целиком поглощаются на милитаристические цели. При этом буржуазно-помещичья реакция не сулит в перспективе никаких сокращений военных расходов, не сулит прекращения милитаристических войн. Эти войны на протяжении всех трех лет китайской реакции не прерывались фактически ни на один день. Уже после занятия Пекина и, казалось, достигнутого внутреннего мира милитаристические войны продолжали потрясать экономическую и политическую жизнь Китая. В марте и апреле 1929 г. разыгралась борьба между гуансийцами и нанкинцами. В сентябре против Нанкина выступил Чжан Фа-гуй, несколько позже блокировавшийся с остатками гуансийских частей. В октябре—ноябре начался первый тур военных действий между Фын Юй-сяном и Чан Кай-ши. К декабрю того же года против Нанкина восстали две дивизии Ши Ю-сяна и части Тан Ше-джи. А теперь Нанкин ввязался в борьбу с Ен Си-шаном и Фын Юй-сяном, которые сколотили так называемый «северный блок 57 генералов». Если раньше в начале 1929 г. военные действия между нанкинцами и гуансийцами происходили преимущественно у границ провинции Гуанси, то теперь фронт внутренней милитаристической войны широкой дугой растянулся на весь Китай. Северный блок сформировал уже и свое самостоятельное правительство в Пейпине. Вместо внутреннего мира — непрекращающиеся милитаристические войны, вконец разоряющие народное хозяйство — таковы итоги гоминдановской реакции. Эта растущая междуусобица, в свою очередь, является ярким показателем *кризиса китайской контрреволюции*.

Об этом кризисе свидетельствует еще и самый факт раскола Гоминдана. Мы имеем в виду организацию новой политической партии в Китае, так называемую партию «реорганизационистов», во главе которой стоят бывшие левые гоминдановцы Ван Ти-вей и Чен Гу-по. О контрреволюционности этой партии говорить не приходится. Лидеры ее целиком солидаризировались с палачами Кантонской Коммуны; в момент конфликта на КВжд они вели бешеную травлю СССР, а сейчас они охотно согласились служить ширмой для блока северных милитаристов. Нас эта партия интересует с другой стороны. Она отражает настроения средних слоев китайской буржуазии и средних помещиков, видящих неспособность правящего Гоминдана справиться с рабочим и крестьянским движением и разуверившихся в том, что Нанкину удастся совладать с нарастающим под'емом революции. Реорганизационисты становятся в оппозицию к Нанкину и дешевой социальной демагогией пытаются дезориентировать растущее освободительное движение, парализовать его. Появление реорганизационистов есть не что иное, как попытка китайской буржуазии спасти китайскую контрреволюцию от надвигающегося революционного шквала. Вместе с тем появление их на политической арене Китая—серьезнейший симптом неблагополучия в лагере китайской реакции.

В ускорении развала китайской реакции не малую роль сыграл конфликт на КВжд. Кончившаяся полным крахом авантюра китайских милитаристов не только углубила кризисное положение китайского хозяйства, не только способствовала обострению противоречий между отдельными милитаристами, но она послужила также и в деле дальнейшего оживления рабочего движения в Китае. Китайский рабочий правильно усмотрел в империалистических планах вооруженного нападения на СССР смертельную опасность своей освободительной борьбе. Конфликт пробудил повышенную активность рабочих и красных партизан. Прокатилась добавочная волна стачек и уличных демонстраций. Партизаны получили силу к переходу в ряде мест в наступление. Еще сильнее затрещала китайская контрреволюция.

Таковы, в общем, *итоги трехгодичной китайской реакции*. Неудача и провал сопутствовали ей по пятам во всей ее внутренней и внешней политике. *Буржуазно-помещичьему блоку не удалось*

ни разрешить, ни даже ослабить ни одного из противоречий, породивших китайскую революцию. Напротив, реакция придала этим противоречиям еще более серьезный характер. Страна не об'единена. Сохранилась и усилилась экономическая раздробленность Китая. Ни в малейшей степени не подорваны силы китайского милитаризма. Возросла генеральская междуусобица. Ни на иоту не решен аграрный вопрос. Международный империализм не сдал, а закрепил свои привилегии и упрочил свое господство. Углубился общеэкономический и политический кризис в стране.

Реакция накалила и подготовила почву для нового под'ема революционной волны. Она еще сильнее запутала узлы противоречий, которые могут быть разрублены лишь революционным путем. В связи с этим особенное значение приобретает вопрос об организации борьбы рабочих и крестьянских масс. Какова сила их движения? Какова степень их организованности? Какова мощность их натиска? Пробуждаются ли они к политической борьбе с гоминдановской контрреволюцией? Освещением этих вопросов мы сейчас и займемся.

* * *

Какова картина рабочего движения в Китае? Торжество китайской реакции, ознаменовавшееся бешеным террором и разгромом пролетарских организаций не могло не привести вначале *рабочее движение* к состоянию известной депрессии. Но все же даже в этот период, непосредственно последовавший за поражением китайской революции, рабочее движение не замерло и не прекратилось. В самые черные дни разгула реакции китайский пролетариат выливал свое недовольство в стихийных неоформленных стачках, оказывая упорное сопротивление наступавшему иностранному и туземному капиталу. Но уже в 1928 г. наметился перелом в рабочем движении. Свыше 250.000 рабочих бастовало в Шанхае, а общее количество участвовавших в стачках в этом году по всему Китаю достигло 400.000 человек. Рабочее движение вошло в полосу заметного оживления.

Несмотря на истребительный террор озверевшей реакции, стачечная волна продолжала повышаться и в следующем 1929 году. По самому грубому подсчету, по всему Китаю насчитывалось уже около 750.000 стачечников. При этом борьба рабочих приобретала все более упорный и организованный характер. *Новый под'ем рабочего движения стал бесспорным фактом.*

Нет ничего удивительного в этом быстром нарастании стачечной борьбы в Китае. Положение рабочих всегда было там чрезвычайно тяжелое и невыносимое. Гоминдановская контрреволюция не мало постаралась, чтоб его еще ухудшить. Все завоевания китайских пролетариев, достигнутые в предыдущий революционный период, были ликвидированы. Были разогнаны революционные профсоюзы, аннулированы коллективные договора, отменены дни отдыха, отпуска, отняты все улучшения в условиях труда, в том числе все улучшения в обращении с рабочими заводской администрации. Там, где рабочие добились сокращения рабочего дня, капиталисты восстановили прежние условия. Мало того, они повели организованный поход на заработную плату, пользуясь прямой вооруженной поддержкой правительственных органов. Характерны в этом отношении следующие факты. В Кантоне после подавления декабрьского восстания была снижена номинальная зарплата у портовых рабочих и рабочих маслобойной промышленности на 40%, у печатников на 33%, у строителей на 25% и т. д. То же самое происходило в Ухане, Шанхае и в др. промышленных центрах И это снижение номинальной заработной платы проводилось в условиях беспрерывного повышения цен на предметы первой необходимости, в условиях резкого понижения прожиточного минимума. Трудно исчислить движение реальной заработной платы, но и без этих точных подсчетов ясно, что китайская реакция оказала разрушительное влияние на положение рабочего класса. Отсюда и все возрастающее недовольство рабочих масс, все более упорный, продолжительный и все более массовый характер их экономических боев.

В процессе забастовочного движения рабочие вынуждены были переплетать экономические требования с политическими, от экономических боев переходить к политическим. В борьбе с рабочим движением гоминдановская контрреволюция стоит на страже интересов иностранного и туземного капитала. Она старательно охраняет от всяких посягательств империалистический гнет и капиталистическую эксплоатацию. И при возникающих стачках весь правительственный механизм она приводит в движение для подавления выступлений рабочих масс. Последние логикой борьбы вынуждены ополчаться против правящего буржуазно-помещичьего блока.

Все новые и новые отряды рабочих втягиваются в политическую борьбу с гоминдановской реакцией. Уже 1929 год ознаменовался целым рядом мощных уличных демонстраций китайского пролетариата. Так, 30 мая в 4-ю годовщину знаменитых шанхайских расстрелов, 30-тысячная демонстрация шанхайских рабочих и студентов разгромила редакции двух гоминдановских газет, приостановив на многих улицах трамвайное и автобусное движение. Затем несколько демонстраций с лозунгами защиты СССР состоялись в связи с конфликтом на КВжд. Мощными уличными выступлениями отметил китайский пролетариат международный красный и юношеский день. Прокатилась волна демонстраций 6 и 8 марта 1930 г. Все эти демонстрации шли под лозунгами революционной борьбы с международным империализмом, под лозунгами свержения гоминдановской реакционной власти.

В ногу с оживающим рабочим движением *оправляются и красные профессиональные союзы.* По последним данным, они насчитывают сейчас 60.000 членов. Влияние их растет наряду с упадком влияния желтых и гоминдановских профсоюзов. Все чаще красным союзам удается возглавлять и организовывать стачечную борьбу. Они прокладывают себе путь в самые толщи китайского пролетариата. Это позволяет им ставить своей задачей максимальную координацию рабочих выступлений, задачу под'ема рабочего движения в целом на более высокую ступень, задачу подготовке всеобщей политической забастовки во всех или в ряде промышленных центров.

Вот главнейшие моменты, характеризующие современную стадию рабочего движения в Китае. Каждое предприятие, каждый завод превращается сейчас там в арену ожесточенной борьбы. И на каждом заводе, на каждом предприятии выковываются силы, которые сметут гоминдановскую контрреволюцию.

* * *

За эти три года *не затихало и крестьянское движение. За последнее время оно подымается наряду* с усилением революционного движения в городах. И если раньше, в конце 1927 года и в течение 1928 г., крестьянская борьба и партизанские выступления расценивались, как арьергардные бои отступавшей революции, то теперь они благодаря своему размаху и в результате изменения общей обстановки в стране приобрели совершенно иной характер. Они являются составной частью нового под'ема революционной волны. Они свидетельствуют о нарастании глубочайшего политического кризиса.

Этот кризис и связанный с ним новый под'ем революции в Китае протекает в своеобразных формах. Он развертывается в форме крестьянской войны, организуемой и возглавляемой рабочим классом,— крестьянской войны, последовательно расширяющейся на новые и новые территории.

Рост крестьянского движения и партизанской борьбы подтверждает правильность решений Коминтерна о том, что аграрная революция является стержнем китайской революции. В условиях усиливающегося партизанского движения лозунги аграрной революции не остаются сейчас чисто пропагандистскими, а превращаются в лозунги действия, претворяются в жизнь. Аграрная революция приобретает свою базу, свою территорию. Необходимость революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, жизненность этого лозунга находит свое подтверждение.

Об этом размахе крестьянской борьбы можно судить по следующей таблице, составленной на основании последних данных о численности регулярной Красной армии и о размерах территорий, на которые распространяется сейчас ее власть.

Наименование корпуса Кр. армии	Общее количество бойц.	В том числе вооружен.	Размер подвластной территории.
1-й корпус.	4.000	2.500	10 уездов.
2-й корпус.	4.000	1.560	10 уездов.
3-й корпус.	9.430	6.522	27 уездов.
4-й корпус.	10.000	7.000	
5-й корпус.	3.800	2.000	7 уездов.
6-й корпус.	3.000	2.000	7 уездов.
7-й корпус.	7.500	4.000	11 уездов.
8-й корпус.	2.000	1.400	9 уездов.
9-й корпус.	3.000	2.000	18 уездов.
10-й корпус.	8.000	5.000	10 уездов.
11-й корпус.	3.000	2.000	3 уезда.
12-й корпус.	3.000	2.000	5 уездов
13-й корпус.	2.000	1.000	7 уездов.
Итого:	62.730 бойц.	38.982 вооруж.	124 уезда.

Помимо того действуют разрозненные партизанские отряды, о численности которых мы не имеем сведений. Но об их силе можно судить уже потому, что под их властью находится в настоящее время 38 уездов. Всего по 10-ти провинциям, охваченным крестьянской борьбой, из 770 уездов 162 уезда находятся в руках борющегося крестьянства.

Но борьба не ограничивается южными провинциями Китая. За истекшие три года крестьянские выступления имели место и в северных районах. Одно из них — мусульманско-крестьянское восстание в Гуаньсу — охватило сотни тысяч крестьян. Продолжают борьбу «Красные пики», «Большие» и «Малые ножи» и другие организации китайской деревни. Милитаристический грабеж, гнет ростовщичества, помещичья кабала, полное бесправие крестьян, непрерывное разорение и голод, достигшие неслыханных размеров,— все это проясняет сознание миллионных масс крестьянства и толкает их на вооруженную борьбу с существующим режимом.

Аграрная революция выдвигает перед китайской коммунистической партией важнейшие задачи. Нужно не только возглавлять и координировать крестьянские выступления против могущественнейших врагов, но преодолевать и целый ряд других трудностей. В отдельных местах кулаки не без успеха пытаются удержать аграрную революцию в рамках соответствующих их интересам. До нас доходят тревожные симптомы подобного рода. Так, в некоторых районах кулаки проявляют большие маневренные способности, настраиваются «сочувственно» по отношению к партизанскому движению, захватывают в свои руки органы вновь учреждаемой советской власти, пользуясь своей грамотностью и влиянием, и проводят раздел конфискуемой помещичьей земли между крестьянами пропорционально средствам производства, которыми они располагают. Конечно, такой принцип лишает батраков и бедноту каких-либо прав на помещичью землю.

Кстати не лишне указать, что в советских районах среди коммунистов

находятся правые оппортунисты, которые, наперекор настроениям основных масс крестьянства, поддерживают и защищают подобный принцип распределения конфискуемой земли. Свою кулацкую, более чем странную для коммунистов, позицию они обосновывают тем соображением, что в период буржуазно-демократической революции наша-де основная задача — обеспечить под'ем производительных сил сельского хозяйства и что поэтому земля должна достаться тем, кто располагает соответствующими средствами производства. В других советских районах конфискуемая помещичья земля оставляется в руках прежних арендаторов, которые продолжают пользоваться ею в прежних размерах, но не платят никакой аренды. Этот принцип также не является максимально-благоприятным с точки зрения интересов батрачества и деревенской бедноты. Батрачество он вообще обходит, что же касается деревенской бедноты, то известно, что кабальные условия аренды в прошлом лишали ее возможности прибегать к аренде в нужных размерах. Все это говорит о явном неблагополучии в решении земельного вопроса, который является одним из главнейших и основных вопросов в советских районах. Лишь на некоторой части советской территории, преимущественно в районах действия 3-го и 4-го корпусов Красной армии, проводится всеобщий уравнительный передел земли. Практика последнего должна быть перенесена в остальные районы.

Аграрная революция должна быть не кулацкой, а бедняцко-середняцкой. Основными силами революции в китайской деревне должны быть батраки и беднота при прочном союзе их с середняками. В неразрывной связи с этим стоит далеко еще неразрешенная задача по осуществлению гегемонии пролетариата в развертывающейся крестьянской борьбе. Если в прошлом основная ошибка руководства киткомпартии сводилась к тому, что оно связывало массовое движение, пытаясь борьбу с империализмом проводить не на базе аграрной революции, то теперь опасность угрожает с другой стороны, если борьба будет ограничиваться решением аграрного вопроса, если революционно-освободительному движению не будет одновременно придан характер антиимпериалистической борьбы, борьбы за об'единение страны, за полную экономическую и политическую независимость Китая. Обе эти задачи неразрывно между собой связаны. Аграрный вопрос в Китае может быть радикально разрешен лишь в результате полного уничтожения империалистической кабалы, в результате слома господства иностранного капитала, поддерживающего, усиливающего и использовывающего в своих интересах феодальные отношения и различные милитаристические группы в Китае.

Только при условии гегемонии пролетариата аграрный строй в Китае будет решительно расчищен от всех остатков феодализма, а освободительная борьба будет поднята на высшую ступень и ей будет придан тот необходимый размах, при котором вместе с идущим на слом феодализмом будет в корне уничтожено и господство иностранного капитала. Труднее всего эта задача по отношению к полурелигиозным, но в то же время массовым, организациям в китайской деревне. Однако, ее решение встречает не мало затруднений в отношении к красным партизанским отрядам, особенно типа Хо-луна. Компартия должна вести борьбу за укрепление своего влияния в этих отрядах, добиваясь действительного руководства вооруженной борьбой китайского крестьянства. Она должна максимально централизовать руководство партизанским движением, окрестьянить состав корпусов красной армии, создавая одновременно там крепкие пролетарские ядра и обеспечивая свое военное и политическое руководство.

Но уже сейчас серьезный подход должна проявить компартия к вопросам экономической политики в советских районах. Решительно раз-

делываясь с феодализмом и ростовщичеством, партия в то же время должна предохранить себя от возможных заскоков, от перепрыгивания через неизжитые еще этапы, от всяких разновидностей детской болезни «левизны». Все мероприятия экономического характера в советских районах должны быть подчинены задаче вовлечения широчайших масс в борьбу с феодализмом и империализмом.

* * *

Справится ли киткомпартия с стоящими перед ней задачами?

Несмотря на свою сравнительную молодость, она успела пройти суровую школу классовой борьбы. За последние годы она закалила свои ряды и накопила огромнейший и неизгладимый опыт политической борьбы. Она окрепла в организационном отношении. Резко снизила текучесть своего состава, характерную для прежней полосы. Создала сеть фабрично-заводских ячеек. Она опирается сейчас на 183 производственных ячейки. Она усилила вербовку рабочих в партию, повысив за последний год пролетарское ядро с 4 до 7,8%. Конечно, этот процент остается ничтожно низким, но первые успехи открывают перед партией путь к дальнейшей пролетаризации своего состава. Партия успешно выдвигает на руководящую работу пролетарский актив, развертывает большую агитационно-пропагандистскую деятельность. Партия, насчитывающая 65.000 членов, становится все более существенным фактором на политической арене Китая.

Конечно, партия далеко еще не изжила всех своих недочетов, не преодолела всех уклонов в своих рядах, не добилась полной ясности в врешении всех своих задач.

Но партия выросла за годы реакции и организационно и идеологически. Преодолевая путчистские тенденции, угрожавшие разрывом связи с рабоче-крестьянскими массами, партия в то же время провела решительную борьбу со всякого рода упадочными настроениями в своих рядах, с теми малодушными ее членами, которые утрачивали революционные перспективы, заражались пессимизмом и скатывались на ликвидаторские позиции. Партия вытравливала влияние буржуазной национал-реформистской идеологии, привносимое в коммунистическую среду. По многим вопросам, в том числе об отношениях к кулаку и о задачах профессиональной работы, руководство партии заняло правильную линию, быстро выправив оппортунистические искривления. Во время последних событий на КВжд партия прошла через серьезную проверку своей идеологической крепости. Она на деле доказала свой интернационализм, правильное понимание ею революционных задач рабочего класса.

Партия отбила атаки Чен Ду-сю, требовавшего замены лозунга «защиты СССР» пацифистски-националистическим лозунгом «против губительной для государства политики Гоминдана». Она дала решительный отпор Чен Ду-сю, который на своем ликвидаторском пути сомкнулся с Троцким. Она разоблачила ликвидаторскую платформу этих ренегатов, снимавших революционные лозунги и подменявших их контрреволюционной буржуазной блевотиной вроде «учредительного собрания» и легализмом.

Перед партией сейчас встают огромные задачи руководства революционным под'емом в архи-сложных условиях, требующих большевистской четкости в линии и решимости пролетарской партии наряду с гибкостью ее политики, учитывающей исключительно своеобразные условия развития китайской революции. Этого партия может достигнуть и достигнет лишь в неуклонной борьбе за правильную ленинскую линию против правого уклона, как главной опасности, и его «левых» пособников.

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

Ленин.

План политического отчета ЦК РКП(б) на XI с'езде партии*).

[*15 — 26 марта 1922 г. Горки*].

III.

План речи на 27/III — 1922 г.

1. *О Генуе* кратко повт[орить] сказ[анное] 6. III. 1922.	(+ Дел[ега]ция сост[авлена]. — Дир[ективы] тщат[ельно] обс[уждались] не раз и не два.—*«Мы готовы».)*
2. *НЭП.* Гл[авные] пункты сего «вопроса»: (а) **) Проверка «смычки» с кр[естья]нской эк[ономи]кой.	
3. (б) Проверка соревнованием гос[ударственных] *и* капитал[истических] предпр[ия]тий (и *торг[овых] и пр[ом[ы]шл[енных], и рус[ских] и загр[аничных]).*	
4. (в) «Госкап[итали]зм». Схоластич[еское] *v[ersu]s* р[е]в[олю]ц[ион]н[ое] и практ[ическое] значение сего слова.	(*госкап[итали]зм. Г[о]с[ударст]во, это «мы»).*
5) (г) Остановка отст[у]пл[е]ния. Не в смысле: «уже научились» а в смысле: не нервничай, не сочиняй, а на *данной почве* учись, «перегруппировка сил и подготовка» — лозунг дня. Подготовка наступл[ения] *нача[стно]-хоз[яйственный] к[апита]л* = лозунг.	Разведка сделана. *Смеш[анные] общ[ест]ва.*
6. «Эв[олю]ция или т[а]кт[и]ка»? Устрялов в «См[ене] вех». полезнее «сладенького комвранья».	
7. Чья возьмет? Чего не хватает? Культурности, *уменья управлять* (в т[ом] ч[исле] вести гост[о]рг[о]влю).	
8. *Тодорский*, с. *62, подч[еркнуть]*. Уже в X. 1918!	ср. завоеватель и зав[ое]в[ан]ный: кто культурнее? 4700 отв[етственных] ком[муни]стов Москвы и м[о]ск[о]в[ская] бюрократия
Два *типичных* примера.	
9. Пример № 1· *МПО* бор[ется] с бюр[ократи]змо[м] *НКВТ* «Копия	

*) Мы даем третий вариант. Рекомендуем нашим читателям изучить также I и II варианты (Ленинский сборник, XIII). **Ред.**

**) Обозначения а) б) в) г) надписаны Лениным черными чернилами позднее. Примеч. редакции «Ленинск. сборников».

с белой коровы» [1]). Чего «им» (без Красина и Кам[ене]ва) не хватало? *Культурности.*

(*Материалы о «деле» МПО v[ersu]s НКВТ*)

10. Пример № 2: Как «он» (и «они») *переадминистрировал?* (в Донбассе).

(тут было *не* полное уменье упр[авлять] + нек[ото]р[ая] *полит[ическая]* ошибка.)

11. «Гостресты»: пример... к будущему году!

(роль ком[муни]стов: *плохи!*).

12. Итог: вполне достаточно у нас средств для победы в *НЭПе:* и полит[ически] и экон[омически]. Вопрос «*только*» в *культурности!*

13. Белогвардейцы (в т[ом] ч[исле] *м[еньшевики] и с. р.* и К°) видят в этом *нечто* в их пользу! Напрасно! Обзор доделанного и недоделанного оч[ень] полезен.

(α) б[у]р[жуа]з[но]-дем[ократическая] рев[олюция] «они» г[ово]рят! Против них (400 лет навоза в 4 года!)

(β) выход из в[ой]ны: *р[е]в[олю]ц[ионный]* выход из реакц[ионной] в[ой]ны. А у них?

(γ) Сов[етское] г[о]с[у]д[арст]во. Первое в мире. Нов[ая] эпоха: хуже *первого паровоза!!*

Три неотъемлемы.

Четвертая, и *главная,* недоделана: *фундам[ент] соц[иалистической] эк[ономи]ки.* Многажды переделать.

14. За какое «звено цепи» теперь уцепиться надо? *).

1917 — выход из в[ой]ны.

1918 — сов[етское] г[о]с[у]д[арс]тво v[ersu]s Учредилка.

1919 и 1920 — отпор нашествию.

1921: эк[ономическ]ий подход к кр[естья]н[ст]ву. *Поиски эк[ономической] политики.*

1922: не в учреждениях, не в переорганизациях, не в новых декретах *гвоздь,* а в *людях* и в *проверке исп[олнен]ия.* Подбор людей и проверка исполнения.

При трех (3) условиях:

(α) отс[утствие] интервенции.

с меками *и* с. р.: *расстрел* за полит[ическое] *оказ[ательст]во.*

---

[1]) Приводим следующую выдержку из речи Ленина на съезде: «Прочитавши эту историю, я вспомнил, как 25 лет тому назад, когда я был в Сибири в ссылке, мне приходилось быть адвокатом... Придет баба, начинает, конечно, с родственников, и неимоверно трудно было добиться, в чем дело. Я говорю: «принеси копию». Она рассказывает о белой корове. Ей говоришь: «принеси копию», и тогда одна из них ушла и говорит: «не хочет слушать без копии о белой корове». Так мы и смеялись в своей колонии над этой копией» (XI съезд РКП(б). Стеногр. отчет, стр. 29). Примеч. ред. «Ленинск. сборник».

*) Здесь в рукописи переход на новую страницу и Ленин написал: «(см. оборот)», а на новой странице: «(продолжение 14. За какое «звено цепи» уцепиться?»). Примеч. редакции «Ленинск. сборников».

(β) фин[ансовый] кризис не чересчур сильный.

(не оч[ень] сильный? чистка гострестов)

(γ) не делать *полит[ических] ошибок.*

15. «Гвоздь момента» (звено цепи) = разрыв м[ежду] величием поставл[енных] з[ада]ч и *нищетой* не т[оль]ко материальной, но и *культурной.*

16. Во главе масс надо быть, иначе мы капля в море.

«Полоса проп[а]г[ан]ды декретами» прошла. Массы поймут и оценят *лишь* деловую практич[ескую] работу, *практич[еский] успех* в хоз- и культ-работе.

ΣΣ = Подбор людей и проверка исполнения!

Дополнения:

1. П[арт]ия v[ersu]s соворганы. (Осв[о]б[о]дить от мелочей. Повыс[ить] отв[етственно]сть совраб[отни]ков.

2. ВЦИК? Сессии подольше. Обсуждение потщательнее. Проверка обстоятельнее.

3. СНК и СТО.

Мои замы. (Рыков и польза В[ильгельма] II) переп[иска] с I. 1922. Проверка исполнения, подтягивание, *чистка сверху.* [5]*4. СНК. Повысить авторитет, освоб[одить] от мелочей. [4] 5. СТО. Разв[итие] и расш[ирение] раб[оты] *облэкосо.*

6. М[алый] СНК. Тоже освободить от мелочей.

Проект директив (по поруч[ению] ЦК) будет внесен.

---

*) В рукописи Лениным изменен порядок расположения пунктов: п. 4 исправлен чернилами на п. 5, а пункт 5 — на пункт 4 и соответствующим знаком обозначена перестановка. Примеч. редакции «Ленинск. сборников».

Б. Борилин.

О плане доклада Ленина на XI с'езде партии.

Во многих отношениях публикуемый выше план доклада тов. Ленина на XI с'езде имеет огромный политический и теоретический интерес.

Во-первых, Ленин в нем необычайно выпукло показывает существо, главный смысл той экономической политики, которая в истории получила название нэпа. Поэтому для понимания ленинской теории нэпа публикуемый материал имеет неоценимое значение.

Во-вторых, Ленин в плане так же, как и в своем докладе на с'езде, чеканно формулирует лозунг перехода в наступление на капитализм после продолжительного (около года) периода отступления от части экономических позиций, захваченных в годы военного коммунизма для подготовки нового наступления. Сейчас, когда мы совершаем решительное наступление на капиталистические элементы по всему фронту страны и ставим перед собой задачу выкорчевывания самых корней капитализма, — поворот, формулированный Лениным в плане доклада и в докладе — от отступления к наступлению—дает возможность с точки зрения ленинских принципов экономической политики выяснить наиболее глубоко закономерность наступления нового этапа в социалистическом строительстве, в который мы вступили, и полностью оценить революционный смысл задач, стоящих перед партией.

В-третьих, публикуемый материал позволяет окончательно разрешить вопрос об отношении между нэпом и новым этапом, который (вопрос) находился в последнее время в центре споров о новом этапе.

Наибольшее внимание Ленин в плане уделяет вопросу о нэпе.

В «главных пунктах сего «вопроса»» прежде всего Ленин говорит о необходимости «проверки «смычки» с крестьянской экономикой». Это же Ленин подчеркивает и во 2-м варианте плана, где он пишет: «О нэпе. Два основных положения: а) удобнее для крестьян, как переход к социализму, привычное; единственно возможный путь при разорении крупной промышленности». (См. Ленинский сборник, XIII, стр. 10). Эта формулировка значения нэпа, как политики, обеспечивающей движение к социализму на основе союза с крестьянством в одинаковой степени «бьет» и троцкистское и правооппортунистические представления о нэпе. Троцкисты совершенно не понимали, что и состояние разоренности промышленности, характеризовавшее начальный период нэпа, и необходимость выбора наиболее удобного, доступного для крестьянства пути к социализму, требуют союза с крестьянством в переходный период, как непременного условия для успешного строительства социализма. Правые оппортунисты наоборот с большой охотой констатировали разоренность промышленности и мелкобуржуазный характер страны, диктовавшие переход от военного коммунизма к нэпу, но не видели, что нэп нам нужен для того, чтобы обеспечить возможность выхода из состояния разоренности крупной промышленности и нищеты на широкую дорогу индустриализации и коллективизации, что смычка с кре-

стьянством должна обеспечить не «мирное сожительство» с простым товарным хозяйством на вечные времена («царству рабочих и крестьян не будет конца»), а наиболее удобный, но верный переход крестьянства к социализму. И то и другое представление решительно порывают с ленинизмом.

Но, далее, Ленин не менее важным вопросом нэпа считает «проверку соревнованием государственных и капиталистических предприятий (и торговых и промышленных; и русских и заграничных)». На XI с'езде, как известно, Ленин во всю ширь поставил эту проблему соревнования социализма с капитализмом, «борьбы не на жизнь, а на смерть», составляющую самую сердцевину нэпа. Кто-кого, — в этом главное в нэпе. С этой точки зрения нужно оценить «мудрость» правых оппортунистов, выбрасывающих эту проблему «за пределы нэпа» и превращающих последний в систему мирного врастания в социализм.

Вместо оппортунистической идиллии и против меньшевистско-устряловских теорий нэпа (самый факт появления которых Ленин отмечает, как весьма полезный для людей, забывших об ожесточенной классовой борьбе, происходящей на рельсах нэпа,—«полезнее «сладенького комвранья»), Ленин выдвигает в качестве лозунга дня (уже для 1922 г.!) «подготовку наступления на частнохозяйственный капитал» (Курсив частью наш.—*Б. Б.*). Провозглашение этого лозунга партией означало полный крах всех иллюзий буржуазного мира на мирное перерождение советской системы. Нэп оказался системой мероприятий, рассчитанной не только на известное допущение капиталистических элементов, но на неуклонную борьбу с ними и на полную над ними победу. Какое блестящее историческое подтверждение правильности этого плана в отношении капитализма дало дальнейшее развитие нэпа!

Можно встретить немалое количество людей, пытающихся дать теорию нэпа на основе опыта какого-нибудь одного его периода, или одного небольшого исторического отрезка времени, или на основе одного какого-нибудь искусственно выдернутого из общей связи замечания Ленина по этому вопросу. Публикуемые замечания Ленина наносят окончательный удар по такого рода горе-конструкциям.

Вспомним борьбу с зиновьевской оппозицией, сводившей нэп к политике насаждения госкапитализма. Несомненно, что теоретически взгляды зиновьевской оппозиции опирались на неверное схоластическое понимание значения госкапитализма в наших условиях. Когда-то Ленин придавал большое значение госкапитализму и не раз говорил о пользе концессий. Но что общего имеет с ленинизмом «теория», возводящая госкапитализм в «основное» в нэпе, или считающая, что одним из основных признаков нэпа является политика беспрерывных уступок капиталистам, «весьма жадным до подачек», как не раз говорил Ленин? Ленинское понимание госкапитализма в нэпе, как небо от земли, далеко от таких представлений. Ленин подчеркивает в конспекте: «Госкапитализм». Схоластическое versus революционное и практическое значение сего слова».

Не менее основательно «хоронят» замечания Ленина «теорию» отождествления нэпа с начальным его периодом, служащую идеологической основой правого уклона. «За какое «звено цепи» теперь уцепиться надо?» вот вопрос, который на каждой новой стадии революции ставил перед партией Ленин. И тени попытки постановки такого вопроса, конечно, нет у правой оппозиции, одним махом ставящей знак равенства между первыми годами нэпа и нынешним его этапом. Между тем Ленин так рисует очередное звено цепи, с которым партия имела дело в 1921 году: «1921: экономический подход к крестьянству. Поиски экономической политики» (курсив Ленина. *Б. Б.*). В первом же варианте плана Ленин отмечает, как характерное для этого года нэпа: «Первый год. Только, только начало. (Голод и пр.)».

(См. Ленинский сборник XIII, стр. 9). Как далеко мы ушли с тех пор в развитии нашего хозяйства на рельсах нэпа!

Сейчас уже с полной очевидностью должно стать ясным, что смысл нэпа заключается, конечно, не в мероприятиях по об'явлению свободы торговли, развитию индивидуального крестьянского хозяйства и т. д., с которых мы начали новую экономическую политику. Смысл нэпа заключается в том, чтобы, начав с этих мероприятий, через эти мероприятия, суметь укрепить социалистическую промышленность, перейти в наступление на капитализм, кооперировать население, победить капитализм, построить фундамент социалистического общества. «Кто не понимает этой двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма.» (Сталин). Что главная задача нэпа состоит именно в этом, Ленин со всей определенностью говорит: «Четвертая и главная (задача или вещь. *Б. Б.)* недоделана: фундамент социалистической экономики. Многажды переделать». Высшим торжеством ленинских принципов экономической политики является тот факт, что задачу полного построения фундамента социалистической экономики мы в настоящее время поставили перед собой, как задачу, которую мы должны осуществить «в кратчайшие исторические сроки».

Таким образом, не только теоретически, но и на практике доказана величайшая правильность тезиса Ленина в публикуемом плане: «Итог: вполне достаточно у нас средств для победы в нэпе: и политически и экономически» Вопрос «только» в культурности!» (Курсив наш.—*Б. Б.*).

Мы остановились выше только на некоторых основных положениях конспекта Ленина. Мы не останавливались на целом ряде вопросов, затронутых еще в конспекте, подробное изучение которых мы всячески рекомендуем читателю.

В XIV Ленинском сборнике, который выходит в свет одновременно с № 10 «Большевика», воспроизводится тетрадь Ленина с выписками из произведений Маркса и Энгельса. Тетрадь эта носит заглавие «Марксизм о государстве». Эти выписки были сделаны Лениным за границей в начале 1917 г. (январь—февраль). Обработать эти материалы Ленин тогда не успел. Они были ему доставлены после июльских дней 1917 г. и использованы им для его работы «Государство и революция».

С согласия Института Ленина, воспроизводится здесь небольшая часть публикуемого в XIV Ленинском сборнике текста, представляющего обширный материал, и предисловие В. В. Адоратского, дающее общую характеристику содержания данной тетради.

Редакция.

Ленин.

Заметки и выписки из произведений Маркса и Энгельса о государстве.

МАРКСИЗМ И ГОСУДАРСТВО

> точнее:
> Задачи пролетарской революции в отношении к государству.

Маркс и Энгельс о государстве и задачах революции в политической области (в ее отношении к государству).

Одно место в «Гр[ажданской] войне» заслуживает особого внимания. Это место процитировано, м[ежду] пр[очим], в последнем предисловии к *Ком[мунистическому] М[ани]ф[е*сту], подписанном *обоими* авторами. Это предисловие датировано Лондон, 24.VI.1872 (Карл *Маркс* и Фридрих *Энгельс*. Оно говорит, что пр[о]г[рам]ма К[оммунистического] М[ани]ф[еста] «теперь местами *устарела*» (Коммунистический Манифест, 7 издание, Берлин 1906, стр. 17; с предисл[овием] Каутского — *пошлым!* — и авторов, обоих 24.VI.1872 г., Э[нгель]са 28.VI. 1883 и 1.V.1890 с цитатой из предисловия к *рус[скому]* переводу, о рус[ской] общине, Лонд[он] 21.1882, теперь «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе», стр. 20). Так!!!

В чем же «устарела» пр[о]г[рам]ма? Авторы отвечают:

«В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» («Гражданская война во Франции», стр. 19. (Изд[ание] 1876 г. стр. 23, начало главы III), (((См. ниже *стр. 27*))).

Это место, отдельно взятое, неясно: оно оставляет как-бы лазейку для оппортунизма, давая, на 1-й взгляд, возможность истолковать его в том смысле, что-де «просто» взять «в руки» «готовую» г[о]с[у]д[арст]в[енную] машину» нельзя — *значит*.... не надо рев[олю]ций, поосторожнее с ними, побольше внимания к идее *не* захвата власти, а медленного развития, врастания и т. п. и т. д. [См. *Бернштейн*, «Предпосылки», Штуттгарт 1899, стр. VI, где это место ставится *рядом* с пред[исловием] Э[нгель]са 1895 г. и толкуется к[а]к отказ от р[е]в[олю]ции!!! (стр. *18*, стр. *134*). Бернштейн *три* раза в одной книге своей цитует это место!!!]

Такое толкование (оно, кажись, где-то мне попадалось, не помню только, где) архиложно. На деле, М[арк]с имеет в виду *совсем* обратное: р[е]в[олю]ция прол[етариа]та не м[ожет] «просто» взять в руки «готовую» г[о]с[у]д[арст]в[енную] м[а]ш[и]ну, рев[олю]ция должна *разбить ее*, эту *готовую* машину, и заменить *новой*. Вот особенно наглядное и решающее место:

12 апр[еля] 1871 г. М[аркс] пишет Кугельману (*N*[*eue*] *Z*[*eit*] XX, 1, 1901 — 2, стр. 709; в этом томе только два п[ись]ма о Коммуне; остальные п[ись]ма к Куг[ельману] в т[оме] XX, *2* NB):

... «Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го Брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать ее*» (курсив Маркса), и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей».

> Пикантно ср[авнить] с *Бакуниным* (X. 1870. стр. 113, у *Стеклова*). . . . «для меня очевидно, что после фактического разрушения административной и правительственной машины только непосредственная революционная деятельность народа может спасти Францию»...

Очень важное суждение *М*[*арк*]*са* (12. IV. 1871) о причинах возможного поражения К[ом]м[у]ны: «Если они (парижские рабочие) окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». Надо было сейчас же идти на Версаль... Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы... Тьер... не начал ее уже. Вторая ошибка: центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности!».

Две ошибки коммуны

> *Обе* ошибки состоят в недостатке оффензивы, в недостатке сознания и решимости *разбить* бюрокр[атически]-во[енную] машину государства и власть буржуазии. И чем восторгается Маркс в Парижской К[ом]м[у]не? *Гибкость, историческая инициатива, способность самопожертвования* у этих парижан (там же). «Штурмующие небо парижане».

М[арк]с к Кугельману 3. III. 1869 (N[eue] Z[eit], XX, 2, 1901 — 2, стр. 412): «Во Франции происходит очень интересное движение. Парижане снова начинают прямо таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе»... Дюжины книг всех п[арт]ий, либ[ералы], респ[убликанцы]-дем[о краты], пруд[онисты], бланк[исты]... «Когда-то у *нас* дойдет дело до этого!» (413).

Nota bene:

NB

также *М*[*аркс*] к Куг[ельману] 13. XII. 1870:... «Но как бы ни окончилась война, она обучила французский пролетариат владеть оружием, а это является лучшей гарантией будущего». (Стр. 544, N[eue] Z[eit] XX, 2, 1901 — 2).

NB

а 18. VI. 1871 (N[*eue*] Z[eit], XX, 2, с., 797) М[аркс] пишет Кугельману, что «Адрес» (Ген[ерального] Сов[ета] т. е. «Гр[ажданская] в[ой]на во Фр[анции]») он, Кугельман, уже верно получил, и что этот «Адрес» вызывает бешеный шум и возмущение прессы.

Ясно, ч[то] апрельское (12. IV. 1871) п[ись]мо М[арк]са дает *ту же* самую мысль, к[ото]рая вошла в написанный в конце мая «Адрес» «Ген[ерального] Совета И[нтернациона]ла (датированный 30. V. 1871).

То, что в «Гр[ажданской] войне» названо «готовой г[о]с[у]д[арст]в[енной] машиной», — в п[ись]ме 12. IV. 1871 названо «бюрократически-военной машиной»; то, что в «Гр[ажданской] в[ой]не» выражено словами «просто взять во владение» в п[ись]ме 12. IV. 1871 формулировано опять таки точнее, яснее, лучше: перенести из одних рук в другие». И добавление, коего нет в «Гр[ажданской] войне», особенно наглядно: не перенести готовое в другие руки, а *разбить*. Это Коммуна и *начала* делать, но не доделала, к сожалению.

Это и есть «предварит[ельное] условие всякой настоящей народной (NB: глубокое выражение!) революции на континенте» (почему на континенте? пот[ому] что в Англии не было тогда ни бюрократии, ни милитаризма).

ПИСЬМО ЭНГЕЛЬСА К БЕБЕЛЮ.

Чрезвычайно большую важность по вопросу о государстве имеет письмо *Энгельса к Бебелю* от *18/28.III.1875* (Бебель, «Из моей жизни», том II, стр. 318 и след. Штуттгарт. 1911: Vorwärts 2.IX.1911.

Вот главнейшее место полностью:

...«Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т.-е. государство с деспотическим правительством. *Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве,* особенно после *Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством»* анархисты кололи нам глаза *) более, чем достаточно хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический Манифест» говорят прямо, что с *введением социалистического общественного строя государство само собою распускается и исчезает.* Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* (курсив Энгельса) в государстве, он нуждается в нем *не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как тако-* NB NB

*) «Прямо в зубы-прямо в лицо»: словарь Сандерса.

вое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово: «община», прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна»». (Курсив Энгельса). NB

Это, пожалуй, самое замечательное и, наверное, самое резкое место, так сказать, «*против* государства» у Маркса и Энгельса.

(1) «Бросить надо всю болтовню о государстве».

(2) «Коммуна была уже не государством в собственном смысле» (а чем же? переходной формой от государства к негосударству, очевидно!).

(3) Анархисты нам довольно «кололи глаза (буквально=тыкали в морду) «народным государством». Маркс и Энгельс, значит, стыдились этой явной ошибки своих немецких друзей; — однако они считали ее, и разумеется по *тогдашним обстоятельствам* правильно считали, несравненно менее важной ошибкой, чем ошибка анархиста. Это N. B!!).

(4) Государство само собою разлагается («распускается») | Nota bene | и исчезает»... (ср. позже: «отмирает») «со введением социалистического общественного строя»...

(5) «Государство есть «временное учреждение», которое надобно «в борьбе, в революции»... (надобно *пролетариату,* разумеется)...

(6) Государство нужно *не для свободы,* а для *подавления* (? Niederhaltung не есть подавление, собственно, а удержание от реставрации, держание в покорности) *противников пролетариата.*

(7) Когда будет свобода, тогда не будет государства.

Обычно понятия «свобода» и «демократия» считают тождественными и употребляют часто одно вместо другого. Очень часто вульгарные марксисты (Каутский, Плеханов и К° во главе их) именно так рассуждают. На деле демократия исключает свободу. Диалектика (ход) развития такова: от абсолютизма к демократии буржуазной; от буржуазной демократии к пролетарской; от пролетарской к никакой.

(8) «Мы» (т.-е. Энгельс и *Маркс)* «предложили бы» *«везде»,* (в программе) говорить вместо «государства» — «община, коммуна»!!! NB!!!

Отсюда видно как опошлили, опоганили

Маркса и Энгельса не только оппортунисты, но и Каутский.

Оппортунисты ни одной из этих *8* богатейших мыслей *не* поняли!!

Они взяли *только* практическую надобность настоящего: использовать политическую борьбу, использовать *современное* государство для обучения, воспитания пролетариата, для «вырывания уступок». Это верно (против анархистов), но это еще лишь $^1/_{100}$ марксизма, если можно так арифметически выразиться.

Каутский совсем затушевал (или забыл? или не понял?) в своей пропагандистской и вообще публицистической работе п. п. 1, 2, 5, 6, 7, 8 и «разбитие» Маркса (в полемике с Паннекуком в 1912 или 1913 г. (см. ниже, стр. 45 — 47) Каутский совсем уже свалился в оппортунизм по этому вопросу).

От анархистов нас отличает (α) использование государства *теперь* и (β) во время *революции* пролетариата («диктатура пролетариата») — пункты, важнейшие для практики, тотчас. (Их то и *забыл* Бухарин!).

От оппортунистов более глубокие, «более вечные», истины о (αα) «временном» характере государства, о (ββ) *вреде* «болтовни» о нем теперь, о (γγ) не совсем государственном характере диктатуры пролетариата, (δδ) о противоречии государства и свободы; (εε) о более правильной идее (понятии, программном термине), «общины» вместо государства, (ζζ) о «разбитии» бюрократически-военной машины. Не забыть еще, что *диктатуру пролетариата* открытые оппортунисты Германии (Бернштейн, Кольб etc.) прямо отрицают, а официальная программа и Каутский *косвенно,* молча о ней в повседневной агитации и *терпя* ренегатство Кольбов и К°.

Бухарину было писано в VIII. 1916: «дай *дозреть* твоим мыслям о государстве». Он же, *не дав* дозреть, полез в печать, как «Nota bene» и сделал это так, что вместо разоблачения каутскианцев *помог* им своими ошибками!! А по сути дела Бухарин ближе к истине, чем Каутский.

В. Адоратский.

О ленинских выписках к вопросу о государстве*).

Выписки, относящиеся к вопросу о государстве, выбранные Лениным из произведений Маркса и Энгельса, ценны для нас прежде всего потому, что дают богатейший материал для изучения одного из самых важных вопросов современной политической борьбы. Вопрос о государстве, без того сложный и трудный, еще более усложнен и сознательно запутан идеологами буржуазии и оппортунистами. Буржуазия особенно заинтересована в том, чтобы не допустить ясности в основном вопросе о власти, о том, как пролетариат должен относиться к государству. «Раз понята связь вещей, — говорил Маркс,—рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы» (письмо к Кугельману 11 июля 1868 г.).

В своей известной книге «Государство и революция» Ленин восстановил истинные взгляды Маркса и Энгельса, так бессовестно извращенные оппортунистами. Значение этой работы настолько хорошо известно, что нет надобности здесь на этом останавливаться. Но особенно ярко бросается в глаза вся ценность работы Ленина, когда прочтешь все выписки и заметки Ленина, послужившие основой для книги «Государство и революция». Этот материал использован в книге широко, но не полностью.

В печатающихся выше материалах сведено воедино все важнейшее, что писали Маркс и Энгельс о государстве, подведены итоги основных мыслей, дано полное освещение вопроса во всем его целом. При чтении проделанной Лениным работы особенно наглядным становится и крайнее тупоумие оппортунистов, открыто отрекающихся от взглядов Маркса и Энгельса, и безграничная подлость ренегатов марксизма вроде К. Каутского, «опошляющих, опоганивающих» (по ленинскому выражению) Маркса. Выписки из ряда статей самого Каутского дают множество конкретных примеров того, как это делается.

«Забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня, погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, принесение будущего движения в жертву настоящему» (с. 229) [1])—вот особенности оппортунизма, указанные Энгельсом. «Абстракт-

---

*) Статья является предисловием т. Адоратского к выпискам Ленина из произведений Маркса и Энгельса о государстве. Перепечатывается из Ленинского сборника XIV.

[1]) Здесь указываются страницы XIV Ленинского сборника.

ное на первый план, конкретное затушевать» (с. 226) — вот один из приемов лакеев буржуазии, фальсификаторов марксизма.

Наша задача на ряду с продолжением борьбы против буржуазии дальнейшее разоблачение современных оппортунистов и широкая популяризация революционного марксизма-ленинизма. Выписки Ленина и его указания к ним дают великолепный теоретический фундамент и для изучения вопроса, и для борьбы с оппортунизмом, и для раз'яснения широчайшим массам трудного и запутанного теоретически вопроса о государстве.

Ленин отметил основные пункты расхождений с оппортунистами, пункты, по которым необходима с ними борьба:

1) вопрос о «временном» характере государства; 2) о в р е д е «болтовни» о нем теперь (болтовни в смысле повторения буржуазно-либеральных фраз о свободе и демократии вообще); 3) о не совсем государственном характере диктатуры пролетариата («настоящее», буржуазное государство приспособлено для поддержки угнетения и эксплоатации масс. Диктатура пролетариата, наоборот, служит для под'ема масс и для уничтожения всякого угнетения и эксплоатации, а стало быть, и классов и государства); 4) о противоречии государства и свободы; 5) о более правильной идее (понятии, программном требовании) «община» вместо государство; 6) о разбитии бюрократической военной машины (с. 256).

В собранных здесь отрывках ярко выдвигается на первый план основное, то, что всегда замалчивалось и искажалось оппортунистами: историческая неизбежность революции; полная вздорность иллюзий, будто пролетариат может добиться своих целей мирным путем.

Однако, одного голого признания неизбежности революции мало. В революции должна быть отчетливо поставлена задача: пролетариат не может просто овладеть аппаратом буржуазного государства, он должен разбить этот аппарат, сломать его и заменить новым. «Другой класс должен подняться к управлению,—резюмирует Ленин. — В этом суть». И н а я демократия. «У Каутского опошление. Ни тени идеи об иной демократии» (с. 352).

При капитализме «демократия» только для богатых, для маленькой прослойки пролетариата. Бедным не до нее!».

Отличная от этой «и н а я» демократия — диктатура пролетариата: «демократия для бедных, для $^{9}/_{10}$ населения; подавление силой сопротивления богатых (с. 266). Основным условием осуществления такой демократии Ленин ставит привлечение к политической жизни, к управлению государством широчайших масс.

«...Пробуждение (революционным пожаром, революционной активностью) трудящихся масс, б о л ь ш и н с т в а населения, их активное участие в м е с т о чиновников в государственных делах, — пролетарское руководство, ими должны руководить организованные, централизованные пролетарии. Условие всего этого: сокращение рабочего дня до 8—6—4 часов; — соединение производительного труда в с е х с участием в с е х в «государственном управлении» (с. 310). Вот отчетливые, ясные указания, каким должен быть новое государство переходного периода от капитализма к коммунизму.

Ленин подчеркивает мнение Энгельса о неправильности отождествления «свободы» и «демократии». На деле демократия исключает свободу (см. письмо Энгельса Бебелю 28 марта 1875 г.). Революционный марксизм совсем не желает увековечить государство, он стремится его уничтожить в результате уничтожения классов. До тех пор пока классы еще существуют, пролетариат не может отказаться от использования революционного насилия. Маркс и Энгельс вели борьбу на два фронта: против оппортунистов, сторонников мирного пути, отрекающихся от революции, и против анархистов, которые для поверхностного взгляда выступают крайне революционно, на деле же точно так же разоружают пролетариат, делают его бессильным против буржуазии. Маркс в статье 1873 г. высмеивал анархистов (см. «О политическом индиферентизме», с. 349). В статье «Об авторитете» Энгельс дает яркую характеристику всего колоссального значения революционного насилия, революционной власти, авторитета вооруженной силы, когда ею владеет и пускает ее в ход революционный класс (с. 341).

«Революция есть, несомненно, самая авторитетная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?» (с. 347).

Как вывод из всего изучения вопроса о государстве во всем его об'еме, Ленин, следуя Марксу и Энгельсу, намечает такую «диалектику (ход) развития: — от абсолютизма к демократии буржуазной; от буржуазной демократии к пролетарской; от пролетарской к никакой» (с. 254). В ряде выписок, собранных и воспроизведенных здесь, дается исчерпывающая характеристика основных черт пролетарской демократии, отмеченных Марксом и Энгельсом. Особо важны тут заметки к «Критике готской программы» (с. 258), к письму Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 г. (с. 250). (Особо обратить внимание на 8 пунктов, намеченных в выводах Лениным: — восемь богатейших мыслей, оставшихся непонятыми оппортунистическими мудрецами). Важны очень заметки к «Гражданской войне во Франции» (с. 294) и к критике Энгельсом проекта Эрфуртской программы (с. 224). Впрочем необходимо сказать, что среди собранных здесь выписок из произведений Маркса и Энгельса нет ни одной, которая не представляла бы большого интереса, не поражала бы глубиной мысли и богатством революционного содержания. Ценность печатаемых здесь выписок Ленина чрезвычайно велика еще и с другой стороны. Они дают превосходный образец того, как Ленин изучал произведения Маркса и Энгельса. На первый план Ленин выдвигает материалистическую диалектику, в ней он видит самую сущность марксизма. Он особенно ценит уроки этой материалистической диалектики, извлекаемые из изучения произведений Маркса и Энгельса и всей их деятельности. «Маркс изучает о п ы т Коммуны, — отмечает Ленин, — он не сочиняет этой «новой» власти, а изучает, к а к сами революции «о т к р ы в а ю т» ее, как само рабочее движение п о д х о д и т к этой задаче, как п р а к т и к а начинает решать ее».

Произведения Маркса и Энгельса Ленин изучает в теснейшей связи с текущей борьбой рабочего класса. Он сопоставляет обстановку того времени, когда то или иное произведение писалось, с обстановкой сегодняшнего дня. Примером борьбы Маркса и Энгельса против современного им оппортунизма Ленин подкрепляет свою борьбу против оппортунизма новейшего.

Отмечая перемену обстановки, Ленин определяет, в каком направлении изменился оппортунизм, для того, чтобы на основании этого сделать выводы о том, как против него вести борьбу. В ряде заметок, (напр., по поводу «Гражданской войны во Франции» (с. 313), по поводу критики Энгельсом проекта эрфуртской программы (с. 238), Ленин отмечает, что повсюду бюрократизм бешено вырос, повсюду возник и окреп бюрократически-военный аппарат, а оппортунисты «вросли» в него (особенно с 1914 г. по 1917 г.). «Реформисты и социал-патриоты совершенствуют» бюрократическую государственную машину, а революционеры должны «сломать» ее... заменить «коммуной», новым полугосударством» (с. 313). Это писалось еще до рево-

люции (в начале 1917 г.). С тех пор революционное движение шагнуло значительно вперед. Военно-бюрократический аппарат и царского и буржуазного государства в России был сломан. В октябре 1917 г. возникло государство типа коммуны — Советская республика. Накопленный опыт этой великой революции нашел прекрасное раз'яснение и освещение в ряде позднейших произведений Ленина. Но выписки из произведений Маркса и Энгельса о государстве с пояснениями Ленина продолжают сохранять свое значение. Они указывают ближайшую задачу пролетариата Западной Европы, Америки и всего мира, задачу разбить, сломать аппарат буржуазного государства и дают общие теоретические указания, какова должна быть диктатура пролетариата, пролетарская демократия, служащая переходом к полной отмене государства.

Г. Крумин.

Новый этап.

Все более развертывающееся обобществление труда (при общественных средствах производства, при национализации средств производства) в масштабе всего хозяйства, выражающее рост производительности человеческого труда и органически с этим ростом связанное, — вот тот решающий процесс, который красной нитью проходит через весь переходный период. Поэтому процесс обобществления труда нужно прежде всего иметь в виду при разборе проблем переходного периода — тем более таких сложных вопросов, как вопрос о новом этапе, в котором находится в настоящее время Советский Союз. Мы поступим поэтому совершенно правильно, если начнем наш анализ с основных цифр, характеризующих уровень и состояние обобществления труда во всем народном хозяйстве.

В начале нэпа мы имели крупную промышленность, до-нельзя разрушенную. Производство ее измерялось даже единицами процентов от производства довоенного времени. Особенно разрушенной являлась тяжелая индустрия — металлическая и горная промышленность. Довоенный уровень являлся для нас меркой, которую мы «прикладываем к условиям нашей жизни, прикладываем иногда очень нетерпеливо, горячо и всегда убеждаемся, что тут имеются трудности необ'ятные» (Ленин). А в настоящее время? Довоенная мерка отброшена, позабыта. Быстрее многих крупных капиталистических держав мы перешагнули через довоенную черту и в настоящее время валовая продукция всей крупной промышленности составляет 22,5 млрд. руб., превышая довоенную продукцию крупной цензовой промышленности в 2,1 раза. В том числе планируемая ВСНХ крупная социалистическая промышленность дает валовую продукцию в 18,1 млрд. руб. Вся эта громада продукции в подавляющей степени или почти полностью (99,3%) падает на обобществленный сектор.

В товарообороте в начале нэпа приходилось констатировать беспомощность нашего государственного и обобществленного сектора в целом. Через 9 лет, ухватившись за звено, на которое с такой настойчивостью указывал Ленин («Учиться торговать»), коммунисты овладели, можно сказать, полностью оптовым торгово-посредническим оборотом и решающей частью розничного.

Конечно, эти цифры не должны приводить нас к забвению мелкой ремесленной и кустарной промышленности. Наоборот, этой мелкой промышленностью мы в настоящее время больше чем когда-либо способны овладеть, организовать ее, поставить на новую техническую базу, преобразуя в крупное обобществленное хозяйство. Это мы можем и должны сделать. Но даже и учет мелкой кустарно-ремесленной промышленности, к тому же ускоряющимся темпом охватываемой кооперацией, следовательно, вовлекаемой через кооперацию в сферу обобществленного хозяйства, — даже учет

этой мелкой кустарно-ремесленной промышленности ни в какой мере не меняет решающего факта громадного преобладания государственного и обобществленного сектора в целом в промышленности и в товарообороте.

Наконец, сельское хозяйство. Последний год невиданно важен в том отношении, что обобществленный сектор в деревне становится громадной силой. Несказанно выросли роль и значение в сельском хозяйстве государственных совхозов. Еще больше выросли колхозы. Важнейшие зерновые районы (Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга), показывая в настоящее время 40—50% обобществленных крестьянских дворов, в ближайшую сельскохозяйственную кампанию—две, станут районами, завершившими в основном процесс коллективизации. В отношении крестьянского хозяйства всего СССР обобществленный сектор достигает значительной цифры—26—28%.

Обобществленный сектор в одну нынешнюю весеннюю кампанию дает свыше 30 млн. га посевов, не только полностью заменяя, но и превышая посевы кулачества.

После сказанного ясно, что удельный вес обобществленного сектора в народном хозяйстве в целом гигантски возрос и усилился. Если по контрольным цифрам на 1929—30 г. обобществленные фонды составляют 58,9% всех народно-хозяйственных фондов, то в связи с бурным ростом колхозов этот процент еще значительно повышается. То же и в области валовой продукции. Если по контрольным цифрам Госплана обобществленный сектор в 29—30 г. дает больше половины всей валовой продукции (промышленности и сельского хозяйства, вместе взятых), то в настоящее время в связи с обобществлением почти трети крестьянских дворов, этот процент на много повышается.

Таковы решающие цифры быстрого развития процессов обобществления в нашей стране. Таковы цифры, которые заставляют по-новому ставить целый ряд проблем социалистического строительства. Таковы цифры, дающие полное право говорить о новом этапе в развитии Советского Союза.

Из сказанного мы обязаны сделать по меньшей мере шесть нижеследующих выводов.

Вывод первый. За истекшие 8 лет нэпа коммунистической партии не только удалось восстановить крупную промышленность, доведя ее до довоенного уровня продукции, но в результате обобществления промышленности, осуществления политики коренной реконструкции ее более чем вдвое превысить довоенный уровень продукции.

«Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие». «Единственной возможной экономической основой является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист». (Ленин). Под руководством коммунистов рабочий класс Советского Союза создал и создает во все расширяющихся масштабах крупную машинную индустрию, эту «единственную базу социализма», способную реорганизовать и сельское хозяйство. Ведущая, определяющая, преобразующая роль советской крупной социалистической промышленности находится вне всякого сомнения.

Вывод второй. Наше народное хозяйство характеризуется опережающим ростом тяжелой индустрии. Удельный вес тяжелой индустрии в продукции всей промышленности достигает в нынешнем году 48,4% (против 41,8% в 1927—28 г.). Продукция машиностроения возросла с 591 млн. руб. в 1927—28 г. до 1.200 млн. руб. в 1929—30 г. или в два с лишним раза. Продукция электротехнической промышленности возросла в 1929—30 г., по сравнению с 1927—28 г., в 2,7 раза и т. д. В капитальных затратах в промышленности, достигающих в нынешнем году около 4 млрд. руб., преобладающими являются затраты на тяжелую промышленность.

Между тем Ленин в первые годы нэпа настоятельно подчеркивал, что

> «Наше положение особенно трудно потому, что нет средств для восстановления основного капитала — машин, орудий, зданий и т. п., а ведь именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займа, пока мы не восстановим собственность капиталистов и помещиков, а мы этого сделать не можем и не сделаем. Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстановить разрушенные железные дороги, машины, здания и проч.».

Важнейший вывод из опыта строительства за истекший период заключается в том, что «мы добились... благоприятного разрешения в основном проблемы накопления для капитального строительства тяжелой промышленности». (Сталин — «Год великого перелома»). Труднейшая проблема накопления в основном нами разрешена, и разрешена собственными силами, без помощи извне. Этим демонстрируется перед всем миром мощь социалистического строительства. Разрешение в основном проблемы накопления является важнейшим свидетельством того, что мы в силах превратить, что мы превратим нашу страну в страну металлическую, обеспечим тем самым независимость, самостоятельность Советского Союза от всех капиталистических стран.

Вывод третий. Способность нашей промышленности реорганизовать сельское хозяйство находит свое материальное выражение в бешеном росте сельскохозяйственного машиностроения. За первые 2 года пятилетки продукция сельскохозяйственного машиностроения растет на 250%, превышая в 1929—30 г. больше чем в 6 раз довоенные размеры продукции. Уже в ближайшие годы наша страна станет в передние ряды с крупнейшими капиталистическими странами по производству тракторов. Город ведет за собою деревню. Социалистический город преобразует мелкокрестьянскую деревню, давая этой последней во все возрастающем об'еме необходимую крупно-машинную технику.

Вывод четвертый. Коренной перелом основных крестьянских масс к социализму произошел. В 1921 году Ленин писал:

> «С точки зрения всемирной пролетарской революции, как единого процесса, значение переживаемой Россией эпохи состоит в том, чтобы практически испытать и проверить политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, по отношению к мелкобуржуазной массе» (Тезисы о тактике РКП, принятые III конгрессом Коминтерна).

Ленинская политика пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, выдержала испытание и проверку на практике строительства. Проводимая партией политика союза рабочего класса и бедноты с середняком дает свои результаты. Бедняцко-середняцкое крестьянство переходит от мелкого единоличного хозяйства к крупному коллективному хозяйству. Бедняцкие и середняцкие массы крестьянства в важнейших зерновых районах Советского Союза, об'единяемые в колхозы являются действительной и прочной опорой советской власти в деревне. Успешное строительство колхозов, охвативших к настоящему времени 26—28% всех крестьянских дворов и являющихся основной формой массового приобщения беднейшего и середняцкого крестьянства к строительству крупного обобществленного хозяйства в деревне, имеет поистине всемирно-историческое значение. Оно доказывает на опыте непосредственный переход мелкого товарного хозяйства, минуя капитализм, к социализму.

Развертывание сплошной коллективизации ряда районов Советского Союза позволило партии перейти от прежней политики ограничения и вытеснения кулачества к новой политике ликвидации кулачества как класса.

Энгельс в свое время писал о том, что

«материальные жертвы, которые придется принести в этом смысле в интересах крестьян из общественных средств, с точки зрения капиталистической экономики могут показаться выброшенными деньгами, а между тем, это — прекрасное употребление капитала, потому что они сберегут, может быть, в десять раз больше суммы при расходах на общественное преобразование в его целом. В этом смысле мы можем, следовательно, быть очень щедрыми по отношению к крестьянам» («Крестьянский вопрос во Франции и Германии»).

На базе роста производительных сил господствующий рабочий класс выделяет все больше ресурсов — людских, денежных и материальных — на дело преобразования деревни. Тем самым обеспечиваются ускоряющиеся темпы развития крестьянской деревни на путях организации крупного социалистического хозяйства.

Вывод пятый. Если в 1918 году Ленин говорил о том, что «в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия», если в 1921 году Ленин констатировал, что «мелкособственническая, мелкобуржуазная стихия усилилась», то к настоящему времени необходимо констатировать решительную передвижку в отношении социальных секторов, решительное изменение удельного веса обобществленного, социалистического сектора (что не отрицает факта наличия мелкобуржуазной стихии, базирующейся на мелком производстве). После 9 лет нэпа обобществленный сектор в народном хозяйстве в основном является уже преобладающим (хотя по количеству населения сектор индивидуального хозяйства бедняков и середняков все еще идет впереди). Бурный рост производительных сил обусловливался обобществлением промышленности и сельского хозяйства. Один факт преобладающей к настоящему времени роли обобществленного сектора дает оценку всей политики коммунистической партии.

Громадный рост обобществленного сектора в промышленности, сельском хозяйстве и в товарообороте, несказанно усиливает позиции планового хозяйства. Значительно возрастают возможности непосредственного планирования всего народного хозяйства. Если еще несколько лет тому назад важнейшим регулятором сельскохозяйственного производства являлись цены, то к настоящему времени и в области сельского хозяйства все больше внедряется план, производственная программа, для выполнения которой мобилизуются миллионы и десятки миллионов крестьян. Громадными шагами мы приближаемся к организации прямого обмена продуктов между городом и деревней. Плановое начало претерпевает, можно сказать, качественные изменения: план становится громадной силой на всем протяжении Советского Союза.

Вывод шестой. Социализм в нашей стране на практике строится миллионами рабочих и крестьян. В строительство втягиваются все новые миллионы. Коренная реконструкция всего хозяйства явится делом десятков миллионов. Но именно потому, что наше строительство — строительство масс, что наша экономика—доподлинно народная экономика, что прямое развитие производительных сил стало и становится заботой десятков миллионов рабочих и крестьян, поднимающихся к культуре, — именно поэтому мы находимся в полосе ускорения развития, о которой говорил Ленин в 1922 году. Именно поэтому мы все более быстрыми шагами будем продвигаться вперед, именно поэтому мы догоним и перегоним самые передовые страны капитализма. Ускорение развития обусловливается национализацией основных средств производства промышленности, транспорта, земли и т. д. Ускорение развития вытекает из принципиально иных, чем при капитализме, отношений между городом и деревней. Ускорение развития связано со строительством крупного обобществленного хозяйства в деревне.

И разве не издевается жизнь зло над теми, кто полагал и полагает, что только капиталистическая конкуренция, война каждого против всех, гонит вперед производительные силы, кто не видит никаких стимулов развития при социализме, кто представляет себе социализм как казарму? Разве не дало уже социалистическое соревнование ряд блестящих образцов трудового энтузиазма, высшего, чем при капитализме, трудового напряжения и сознательной дисциплины в труде?

На рельсах социалистического соревнования в городе и деревне развертывается мощное социалистическое наступление на капиталистические элементы в стране, происходит выкорчевывание самых глубоких корней капитализма.

Таким образом, восстановление крупной промышленности, широко проводимая реконструкция ее, значительное усиление производства средств производства вообще, для сельского хозяйства в частности и в особенности, значительный рост и укрепление ведущей и преобразующей роли крупной социалистической промышленности, гигантский рост активности и укрепление руководящей роли рабочего класса в его союзе с бедняцко-середняцким крестьянством — при правильном ленинском руководстве со стороны коммунистической партии — обусловили коренной поворот в развитии деревни, широчайшее развертывание коллективизации мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, переход на сплошную коллективизацию целых районов. Это и составляет основное содержание «нового исторического этапа в деле строительства социализма в нашей стране» (из резолюции ноябрьского пленума ЦК 1929 г. о контрольных цифрах).

Коллективизация деревни, сплошная коллективизация целых районов потому знаменует собой новый этап в переходном от капитализма к социализму периоде, что она гигантски ускоряет дело построения фундамента социалистического общества, что она есть важнейший этап в построении этого фундамента. Завершение коллективизации — на рельсах социалистической индустриализации, осуществления плана электрификации страны — означает построение фундамента социалистического общества в нашей стране. Дело построения фундамента социалистического общества — уже не отдаленная цель, которая маячит перед нами. Мы социализм действительно «протащили в повседневную жизнь» (Ленин) и работу масс. И сейчас, в связи с гигантской реконструкцией промышленности, в связи со сплошной коллективизацией и ликвидацией кулачества как класса, вырисовываются совершенно конкретно общие очертания этого фундамента социалистической экономики.

Сталин на VII пленуме ИККИ в декабре 1926 г. в следующих словах определил задачу построения фундамента социалистического общества:

«Создать экономическую базу социализма — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается, прежде всего, капитал, создать, в конце концов, такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов».

Завершение коллективизации деревни и смыкает сельское хозяйство с социалистической индустрией «в одно целостное хозяйство». Завершение

коллективизации деревни означает, что заложены основы социалистического продуктообмена между индустрией и сельским хозяйством и известная «свобода торговли» становится излишней. Сплошная коллективизация нашей страны, переход бедняцко-середняцкого крестьянства к крупному общественному хозяйству и ликвидация на основе сплошной коллективизации кулачества как класса, означают выкорчевывание самых глубоких корней капитализма и создание условий, при которых рождение классов и образование капитализма станут невозможными. Колхозы станут ареной, на которой

«крестьяне окончательно изживут мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унаследованную от поколений мелких частных собственников, лишь в результате годов упорной работы над подведением под колхозы базы крупного механизированного хозяйства, упорной работы над созданием кадров из среды колхозников и культурного под'ема всей колхозной массы». (Из тезисов о колхозном движении к XVI с'езду партии).

* * *

Развертывающееся социалистическое наступление на элементы капитализма, решающие сдвиги в области экономики проявлялись в обострении классовой борьбы, обозначали одновременно решающие сдвиги и в области *классовых соотношений*. Приведенные выше цифры громадного роста обобществленного сектора и усиленного вытеснения капитализма дышат огнем ожесточенной классовой борьбы. Наступление социализма неизбежно обострило классовую борьбу, обусловило большую диференциацию классовых сил в нашей стране.

Одной из чрезвычайно важных причин обострения отношений Советского Союза с господствующими классами капиталистических стран является громадное усиление позиций социализма. Успешное осуществление пятилетнего плана породило в буржуазном лагере целую литературу, внутренне склеенную слюной бешеной, чисто звериной ненависти к строящему социализм государству рабочих и крестьян. Против пятилетки, против социалистического наступления империалистическая буржуазия пускает в ход все, что находится в ее распоряжении. И *новым* во взаимоотношениях капиталистических стран с Советским Союзом за последний период является бешеная борьба империализма за проведение фактической *финансовой блокады*, свирепая *борьба с советским экспортом*, хотя одновременно следует отметить такие факты, как англо-советское торговое соглашение и рост торговых отношений Советского Союза с Америкой. Империалисты опирались и опираются на родственные им силы внутри нашей страны и путем бесшабашного вредительства во всех основных отраслях народного хозяйства подготовляли срыв социалистического строительства. Совсем не случайно, что переход к ликвидации кулачества как класса вызвал звериный вой во всем буржуазном (в том числе социал-демократическом) лагере и обострил антисоветскую кампанию.

Большая диференциация классовых сил, окончательный провал таких лозунгов, как «нейтральность», «аполитичность», имевших до сих пор кредит у значительной части интеллигенции, старых специалистов, что, бесспорно, создавало обстановку безнаказанности для вредителей и делало их неуловимыми, — большая диференциация классовых сил (во всех областях вплоть до самых «тонких» областей, как литература и искусство) является неизбежным спутником развернутого *социалистического наступления*. Поэтому и проблему кадров—одну из *решающих* проблем индустриализации, которую в настоящее время с таким напряжением решает коммунистическая партия, — нужно брать, как важнейшую *составную часть классовой борьбы* господствующего пролетариата за

социализм. Провал, дискредитация лозунгов «нейтральности» и «аполитичности» втянет значительную массу старой технической интеллигенции в социалистическое строительство в качестве *активных* участников, а не пассивных наблюдателей, будет способствовать быстрому выявлению всякого вредительства и поможет вырвать его, это острое орудие в руках буржуазии против пролетарского государства, из советской почвы.

Ни один класс добровольно не сходит со сцены исторического действия. И именно то обстоятельство, что рабочий класс начал проводить ликвидацию кулачества как класса, вызвало невиданное усиление сопротивления кулачества, осуществление невиданного вредительства с его стороны, бешеные потуги *выйти из состояния изоляции*, созданного в результате правильной политики партии, в результате неослабной борьбы с оппортунизмом внутри партии. *Изоляция кулака* является решающим условием успешного осуществления лозунга ликвидации кулачества, как класса. Все, что помогает кулаку выйти из состояния изоляции, повести за собой часть середняков и бедняков, — а именно к этому социально-политически вели перегибы и искривления партийной линии в коллективизации, — играет наруку кулаку, буржуазии, направлено против рабочего класса, затрудняет и срывает строительство социализма. Усиление сопротивления капиталистических элементов происходит в условиях уменьшения их экономической роли, в условиях выкорчевывания самых корней капитализма.

Но бешеное сопротивление кулачества не отклонит нашу партию и рабочий класс от намеченного ленинского пути. Вредительствующий кулак будет взят в железные тиски пролетарской диктатуры. Громадный рост социалистической промышленности, успешно проводимая реконструкция ее означают в классовом отношении рост и укрепление рабочего класса, рост его сознательности, невиданный взлет его активности, укрепление его руководящей роли, укрепление его позиций как *гегемона*. Развертывание социалистического соревнования и ударничества, открывающих новую эпоху в социалистическом строительстве, усиленная борьба с бюрократизмом являются лучшим тому свидетельством. Рост сознательности и активности рабочего класса нашел чрезвычайно яркое выражение в численном росте, в громадном укреплении руководящей роли и чрезвычайном усилении авторитета авангарда рабочего класса — коммунистической партии. Все, что есть лучшего, передового в рабочем классе и крестьянстве, целые передовые цеха и передовые фабрики, — все тянется в коммунистическую партию. Наш рабочий класс-гегемон чрезвычайно ярко проявил свое руководство всей жизнью и всем строительством посылкой в деревню нескольких десятков тысяч организаторов коллективного движения.

Коллективизация деревни и осуществление политики ликвидации кулачества как класса, на основе сплошной коллективизации, означают радикальный перелом в развитии крестьянства. Радикальный перелом заключается в том, что по-новому ставится теперь вопрос об опоре советской власти в деревне. Тезисы к докладу т. Яковлева на XVI с'езде партии выпукло отмечают это новое:

«Отныне в важнейших зерновых районах СССР деревня делится на две основные части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти, и на неколхозников из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозников, несомненно, убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации».

Это, конечно, ни в какой мере не означает, что бедняк, продолжающий пока вести свое индивидуальное хозяйство, перестает быть опорой рабочего класса. Но нужно в полной мере уяснить себе то *новое*, тот перелом, ко-

торый несет с собой коллективизация и ликвидация кулачества на основе сплошной коллективизации. Нужно понять величайшее значение нового вопроса о правильных взаимоотношениях между колхозниками и единоличниками. Тов. Сталин в своем ответе свердловцам следующим образом сформулировал новое в отношении середняков и бедняков в колхозах:

> «По мере машинизации и тракторизации колхозов они будут сливаться в единый отряд работников коллективизированной деревни. Сообразно с этим должны будут исчезнуть в будущем в наших лозунгах понятия «середняк», «бедняк». (См. «Правда», № 40 от 10 февраля 1930 г.).

Переработка в колхозах мелкособственнической психологии крестьян займет ближайшую историческую полосу.

В деревне имеет место невиданный взлет активности бедняцко-батрацких и середняцких масс крестьянства. Новые формы организации, новые институты победоносно прокладывают себе дорогу в деревню. И на селе — на основе развертывания колхозно-совхозного сектора — вырастает широчайший плацдарм для внедрения и развертывания таких «заводских» форм организации труда, как производственные совещания, как социалистическое соревнование и ударничество. Работа с беднотой и батрачеством, бесспорно, поднялась на более высокую ступень. Развертывается подспудная энергия миллионов, выделяются тысячи и десятки тысяч новых организаторов, крупных талантов, неустрашимых бойцов за социализм. Делается решительный шаг в направлении ликвидации в е к о в о й р о з н и между городом и деревней, закладываются основы единой социалистической организации всего общества.

* * *

П о - н о в о м у ставятся основные вопросы социалистического строительства. Благодарное поле для работы теоретической коммунистической мысли! Теоретическое обобщение богатейшего накопленного опыта и осознание основных черт нового этапа поднимут практическую работу сегодняшнего дня на принципиальную высоту и ускорят на новом этапе наше продвижение вперед к социализму. Использование неисчерпаемого наследства Ленина, руководство ленинским учением о переходном периоде, наконец, прямые указания Ленина сыграют в этой работе теоретической мысли решающую роль.

Но, изучая новый этап, следует избегать шаблона, некритических сравнений, следует в полной мере отдавать себе отчет, что жизнь ушла вперед, что готовых ответов нет. Сейчас не 1921—22 гг.; с тех пор прошло 9 лет богатейшего опыта социалистического строительства. Одним словом, должны быть сугубо подчеркнуты требования диалектики, необходимость учета конкретных условий места и времени.

В 1921 году Ленин, обосновывая нэп, писал:

> «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил».

Преобладающей в стране в то время была мелкобуржуазная стихия. После лет «военного коммунизма» «разорение мелкого производителя еще усилилось, восстановление крупной промышленности еще оттянулось, отсрочилось». Обнаружилась «отсрочка восстановления крупной промышленности, обнаружилась невыносимость «запертого» оборота промышленности с земле-

делием». В таких условиях крайне разорения крупной промышленности на первый план выпирала мелкая промышленность, не требующая крупных затрат. О частнохозяйственном капитализме Ленину приходилось говорить как о «пособнике социализма». Осенью того же 1921 г. Ленин формулирует в общем задачу следующим образом:

> «Н е л о м а т ь старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а о ж и в л я т ь торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, или получая возможность подвергать их государственному регулированию л и ш ь в м е р у их оживления».

Совершенно ясно, что для тех условий мы имеем здесь чеканную ленинскую формулировку задач. Но это не означает, что эту формулировку можно распространить на все времена. Ленин никогда не уставал указывать на конкретные условия, конкретную обстановку, обуславливающие то или иное решение задач.

В своем «Продналоге» Ленин ставит общий вопрос о непосредственном переходе от простого товарного хозяйства к социализму:

> «Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно Это условие — электрификация». Далее: «Б л и ж а й ш и е г о д ы. (Курсив мой. *Г. К.*) надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму».

Решение проблемы у Ленина дается не «вообще», а совершенно конкретное. Ленин четко о г р а н и ч и в а е т свой ответ «ближайшими годами». Но ряд «ближайших лет» уже прошел. Социалистическая крупная промышленность стала мощной силой, определяющей развитие всего народного хозяйства. Партия и рабочий класс накопили громадный опыт социалистической переделки хозяйства. Если в начале нэпа непосредственный переход к социализму был невозможен, то в н а с т о я щ е е в р е м я о н о с у щ е с т в л я е т с я в о в с е в о з р а с т а ю щ е м о б ' е м е, з а х в а т ы в а я в с е н о в ы е м и л л и о н ы б е д н я ц к и х и с е р е д н я ц к и х х о з я й с т в. Но именно поэтому м е н я е т с я наше отношение к капиталистическим элементам. И смехотворно, по-школьнически, было бы возражать против этого, жонглируя отдельными цитатами из Ленина, относящимися к периоду начала нэпа. Руководствуясь учением и указаниями Ленина, партия, на основе богатейшего опыта 8 лет социалистического строительства на рельсах нэпа, пришла к новому лозунгу — ликвидации кулачества как класса. Крупнейшим явлением переживаемого периода является р а д и к а л ь н о е и з м е н е н и е с о о т н о ш е н и й р а з л и ч н ы х о б щ е с т в е н н о - э к о н о м и ч е с к и х у к л а д о в п о с р а в н е н и ю с п е р в ы м и г о д а м и н э п а. Было бы просто смешно в настоящее время выдвигать задачу «оживления капитализма».

В частности, в связи с коренными изменениями в нашей стране, нужно отдать себе также полный отчет в изменении постановки вопроса о борьбе с бюрократизмом. Ленин в своем «Продналоге» чрезвычайно ярко подчеркивает экономический корень бюрократизма.

> При капитализме «развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судейском и т. д... У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие оборота между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними».

В нынешнюю эпоху широчайшей культурной революции, громадного роста активности рабочего класса, роста социалистического соревнования и ударничества и массовой перестройки мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства и нарождения крупно-машинного сельского хозяйства создается совершенно новая обстановка и новые условия для самой решительной, самой беспощадной борьбы с бюрократизмом. Можно и должно сделать ряд решительных шагов по искоренению основ бюрократизма. Совсем не случайным является то обстоятельство, что именно в настоящее время широкие массы трудящихся втягиваются в действенную практическую борьбу с бюрократизмом. Массовый поход на бюрократизм порождается всей новой обстановкой социалистического строительства и правильной политикой партии. Было бы в корне неправильно недооценивать громадного принципиального значения таких форм борьбы с бюрократизмом, как шефство заводов над советскими учреждениями, участие рабочих бригад в чистке советского аппарта и т. п.

Однако возвращаемся к нашей теме.

Ленин не перестает тщательно отмечать все малейшие изменения, которые происходят в народном хозяйстве Советского Союза. Через полтора года после перехода к нэпу Ленин говорит о «решающих результатах» в области товарооборота, именно:

> Мы «начинаем приспособлять хозяйство в направлении стабилизации рубля, что имеет решающее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и громадной массы мелких производителей».

Ленин указывает, что «очень много» достигнуто за это время в области взаимоотношений с крестьянством:

> «Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, определяли общую картину России, почти совершенно исчезли».

Обозревая состояние легкой промышленности, Ленин заявляет: «Здесь наблюдается общий под'ем». Ленин подводит уже некоторые первые итоги в области концессионной политики (а мы помним, что полтора года до этого Ленин этому делу уделял не мало внимания):

> «То, что теперь пишут о концессиях и прочем, ничего почти не содержит, кроме бумаги... Все-таки наша концессионная политика кажется мне очень хорошей. Но несмотря на это, концессий мы еще не видели».

(Несколько смешное поэтому впечатление производит, когда в настоящее время некоторые товарищи вводят концессии чуть ли не как один из основных элементов в определение нэпа). Но поэтому, а также и потому, что «у нас займов не было и мы ничего не получали», восстановление тяжелой индустрии ложилось особенно тяжело на наши плечи. Но и в деле субсидии тяжелой индустрии, — констатирует Ленин, — «мы сделали решительный шаг». «Новая экономическая политика уже теперь дала плюс».

Несколько позднее в своей речи на пленуме Московского Совета в ноябре 1922 г. Ленин говорил:

> «Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, — все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая».

Наконец, мы имеем кооперативный план Ленина, развернутый в его всемирно известной статье от 1923 г. «О кооперации». В этой статье дается программа, в условиях переходного периода, при диктатуре рабочего класса, перестройки мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства в крупное социалистическое хозяйство через кооперацию, минуя капитализм.

* * *

Новый этап социалистического строительства вырос на основе достижений и борьбы партии за последовательную ленинскую политику за весь истекший период. Неуклонно проводимая партией политика быстрой индустриализации страны сделала возможным коренной поворот деревни к социализму. Ключ реконструкции сельского хозяйства — это крупная социалистическая промышленность. Это ленинское положение партия победоносно отстояла в практической работе и борьбе как с троцкизмом, так и с правым оппортунизмом. Не о социалистической реконструкции сельского хозяйства, на основе союза с середняком, помышлял контрреволюционный троцкизм, развивая теорию колониальной эксплоатации крестьянства, поглощения крестьянского хозяйства. Что же касается троцкистской сверхиндустриализации, то, как показывают факты, от нее не остается и следа, кроме кучи мусора и контрреволюционной болтовни. Не о социалистической перестройке сельского хозяйства помышляют правые оппортунисты, эти хвостисты рабочего движения, сдающие позиции социализма кулаку. Правые оппортунисты преклоняются перед мелким индивидуальным хозяйством, они — против быстрого темпа индустриализации, они всячески срывают его, обезоруживая, таким образом, рабочий класс в борьбе с капитализмом внутри страны и с капитализмом мировым.

Коренной поворот деревни к социализму, коренной поворот середняка на путь коллективизации достигнут в результате правильной политики партии, в результате неустанной борьбы с контрреволюционным троцкизмом, неустанного изобличения его антисередняцкой сущности, благодаря неустанно проводимой партией политике союза рабочего класса с середняком; с другой стороны, в результате самой жестокой борьбы с правым оппортунизмом, этой главной опасностью периода, преклоняющимся перед мелким индивидуальным хозяйством и потому сдающим врагу позиции социалистического строительства.

В каком отношении стоит новый этап к нэпу, выводит ли новый этап за пределы новой экономической политики? В спорах, которые имели место, были высказаны самые разнообразные мнения.

Прежде всего приведем наиболее полное определение нэпа, которое дал т. Сталин на XIV с'езде партии:

> «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот пролетарского государства, рассчитаная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики.
>
> Кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма»

Нэп есть правильная политика переходного периода господствующего рабочего класса — политика имеющая мировую значимость. Отбросьте один из элементов, указываемых т. Сталиным, и вы рискуете исказить всю картину, вы рискуете скатиться в болото оппортунизма. Нужно, как подобает диалектику-марксисту, видеть именно «переходную, двойственную природу нэпа» — только при этом условии можно действительно разобраться в сложнейшем переплете противоречивых сил переходного периода. Нэп — это не только отступление (от позиций военного коммунизма), не только перегруппировка сил но и успешное социалистическое наступление.

Такую трактовку нэпа партия успешно отстаивала в борьбе с оппортунистами. К сожалению, еще и в настоящее время путаница продолжает итти по той же линии: и правые и «левые» шатания, с противоположных концов, урезают в нэпе сторону успешного социалистического наступления, рассчитанную на постройку фундамента социалистической экономики.

Нужно отдать себе отчет в том, что в начале нэпа в нашей стране приходилось со всей силой подчеркивать необходимость всемерного оживления оборота между промышленностью и сельским хозяйством. Разруха в результате «военного коммунизма» была невиданно велика; первостепенной задачей являлось оживление производительных сил немедленно и во что бы то ни стало; отсюда и все формулировки об оживлении старого уклада, оживлении предпринимательства, капитализма и т. д. Но вместе с тем партия никогда не стояла на точке зрения свободного от всякого государственного регулирования оборота. В настоящее время, в период успешно проводимого социалистического наступления на капиталистические элементы, на почве быстрого развертывания производительных сил, необходимо выпятить на передний план это государственное регулирование в нэпе, усиление этого регулирования. Основная опасность срыва нэпа, замены его либерально-капиталистической кашицей идет в настоящее время с этой стороны. Последние два—три года были годами бешеной борьбы кулачества против советской политики цен, против государственного регулирования вообще. И правые оппортунисты в нашей партии, пропаганда взглядов которых несовместима с пребыванием в коммунистической партии, верно отражали кулацкие настроения, когда атаковали партию за ее политику регулирования, за ее политику цен, когда клеветали на партию, будто она скатилась к троцкизму, будто она «отменила нэп» и вернулась к политике военного коммунизма. Нужно констатировать, что в пред'явлении коммунистической партии этого обвинения мы имеем единый лагерь буржуазии (и кулачества), меньшевиков и правых оппортунистов.

Оппортунистическую трактовку нэпа мы имеем в настоящее время со стороны тех, кто, забегая вперед, пытается блеснуть особой р-революционностью и критиковать партию «слева».

Именно так приходится расценивать утверждения о том, что проблема «кто-кого» снята, что мы имеем «сплошное социалистическое плато, только кое-где прорезанное расщелинами частнохозяйственного сектора» и т. д. [1]). Эти утверждения лишь по виду революционны, сердцевина же их гнилая, оппортунистическая. Партия повела решительное наступление на капитализм, партия лишь приступила к ликвидации кулачества как класса, — а в этот момент, момент наивысшего напряжения сил и резкого обострения классовой борьбы, появляются неуравновешенные, опьяненные шумом борьбы, потерявшие перспективу, «лево»-настроенные товарищи и кричат армии пролетарских бойцов, ведущих решительное наступление: борьба окончена, вопрос «кто-кого» снят. Эти товарищи тем самым приглашают свернуть наступление. Этот оппортунизм льет воду на мельницу кого угодно, только не армии пролетарских бойцов.

«Сплошное социалистическое плато, только кое-где прорезанное расщелинам частнохозяйственного сектора». Смехотворно! Партия своей правильной политикой лишь добилась, правда, крупнейшего, имеющего всемирно историческое значение, коренного поворота мелкокрестьянской деревни к

[1]) Тов. Вагушевский поступил совершенно правильно, отказавшись от этих формулировок и признав их ошибочность. («Большевик», № 7—8, 1930 г.). Нужно безоговорочно осудить эти, по существу, оппортунистические формулировки.

социализму. Но перед партией во весь рост стоит еще задача закрепить первые крупные успехи коллективизации и завоевать на сторону коллективизации большинство бедняцко-середняцкого крестьянства. Большинство крестьянства еще продолжает вести индивидуальное хозяйство — меньше 30 проц. всех крестьянских дворов вошли в настоящее время в колхозы. Успехи колоссальные — но эти успехи не должны затуманивать стоящих перед партией и рабочим классом еще более грандиозных задач, иначе мы сражение проиграем наверняка. Лишь мелкобуржуазному демократу свойственно кидаться от ура-позиций во время успехов к самому черному пессимизму при первом неуспехе,—пролетарский революционер сохраняет ясную голову и при помощи марксистского метода уясняет себе перспективы.

Правые оппортунисты не видят нового в нэпе, не видят нового этапа, не признают широко проводимого партией социалистического наступления на элементы капитализма, они — против сплошной коллективизации. Поэтому они издеваются — наперекор фактам жизни — над новыми (производственными) формами смычки с крестьянством. Поэтому они вместе с классовым врагом кричат о переходе ленинской партии к военному коммунизму, об «отмене нэпа». Они за «нормализацию рынка», за свободу кулацкого оборота. Они не видят решительных шагов, делаемых в настоящее время в направлении к социалистическому продуктообмену.

Нужно раз навсегда уяснить себе принципиальное отличие теперешнего этапа от «военного коммунизма». Поверхностный наблюдатель усматривает тождество между тем и другим, главным образом, в виду наличия элементов жесткого государственного регулирования, жесткого планирования, решительной борьбы с капиталистическими элементами, с кулачеством в особенности. Но эта аналогия — лишь поверхностная аналогия, чисто внешняя. «Военный коммунизм» был политикой, вынужденной войной, состоянием осажденного лагеря, крайним разорением и распадом, деградацией производительных сил. Нынешняя политика вытекает, наоборот, из факта быстрого роста производительных сил, громадного укрепления социалистических элементов, гигантски прогрессирующих процессов обобществления в стране. Раскулачивание, ликвидация кулачества проводится на основе сплошной коллективизации, чем оно принципиально отличается от раскулачивания 1918 года. Дешевенькие, немарксистские аналогии поэтому пора бросить. Тем более пора бросить, что эти аналогии повторяют точь в точь то же самое, что со сладострастием сосут наши открытые классовые враги за границей.

И правые оппортунисты и «левые» загибщики извращают ленинское учение о нэпе, отходят от него.

Неверно, неправильно также давать для нэпа формулировку: «от штурма к осаде», а формулу: «от осады к штурму» выносить за пределы нэпа. Ложным нужно признать и утверждение о том, что нэп всего лишь «подводит» к разрешению задач непосредственно социалистического строительства в об'еме всего народного хозяйства. Неверно это утверждение, ибо оно, как и предыдущее, смазывает победоносное социалистическое наступление на рельсах нэпа. Нэп не только «подводит» к задаче построения фундамента социалистической экономики — нэп решает эту задачу. Иначе нэп не был бы правильной политикой переходного периода, иначе нэп не имел бы мировой значимости.

Нет нужды, нам представляется, ломать копья над такими определениями, как «закат нэпа», «отмирание нэпа» и т. д. Ни на йоту не подвигает нас вперед такое определение, как «сокращение об'ема нэпа» — наоборот, подобное определение может только запутать, ибо оно стирает те качественные изменения, которыми характеризуется переживаемый Советским

Союзом этап. Не об «отмирании» или «закате нэпа» должны мы спорить: вопрос заключается в том, чтобы дать экономическую характеристику происшедшему в жизни Советского Союза перелому.

На основе громадного роста и реконструкции социалистической промышленности, произошел всемирно-исторического значения поворот в развитии деревни. Деревня стала на путь массовой коллективизации. Бурное развитие процессов обобществления в мелкокрестьянской деревне закладывает прочные основы социалистического продуктообмена между городом и деревней.

Вопрос об организации социалистического продуктообмена имеет решающее значение при обсуждении судеб нэпа. Прочное установление правильного социалистического продуктообмена есть вместе с тем конец нэпа. Ведь для нэпа характерен обмен через рынок, неизбежно связанный с известной «свободой оборота».

На рельсах нэпа мы добиваемся коллективизации деревни и смыкания сельского хозяйства с социалистической промышленностью «в одно целостное хозяйство», что приводит к установлению прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии. Установление же прямого обмена делает нэп с его известной «свободой оборота» излишним.

Ленин в 1921 году писал:

> «Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму. (Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 214).

Завершение коллективизации деревни — на основе индустриализации нашей страны, при осуществлении плана электрификации — означает построение фундамента социалистического общества, установление правильного социалистического продуктообмена.

В борьбе за плановый продуктообмен большое значение имеет и будет иметь контрактация. Контрактация превращается в двусторонний договор о плановой сдаче колхозами государству товарных излишков и о снабжении колхозов со стороны государства необходимыми средствами производства и потребления. Контрактация при этом явится, должна явиться, инструментом повышения товарности и развития элементов обобществления. Связи между колхозами и всей системой советского хозяйства будут крепнуть все больше и больше.

Необходимо отдать себе ясный отчет в том, что нэп есть правильная политика, на рельсах которой мы построим социализм. С неоставляющей никаких сомнений четкостью Ленин писал: «Экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики». (Ленинский сборник, VIII, стр. 68).

Тем самым отпадают все утверждения о том, что уже в настоящее время нашими мероприятиями по коллективизации деревни и закладке основ социалистического продуктообмена между городом и деревней мы выходим будто бы за пределы нэпа. Тем самым отпадают такие утверждения, что между периодом нэпа и социализмом лежит еще какой-то неведомый «переходный период», экономической характеристики которого, однако, никто дать не может.

Для нас руководящим во всей нашей работе является ленинское положение о том, что нэп вполне обеспечивает возможность постройки фундамента социалистической экономики.

* * *

Новый этап в социалистическом строительстве СССР — этап гигантской социалистической реконструкции промышленности и сельского хозяйства, этап развернутого социалистического наступления на капиталистические элементы, этап выкорчевывания самых глубоких корней капитализма.

Новый исторический этап связан с решительным переломом в отношении бедняцко-середняцких масс к колхозам, со сплошной коллективизацией и на этой основе ликвидацией кулачества как класса. На практике строительства происходит массовый непосредственный переход к крупному обобществленному хозяйству мелкого товаропроизводителя, минуя капитализм.

Новый этап выкорчевывания самих корней капитализма неизбежно связан с резким обострением классовой борьбы, с ростом самого ожесточенного сопротивления ликвидируемого на основе сплошной коллективизации кулачества. Обострение классовой борьбы неизбежно вызывает и усиливает оппортунистические шатания в нашей партии.

Между тем идейная монолитность нашей партии, сплоченность и железное единство в ее рядах больше чем когда-либо есть решающее условие успешного продвижения вперед, основное условие успешного решения тех гигантских задач всемирно-исторического значения, которые стоят перед нами.

Главная опасность в нашей партии — справа. Правый оппортунизм отрицает наличие нового этапа в социалистическом строительстве. Правые оппортунисты тянут партию назад, дезорганизуя социалистическое наступление.

Выступая против проводимого партией курса на быструю индустриализацию, правые разоружают нашу страну, они срывают дело индустриализации страны. Стремление правых задержать и свернуть развитие совхозов и колхозов, их курс против коллективизации есть прямой переход на позицию кулаков. Поэтому — усилить огонь по правому оппортунизму, подымающему голову. Беспощадно разбить все позиции правых, — этой главной опасности периода. Одновременно крепко ударить по «левым» загибщикам, усиливающим позиции правых, крепко ударить по остаткам троцкизма. Ни малейшей пощады беспринципному примиренчеству к правому уклону, как главной опасности, и к «левым» загибам. В непримиримой большевистской борьбе на два фронта мы успешно решим задачи эпохи.

Широко проводимое в нашей стране социалистическое наступление на капиталистические элементы имеет поистине громадное значение для всего мирового революционного движения. Социалистическое наступление в нашей стране есть чрезвычайно важная составная часть общего мирового революционного под'ема. Не за горами то время, когда общий революционный под'ем перерастет в непосредственно революционную обстановку. Большими шагами мир идет навстречу мировой социалистической революции.

Б. Борилин.

Коллективизация и проблемы нового этапа нэпа.

Реконструктивный период развития нашего хозяйства вступил в некоторую решающую полосу. Мы приступили к разрешению самой основной задачи, стоящей перед пролетариатом в отношении крестьянского хозяйства, — к коренной переделке мелкокрестьянского хозяйства. Это наиболее трудная и, можно сказать, заключительная глава в развитии экономики переходного периода.

О необычайной трудности этой задачи говорит то, что весь капиталистический мир и вся международная социал-демократия в борьбе с нами держат преимущественно ставку на «крестьянскую проблему» в нашем социалистическом строительстве.

Еще в 1918 г. Ленину в брошюре «Государство и революция» приходилось спорить с Каутским по вопросу об осуществимости задачи превращения крестьянского хозяйства в хозяйство социалистическое в нашей стране. Эта полемика между Каутским и Лениным в настоящее время приобретает особый теоретический и политический интерес.

Каутский тогда писал:

> «Нигде еще и никогда мелкие крестьяне под влиянием теоретических убеждений не переходили к коллективному производству»

На это Ленин отвечал:

> «Напрасно повторяет Каутский беззубые либеральные остроты: «Нигде еще и никогда мелкие крестьяне под влиянием теоретических убеждений не переходили к коллективному производству».
>
> Очень остроумно!
>
> Нигде и никогда мелкие крестьяне большой страны не были под влиянием пролетарского государства.
>
> Нигде и никогда мелкие крестьяне не приходили к открытой классовой борьбе беднейших крестьян с богатыми, вплоть до гражданской войны между ними, при условии пропагандистской, политической, экономической и военной поддержки беднейших пролетарской государственной властью.
>
> Нигде и никогда не было такого обогащения спекулянтов и богатеев от войны при таком разорении массы крестьян.
>
> Каутский повторяет старье, пережевывает старую жвачку, боясь и подумать, о новых задачах пролетарской диктатуры.
>
> А что, любезный Каутский, если у крестьян нехватает орудий для мелкого производства, а пролетарское государство помогает им доставить машины для коллективной обработки земли, есть ли это «теоретическое убеждение» [1]).

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 519.

Здесь Ленин со всей силой подчеркивает пошлость, бессодержательность и лицемерность аргумента, выставленного Каутским, и, с другой стороны, до чрезвычайности ясно вскрывает те особые условия, в которых оказывается крестьянское хозяйство при диктатуре пролетариата и которые неизбежно приводят в развитии экономики переходного периода к такому этапу, когда коллективизация крестьянского хозяйства становится результатом не простого теоретического убеждения, но экономической необходимостью для крестьянства.

В этой же полемике в другом месте Ленин снова возвращается к упомянутому аргументу Каутского. Ленин пишет:

> «Наш «теоретик» (Каутский. Б. Б.) победоносно восклицает:
>
> «Тем, что известная вещь об'является задачей, задача, к сожалению, не решается. Коллективное сельское хозяйство в России осуждено пока на то, чтобы оставаться на бумаге. Нигде еще и никогда мелкие крестьяне не переходили к коллективному производству на основании теоретических убеждений» (стр. 50).
>
> Нигде еще и никогда не было такого литературного мошенничества, до которого опустился Каутский. Он говорит о «теоретическом убеждении», умалчивая о пролетарской государственной власти, имеющей в руках и заводы и товары. Все то, что писал марксист Каутский в «Аграрном вопросе» в 1899 году по вопросу о средствах, имеющихся в руках пролетарского государства для постепенного перевода мелких крестьян к социализму, забыто ренегатом Каутским в 1918 году.
>
> Конечно, несколько сот поддерживаемых государством сельскохозяйственных коммун и советских хозяйств (т.-е. за счет государства обрабатываемых товариществами рабочих крупных хозяйств), — этого очень мало. Но разве можно назвать «критикой» обход этого факта Каутским?...»
>
> «А кроме того, национализация земли дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии» [1]).

Ленин и в этом месте с поразительной точностью предвидения намечает моменты, которые должны привести крестьянское хозяйство к необходимости коллективизации и которые получили полное историческое подтверждение. Пролетариат обладает промышленностью, которая дает крестьянству орудия производства и товары. Национализация земли открывает огромные возможности для внедрения социализма в сельское хозяйство. Последовательная политика классовой борьбы с кулаками и капиталистами все более убеждает крестьянина в правильности социалистического пути развития. Вся политическая и экономическая обстановка, в которой живет крестьянин в Советской стране, ведет к тому же.

Аргументы современной международной социал-демократии в отношении коллективизации поистине ничем не отличаются от того, что писал Каутский в начале нашей революции. Так, в журнале «Gesellschaft» в апрельском номере от 30 г. мы находим статью, посвященную специально «аграрному социализму» в России. В этой статье, конечно, автор выражает «удивление» по поводу того, что происходит в России, и отвергает решительно, как «немарксистские» утверждения о возможности превращения крестьянина в коллективиста, о возможности переделки его индивидуалистического сознания.

> «Эти утверждения, — рассуждает автор, — показывают достаточно, как плохо (!) обстоит дело с научной марксистской (!) мыслью в России. Только, если заранее отказаться от марксистского об'яснения хозяйственных процессов (или сознательно пытаться обмануть массы), можно утверждать, что русский крестьянин стал коллективистом. Как могло частнохозяйственное

[1]) Ленин, т. XV, стр. 522.

существование русского крестьянина создать в нем социалистическое сознание?» [1]).

Так же, как и в начале нашей революции, коллективизация отвергается потому, что крестьянин не мог превратиться в социалиста под влиянием «теоретических убеждений».

Так же как и Каутский, автор полностью отрицает значение национализации земли.

> «Сталин утверждает,—пишется в статье,—что проведение коллективизации облегчается тем обстоятельством, что в России проведена национализация земли. В странах же Западной Европы коллективизация будет проведена с большими трудностями, так как там крестьянин является убежденным собственником, который гораздо более цепко держится за свой клочок земли. Это глубоко ошибочная и полная опасностей (!) установка. В действительности русский крестьянин после Октябрьской революции легко принял национализацию земли, как формальный (!) акт» [2]).

И все это делается во имя «марксизма» [3]).

Нет нужды доказывать, что здесь мы имеем высказывания людей, ничего общего не имеющих с марксизмом, с пролетарской революцией. Наоборот, тот путь, который в строительстве нашего хозяйства мы проделали до настоящего времени, свидетельствует о действительном торжестве марксизма-ленинизма, о том, что предсказания лучших марксистов относительно закономерностей развития крестьянского хозяйства после революции целиком и полностью оправдываются.

Мы подошли к *новому этапу* социалистического строительства на основе той политики, которую мы проводили до настоящего времени. Только буржуазно-либеральное и социал-демократическое толкование нэпа может дать основание для «удивления» по поводу наступления нового этапа в нашем социалистическом строительстве.

Вряд ли необходимо доказывать неправильность такого толкования нэпа. Недавно опубликованные замечания Ленина в конспекте доклада на XI с'езде партии (см. XIII Ленинский сборник), можно сказать, «камня на камне» не оставляют от такого толкования нэпа, которое из нэпа вычеркивает борьбу с капитализмом, политику социалистического преобразования крестьянского хозяйства, великий кооперативный план, борьбу за построение фундамента социалистического общества.

Ленин в этом конспекте, характеризуя нэп, снова повторяет мысль, которую можно найти у него и в других местах, что «общая оценка его (нэпа. *Б. Б.*) уже (была) дана в 1918 г.».

Если это связать с ответом Ленина Каутскому в брошюре «Государство и революция» тоже в 1918 г., то становится совершенно очевидным, что новая экономическая политика в отношении крестьянства сводилась к тому, чтобы рядом постепенных мероприятий подвести крестьянское хозяйство к всестороннему его обобществлению.

Нэп именно эту задачу обобществления ставил перед пролетарской властью в отношении крестьянского хозяйства. Как нельзя более четко фор-

1) Agrarsozialismus in Russland. Там же.

2) Gesellschaft», April, 1930. Olga Domanewskaja, Agrarsozialismus in Russland.

3) «Нужно указать на то, что, к сожалению, и в коммунистической литературе встречается мнение некоторых товарищей, отрицающее огромнейшее значение, которое имеют для развития нашего хозяйства такие мероприятия, как национализация земли, упразднившая абсолютную ренту. Так, совершенно неверным нужно считать мнение т. Розенталя, по которому «национализация земли в одной стране или даже в ряде стран, не имеющих, однако, решающего значения на мировые цены земледельческих продуктов, не приводит в этих странах к уничтожению того излишка рыночной цены над ценой производства земледельческих продуктов, который составляет материальное содержание абсолютной ренты... И в условиях СССР этот излишек сохраняется». («Под Знаменем Марксизма». № 2—3, 1927 г., с. 144).

мулирует эту же мысль Ленин в 21 году в тезисах о тактике Р. К. П., принятых III конгрессом Коминтерна. Ленин в этих тезисах говорит, об'ясняя смысл нэпа в отношении к крестьянству:

> «Главной задачей момента является правильное определение и осуществление тех мер, которые необходимы для *руководства крестьянством*, для прочного *союза с ним*, для *долгого ряда постепенных переходов к крупному обобществленному машинному земледелию*. Эта задача в России особенно трудна как в силу отсталости страны, так и вследствие крайнего разорения ее империалистической и гражданской семилетней войной. Но и помимо такой особенности, эта задача принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встанут перед всеми капиталистическими странами, — может быть, за исключением одной только Англии. Однако, и по отношению к Англии нельзя забывать, что если в ней особенно малочисленен класс мелких землевладельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих, вследствие фактического рабства сотни миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии» [1]).

Совершенно неправильной нужно считать точку зрения тех товарищей, которые думают, что нэп является «в истории переходного периода» чем-то вроде «предистории к непосредственному социалистическому строительству» в сельском хозяйстве и во всем народном хозяйстве в целом (т. К. Розенталь). Нэп был и остался системой мероприятий, направленных в отношении крестьянского хозяйства на неуклонное осуществление задачи перевода мелкого хозяйства на рельсы крупного социалистического хозяйства.

Теорию «предистории» к подлинно-социалистической политике в переходный период нужно так же отбросить, как и прославленную теорию «первоначального социалистического накопления». (Преображенский).

Связанное с этой «теорией» понимание нэпа, как чисто русского явления, повторяет взгляды, давно признанные несостоятельными и порывающие с ленинизмом. Так, т. Бухарин в предисловии к немецкому изданию «Экономики переходного периода» прямо указывал на то, что нэп представляет собою чисто русское явление.

Нэп ставит перед собою задачу неуклонной и ожесточенной борьбы с капиталистическими элементами в нашей стране.

Соревнование социализма с капитализмом, о котором говорил не раз Ленин, это — самое главное, что характеризует нэп. Если мы начали с таких мер, как свобода торговли и т. д., то только для того, чтобы рядом дальнейших мероприятий на рельсах нэпа перейти в *наступление на капитализм*. Под углом зрения успешности этой борьбы Ленин рекомендовал проверять практические результаты нэпа. Ленин писал:

> «Нэп=(1) проверка «смычки» с крестьянской экономикой). (2) проверка соревнования с капитализмом и торговым, и промышленным, и русским, и заграничным» [2]).

Если в первый год нэпа мы имели, по выражению Ленина, «только, только начало (голод и пр.)», «поиски экономической политики», то дальше развитие нэпа, по Ленину, должно было означать «остановку отступления» и «подготовку наступления на частнохозяйственный капитал, как лозунг» [3]).

1) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 313—314.

2) См. Ленинский сборн. XIII, стр. 10.

3) Лен. сборн., т. XIII, стр. 9, 10, 15, 17.

Мощное развитие индустриализации красноречиво говорит об успешном продвижении нашем на этом пути.

Новый этап, наконец, означает полный крах буржуазно-либеральных идей о нэпе тем, что он показал правильность ленинского кооперативного плана, предполагавшего «при господстве нэпа» и «через нэп» добиться непосредственного перехода мелкого крестьянского хозяйства к социализму. Ленин писал: «В достаточной степени широко и глубоко кооперировать русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно» [1]). А «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» [2]).

Таким образом, стратегический план сводился именно к тому, чтобы, начав с отступления, по сравнению с тем, что мы захватили в период военного коммунизма, перейти в наступление, осуществить путем индустриализации и кооперативного плана переход к социализму в сельском хозяйстве, построить фундамент социалистического общества.

Нет ничего более далекого от ленинизма, как представление о том, будто ленинский план нэпа, неот'емлемой составной частью которого является кооперативный план, не предполагал построения «фундамента социализма» и, следовательно, осуществления непосредственного перехода крестьянского хозяйства на рельсы крупного социалистического хозяйства. Ибо «вполне достаточно у нас средств для побед в нэпе и политически и экономически» [3]). А сейчас уже практически доказана возможность участия крестьянства в непосредственном социалистическом строительстве «через нэп». Сейчас

«Не только теоретически доказана, но и проверена на опыте миллионов людей, возможность при диктатуре пролетариата непосредственного перехода от отсталого, малопроизводительного мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства к крупному, коллективному высокопроизводительному хозяйству» [4]).

Подходя к новому этапу, мы должны отчетливо видеть не только связь нового этапа с предшествовавшим хозяйственно-политическим развитием, но и то особенное, что отличает именно этот этап от прежних этапов развития.

Новый этап представляет собой этап реконструктивного периода. Нельзя отделять того, что происходит в сельском хозяйстве от того, что происходит в области промышленности, во всем народном хозяйстве.

Для нового этапа реконструктивного периода характерным является, прежде всего, коренной перелом, который совершился в отношении крестьянства к социализму, к крупному обобществленному хозяйству, процесс осуществления сплошной коллективизации, которую мы имеем уже по ряду районов, и осуществление политики ликвидации кулачества как класса. Это то, что кладет определенную грань, отделяющую этот новый этап от предшествовавшего этапа развития экономической политики. Само собой разумеется, что начало коренной переделки основ мелкого хозяйства связано с принципиальными изменениями в структуре всего народного хозяйства, с одной стороны, и вносит огромные качественные изменения в экономику всей страны, с другой.

Понять то новое, что имеется на этом этапе в целом, является чрезвычайно важным теоретически и политически.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 140.
[2]) Там же, с. 144.
[3]) Ленинский сборник, XIII.
[4]) Тезисы т. Яковлева к XVI с'езду ВКП(б).

Мы имеем некоторые попытки в нашей литературе оценить в целом этот новый этап в развитии экономической политики. Такую попытку мы имеем в статье тов. Бухарина «Великая реконструкция», помещенной в «Правде». Остановимся на некоторых положениях этой статьи. Тов. Бухарин говорит о том, что этот новый этап «неожиданный», «непредвиденный», «непредусмотренный», который «мирно дремал где-то в тяжелых складках истории и вдруг выполз наружу». Верно ли это утверждение? Думается, неверно. Конечно, всякий новый этап приносит с собой нечто принципиально новое и в этом смысле неожиданное, однако, ведь нельзя, с другой стороны, и отделять новый этап китайской стеной от всего того, что было до его наступления. В этом отношении решительно неправ тов. Бухарин, указывая, что этот поворот «где-то мирно дремал в тяжелых складках истории». Несомненно, что мысль правых оппортунистов в нашей партии в свое время «дремала в тяжелых складках истории». Но необходимость поворота не свалилась на партию, как гром с ясного неба, как это выходит у тов. Бухарина. Не будучи в состоянии об'яснить наступление нового этапа на основе развития предшествовавшей политики партии, тов. Бухарин, естественно, продумывает, что мы вошли в новый этап «через ворота чрезвычайных мер». Такое «простое» и «чрезвычайное» вступление в новый этап заставляет искать и «чрезвычайное» (чрезвычайно «революционное»!) содержание нового этапа. И тов. Бухарин находит это новое содержание в «антикулацкой революции», во «втором массовом процессе экспроприации кулачества».

Основное содержание нового этапа тов. Бухарин видит в «антикулацкой революции».

Это неправильно. Мы сейчас приступили к ликвидации кулачества как класса, развитие которого мы в определенных размерах допускали до сих пор, хотя и вытесняли, ограничивали. Но если охарактеризовать новый этап, как антикулацкую революцию, и к этому сводить основное содержание нового этапа, то естественно возникает вопрос,—а что же до настоящего времени мы кулака развивали? Остается только один вывод, с точки зрения тов. Бухарина, что мы кулака развивали, с ним обнимались, иначе не понадобилась бы антикулацкая революция.

Мы до настоящего времени не развивали кулака, а его вытесняли и ограничивали. До нового этапа, в который мы вступили примерно в 1928/29 г., деревня все же абсолютно выделяла капиталистические элементы, потому что она развивалась на основах мелкого товарного производства. Мы в основном на предшествующем этапе нэпа не могли поставить перед собой задачу выкорчевывания корней капитализма, а поэтому и задачу ликвидации кулачества как класса. В этом отличие той политики, которую мы проводили в отношении кулачества до этого периода, и той политики, которую мы начали проводить в период сплошной коллективизации крестьянского хозяйства.

Некоторые товарищи в настоящее время считают, что говорить о том, что капиталистические элементы раньше развивались, что хотя они относительно и уменьшились, но абсолютно все же возрастали—является грехом. В частности, тов. Розенталь в «Большевике», в статье «О барабанном бое и полемическом задоре», бросает мне обвинение в том, что я указываю на эту черту, имевшую место в прежний период нашего развития,—именно на некоторый абсолютный рост капиталистических элементов. Каюсь, что я действительно писал в прошлом году, что предшествующий период давал некоторый абсолютный рост капиталистических элементов и что это было одной из причин обострения классовой борьбы. По этому поводу тов. Розенталь восклицает:

«Борилин иначе, как абсолютным ростом капиталистического сектора, не мог об'яснить обострения классовой борьбы. Невероятно (?!), но факт». (Стр. 100).

Приходится поистине поражаться такого рода обвинению. Верно, что нельзя об'яснять обострения классовой борьбы только абсолютным ростом капиталистических элементов. Но этого мною и не делалось. Первая главная причина этого обострения заключается в нашем решительном наступлении на капиталистические элементы. Но нельзя отрицать действия и того факта, что абсолютно некоторый рост капиталистических элементов происходил. На закономерность выделения капиталистических элементов из простого товарного хозяйства не раз указывал Ленин. Тов. Сталин на апрельском пленуме ЦК в 1929 г. говорил:

«Чем об'ясняется это обострение (классовой борьбы)?

Двумя причинами.

Во-первых, нашим продвижением вперед, нашим наступлением, ростом социалистических форм хозяйства и в промышленности, и в сельском хозяйстве, ростом, который сопровождается соответствующим вытеснением соответствующих отрядов капиталистов города и деревни...»

Во-вторых, тем, что капиталистические элементы не хотят добровольно уходить со сцены, они сопротивляются и будут сопротивляться социализму... А сопротивляться они могут пока еще, так как, несмотря на падение их удельного веса, абсолютно все-таки растут...»

«Вот в чем механика обострения классовой борьбы и сопротивления капиталистов в данный исторический момент». [1]).

Казалось бы ясно, что известный абсолютный рост (при относительном уменьшении удельного веса) капиталистических элементов имел место в предшествовавший период нэпа и что он вместе с первой и основной причиной, заключающейся в решительном наступлении социализма на капиталические элементы, должен был неизбежно вести к обострению классовой борьбы в стране.

Именно так дело и изображено в моей статье, как это, впрочем, видно и из цитат, приводимых самим тов. Розенталем (см. стр. 100 его статьи). Но товарищ Розенталь «удивляется». Мало того, возмущается, негодует. «Ведь это же неслыханно и чудовищно!»—восклицает он.

Нужно напомнить, что мы ботинок не износили с тех пор, как обвиняли тов. Бухарина и его сторонников в том, что они не поняли того, что капиталистические элементы до тех пор, пока существует простое товарное хозяйство, должны в абсолютной мере возрастать, что иначе думать — значит впадать в оппортунизм, отказываться от марксизма. Мною и было сказано это именно по поводу тезисов Бухарина, выставленных на апрельском пленуме.

Выступление тов. Розенталя поэтому нельзя понять иначе, как попытку защитить один из тезисов тов. Бухарина, который был отвергнут партией и который сводился к тому, что капиталистические элементы не обязательно должны вырастать из простого товарного хозяйства.

Тов. Розенталь «обосновывает» свое нападение тем положением, что «у нас примерно с 1926/27 г. происходит абсолютное сокращение капиталистического сектора в народном хозяйстве». Но, во-первых, тов. Розенталь знает, что у меня в статье речь идет о всем периоде нэпа, предшествующем наступлению периода особенно резкого обострения классовой борьбы в реконструктивный период. А, во-вторых, и здесь тов. Розенталь замазывает тот факт, что с 1926/27 г. начал падать абсолютный размер капиталистического сектора только в частной торговле; с 1927/28 г. контрольные цифры показывают падение абсолютного размера и в частнокапиталистической промышленности. Что же касается основной базы капитализма в нашей стране — сельского хозяйства, то абсо-

[1]) Сталин, О правом уклоне в ВКП(б). Стр. 13. (Курсив наш. Б. Б.)

лютное сокращение капиталистических элементов здесь мы начали наблюдать, по сути дела, только со времени упомянутого обострения классовой борьбы, когда мы и вступили в новый этап нашего развития.

В контрольных цифрах на 1928/29 г. мы читаем:

«До 1927/28 г. положение сельскохозяйственного мелкотоварного и полунатурального производства порождает больше элементов капиталистических отношений, нежели социалистических (колхозы). Производственная база обобществленного сектора еще столь слаба, что она пока не служит сколько-нибудь серьезным противодействием развитию капиталистических отношений» [1]).

Зачем понадобилось т. Розенталю скрыть эти факты?

Если т. Бухарин в свое время не видел неизбежного роста кулачества, капитализма из простого товарного хозяйства, то сейчас положение, которое он выставляет как-будто бы прямо противоположно тому положению, которое он раньше выставлял. Раньше, по т. Бухарину, кулак был «совсем маленьким», и был «кругом социализм». Теперь, оказывается, требуется для спасения социализма целая антикулацкая революция, так как, очевидно, кулак рос таким образом, что без революции никак не обойтись. Такая точка зрения неверна. Только в очень ограниченной мере можно охарактеризовать то, что у нас происходит, как антикулацкую революцию.

Процесс коллективизации, проведение политики ликвидации кулачества как класса органически вытекают из развития того реконструктивного периода, в котором мы находимся. В этом существенное.

Реконструктивный период означал гигантское развитие нашей промышленности, огромное укрепление позиций социализма в городе, и это, несомненно, обострило противоречие между развитием в области промышленности и тем отсталым земледелием, которое характеризует мелкое крестьянское хозяйство. Поэтому по мере развития реконструктивных процессов страна вплотную подошла к возможности и необходимости разрешения этого противоречия и к осуществлению задачи коллективизации сельского хозяйства.

Таким образом, важнейшую роль в подготовке массовой коллективизации сыграла прежде всего промышленность. Но не нужно мыслить дело таким образом, что промышленность «автоматически» подвела деревню к социализму. Эту мысль можно встретить в ряде выступлений правых товарищей.

Весьма ошибочным является представление, что развитие крупной промышленности порождает «само по себе» коллективное хозяйство в деревне. Трактор сам по себе не дает еще социализма. Тракторизация может привести и к капиталистическому земледелию. Поэтому весьма упрощенным теоретически, а политически вредным, является следующий тезис, который мы находим в одном документе правых оппортунистов в 1929 г.

«На прошлом этапе развития,—читаем мы там,—главной формой обобществления в деревне была кооперация в товарообороте, и до «открытия» машинно-тракторных станций колхозы не могли играть такой роли, как теперь». (Бухарин, Рыков, Томский).

Интересно, что такое же об'яснение коллективизации мы встречаем и в некоторых буржуазных источниках. Так, английский журнал «Экономист» пишет:

«Успех эксперимента Маркевича заключается в его открытии, что тракторная энергия, применяемая в крупном сельском хозяйстве, так же легко может направляться от одной центральной станции, как и электричество. Это простое открытие было воспринято большевиками с огромным энтузиазмом, которые верят в то, что этим открытием, наконец, найдена

[1]) Контрольные цифры на 1928/29 г., с. 94. (Курсив наш. Б. Б.).

столбовая дорога к социалистическому земледелию. Более чем вероятно, что Маркевич займет в истории социализма место на ряду с «рочдельскими пионерами». Большевики с обычной своей настойчивостью сосредоточили свою энергию на организации тракторных станций и подвижных тракторных колонн. Эти энергичные мероприятия были настолько успешными, что весной и летом 1929 г. число колхозов удвоилось, число охватываемых ими хозяйств увеличилось в пять раз, а посевная площадь выросла в семь раз».[1]).

Бесспорно, что машинно-тракторные станции играли и играют большую роль в организации колхозов. Но можно ли этим одним об'яснить все процессы коллективизации нашей деревни, все то особенное, что характеризует новый этап нашей экономической политики?!

К коллективизации и к новому этапу подвела нас целая совокупность мероприятий нашей политики, целая совокупность условий, созданных предшествующим периодом. Среди этих условий мы должны иметь в виду, прежде всего, огромную реконструктивную роль нашей промышленности, тракторы и комбайны, которые мы дали сельскому хозяйству. К этим условиям мы должны отнести национализацию земли, политику неустанной классовой борьбы против кулачества, осуществление кооперативного плана Ленина. К этим условиям надо отнести работу старых совхозов, колхозов и машинно-тракторных станций, которые оказывали свое влияние на крестьянство. Только если взять всю эту совокупность условий, которые характеризовали предшествующий период, можно правильно понять закономерность наступления нового этапа. В совокупности этих условий, конечно, на первое место нужно поставить реконструктивную роль нашей промышленности, ее гигантское развитие. Это развитие дало нам возможность и заставило перейти к политике развития совхозов и усиления колхозного движения.

При этом нельзя думать, что то, что сделано промышленностью в отношении помощи сельскому хозяйству настолько достаточно, что дальше все пойдет своим чередом, «самолетом». Несомненно, нужны еще огромные усилия в этом же направлении со стороны нашей промышленности, ибо главная основа, которая укрепит окончательно колхозное движение, это—высокая техническая база сельского хозяйства, которая должна быть создана развитием нашей промышленности. Отсюда огромная важность задачи дальнейшего развития высоких темпов роста промышленности.

То, что промышленность дает крестьянству в настоящее время, представляет гигантский шаг вперед по сравнению с тем, что было в восстановительный период нэпа. Поэтому мы имеем и такие революционные процессы в сельском хозяйстве. Но не менее велики и те задачи, которые перед нами еще стоят в отношении развития промышленности для сельского хозяйства. Возьмем вопрос о конкретной помощи сельскому хозяйству тракторами, химией, электричеством. Нельзя сказать, что то количество тракторов, которое мы дали крестьянству до настоящего времени, вполне достаточно для того, чтобы упрочить колхозное движение. Мы сейчас только подходим к той цифре, о которой говорил т. Ленин—100 тысяч тракторов. Но если мы сравним это количество с тем количеством тракторов, которым обладают САСШ, то разница получится очень существенная: в 1930 г. в САСШ будет до 900.000 тракторов [2]). Правда, эффективность использования тракторов у нас благодаря нашему строю производства повышается, по сравнению с Америкой, но разница тем не менее остается большой.

---

[1]) «Economist», 4 января 1930. Revolution by tractor, с. 7.

[2]) На 1 января 1929 г. на всех фермах САСШ числилось 852.989 тракторов. См. Эдвин Норс, Сельское хозяйство. Новейшие изменения в экономике САСШ, т. II, с. 170.

Если взять минеральные удобрения, то в прошлом году мы удовлетворили сельское хозяйство только на 25%, а план известкования был выполнен только на 6,4%.

Больше всего мы отстали в помощи сельскому хозяйству в деле электрификации. Здесь мы находимся только в самом начале пути.

Уже из одного этого следует сделать вывод, что одними тракторами и новой техникой не об'яснишь всего того, что произошло в деревне. Игнорировать процессы классовой борьбы и всю социально-экономическую обстановку, в которой находилось крестьянство и которая подвела к коллективизации, было бы ошибочным и означало бы как недооценку того огромного воздействия, которое промышленность еще должна произвести на сельское хозяйство, так и того значения, которое имеют в деле коллективизации, целый ряд других факторов, помимо промышленности и новой техники.

Ясно, что в подготовке нового экономического этапа принимали участие целый ряд условий: огромные темпы развития нашей индустрии, развитие кооперации, классовая борьба, то воздействие, которое оказывали старые колхозы и совхозы, машинно-тракторные станции и т. д. Все это вместе взятое и подготовило тот новый этап, в который мы вступили.

* * *

Очень важной задачей является понять своеобразие новых общественных отношений, которое мы имеем в области сельского хозяйства, и те новые черты, которые наблюдаются в развитии нашей промышленности и в общей системе народного хозяйства. Это является не менее важной задачей, нежели понять закономерность наступления нового этапа.

Мы встречаем сейчас в деревне целую систему новых общественных отношений производства, находящихся в процессе «становления». Новые отношения в экономике сельского хозяйства решительно изменяют соотношение различных элементов и типов хозяйства в деревне. Здесь перед нами возникает вопрос относительно качества тех новых социалистических форм хозяйства, которые в деревне растут, возникает вопрос относительно различия в этих формах, ибо социалистические формы в хозяйстве крепнут и развиваются сейчас таким образом, что мы имеем разные ступени коллективизации. Например, зерновые районы характеризуются наиболее высокой ступенью коллективизации и дошли до уровня сплошной коллективизации, чего нельзя сказать о ряде других районов.

В различных районах причины, которые привели крестьянство к коллективному сельскому хозяйству, не всегда однородны. В различных районах мы имели различную крепость партийных и бедняцких организаций, различную интенсивность проведения борьбы с кулачеством, различную степень развития кооперации и т. д., т.-е. различную силу действия тех именно факторов, которые подготовили коллективизацию. Напр., на Кубани мы ранее имели до 30% коллективизированных хозяйств. Естественно, что эти колхозы подготовили почву для сильного развития коллективного хозяйства и при этом на высокой ступени. В ряде мест, как это показал опыт Шевченковского совхоза, огромную роль играли машинно-тракторные станции. Но опять-таки нельзя было бы сказать, что всюду, где развились колхозы, существовали машинно-тракторные станции. Если взять колхозы на Урале, то там они в значительной мере возникали в результате упорной классовой борьбы на основе простого сложения крестьянских орудий производства, о котором говорил т. Сталин.

Таким образом, следует видеть различие условий коллективизации в разных районах.

Понятно, что и формы об'единения в различных местах неодинаковы. Однако, в основном следует различать три формы об'единений: общество по совместной обработке земли, артель и, наконец, высший тип колхозного об'единения — коммуну. Наряду с колхозными об'единениями мы встречаемся с огромным количеством совхозов, которые представляют собой государственные социалистические сельскохозяйственные фабрики в собственном смысле слова.

Вот те главные социалистические формы, которые имеют место в деревне в настоящее время.

Они отличаются друг от друга прежде всего степенью обобществления средств производства.

Другим важным вопросом при изучении новых общественных отношений в деревне является вопрос о размерах колхоза и социалистической хозяйственной единицы вообще. Мы встречаем положение, когда оптимальная величина колхоза, не механизированного, равняется 15 — 30 тыс. га (Нижняя Волга). Однако, развитие это определяется целым рядом условий и в первую голову техническими условиями. Это в достаточной степени подтверждено практикой «гигантомании».

Преимущества, которые таит подлинно крупное машинизированное сельское хозяйство, впервые раскрываются в нашей стране. Маркс доказывал необходимость победы крупного сельского хозяйства, но марксисты не могли никогда, конечно, учесть в такой мере преимущества крупного сел. хозяйства, как они обнаруживаются на развитии нашего сельского хозяйства. Здесь, конечно, огромное значение имеет вся система, экономическая и политическая, в которой живет наше крестьянство и, в первую голову, национализация земли, котрая не ставит никаких границ собственности для создания крупного хозяйства.

Достаточно указать только на такую «мелочь», как переброска тракторов, которая у нас практикуется. Мы имеем огромные возможности в смысле максимального использования нашего тракторного парка.

Наряду с колхозами и совхозами нельзя забывать еще ряд других, более простых форм кооперативных об'единений: снабженческо-сбытовую, сельскохозяйственную и кустарно-промысловую кооперацию. Недооценка роли кустарно-промысловой кооперации совершенно недопустима, ибо через участие в кустарно-промысловой кооперации можно втягивать огромную массу кустарей в производство кооперативное, становящееся все более и более социалистическим производством.

Чем дальше будет укрепляться общественный сектор сельского хозяйства, тем все больше между отдельными формами общественных и хозяйственных организаций в деревне будет устанавливаться тесная связь и, несомненно, будет обеспечиваться, при правильной политике, восхождение на все более высокую ступень коллективизации в целом. И здесь передовая роль совхозов и машинно-тракторных станций является гигантской.

Всем этим не исчерпываются новые формы общественных отношений, которые характеризуют современную деревню, остается еще чрезвычайно важная и обширная сфера новых отношений, возникающих между социалистическими и становящимися социалистическими формами производства, с одной стороны, и индивидуально-крестьянским хозяйством — с другой. Нужно добиться того, как говорит Ленин, чтобы

> «крестьянин видел в каждой коммуне, артели, товариществе союз, отличающийся не тем, что он получает казенное пособие, а тем, что в нем собраны лучшие представители рабочего класса, не только проповедующие социализм для других, но и умеющие осуществлять его сами, умеющие показать, что они даже при худших условиях умеют коммунистически хозяйничать и помогать, чем могут, окрестному крестьянскому населению. По этому пункту не может быть никаких оговорок, тут нельзя ссылаться на бестоварье, на отсутствие семян или на падеж скота. Здесь мы получаем проверку, которая, во всяком случае, позволит нам сказать определенно, насколько мы практически овладели той трудной задачей, которую мы перед собой оставили» [1]).

В отношениях между обобществленным сектором и индивидуальным крестьянством должен складываться новый, переходный к коллективистическому, тип связи между средствами производства и рабочей силой.

Здесь же возникает вопрос относительно контрактации.

Ни в коей степени нельзя мыслить развитие и укрепление социалистического сектора хозяйства, как некоторый мирный и спокойный процесс. Само собой разумеется, что внедрение коллективизации будет итти в обстановке классовой борьбы. Игнорирование этого факта было бы в высшей степени пагубно.

Все это приобретает особенное значение в связи с вопросами организации труда внутри колхоза, установления определенных форм оплаты, обобществления фондов и т. д.

Продолжительное время мы будем иметь и внутри колхозов как бы параллельное существование индивидуального и коллективного хозяйства. Процесс борьбы этих двух «половинок» и будет процессом социалистической переделки крестьянина.

С полной определенностью можно сказать, что колхоз является новой более высокой формой движения производительных сил сельского хозяйства. Если первое время колхозы в ряде мест дают ряд дополнительных издержек производства, если кое-где они первое время даже отстают от индивидуального хозяйства (напр., по техническим культурам), то по истечении определенного времени, когда происходит процесс укрепления колхоза, колхозы дают решительное повышение эффективности. Но и на первых порах очень часто колхоз дает значительное увеличение урожайности, понижение себестоимости и т. д.

Преимущества крупного производства в совхозе могут быть продемонстрированы на ряде показателей. Урожайность в зерносовхозах по сравнению с окружающими крестьянскими хозяйствами выше на 30%. Себестоимость пшеницы в совхозе «Гигант» в два раза ниже помещичьего хозяйства довоенного времени.

В связи с бесспорным вопросом о преимуществах крупного хозяйства в деревне курьезное зрелище представляют попытки социал-демократической прессы всячески замазать этот факт путем простого «отрицания». Так, в упомянутой уже выше статье мы читаем, что никаких преимуществ перед индивидуальным хозяйством колхоз в России не имеет, а даже наоборот.

Но уже опыт простого об'единения крестьянских средств производства в ряде мест с несомненностью показывает, что мы здесь имеем значительное повышение производительности и эффективности хозяйства.

Автор этой же статьи ссылается на указание т. Ярославского в одной статье, где последний говорит, что себестоимость пшеницы в одном из крупнейших колхозов ниже, нежели в крестьянских хозяйствах. Из этого автор

---

[1]) Ленин, т. XVI, с. 399.

статьи делает такой вывод: раз Ярославский сказал, что себестоимость в одном из крупных колхозов ниже, нежели в крестьянском хозяйстве — значит в других колхозах она выше [1]). Такое заключение является поистине смехотворным.

При правильной организации крупные хозяйства должны явиться формой мощного развития производительных сил в деревне.

Гигантская перестройка, происходящая в области общественных отношений в деревне, означает, что самая структура сельхозпроизводства сейчас принципиально изменилась. Сейчас «меняется самое соотношение различных экономических укладов в хозяйстве СССР» (тезисы т. Яковлева).

Решающий сдвиг в сельском хозяйстве изменяет принципиальную картину всего народного хозяйства. Сила, удельный вес различных экономических укладов иные, нежели в начале развития нэпа.

В зерновых районах в основном мы имеем разбивку на два сектора, при чем обобществленный сектор является в достаточной мере мощным. Таким образом, тут картина качественно иная, нежели та, которая была до настоящего времени.

Это, как известно, изменяет постановку вопроса о политической опоре советской власти в деревне. В районах сплошной коллективизации крестьянин-колхозник стал действительной и прочной опорой советской власти.

Чрезвычайно важно учесть ту мозаичность различных форм хозяйства и, в первую голову, форм обобществленного сектора, которая создана в деревне в результате наличия разных ступеней обобществления производства в сельском хозяйстве. В сложной картине, которую представляет современная деревня можно ясно прощупать основную тенденцию ко все большему укреплению более высоких форм об'единений. Но ни на одну минуту не следует упускать из виду мозаичность и сложность переплета различных форм в настоящее время. Если взять общество по совместной обработке земли, то это нечто иное, нежели коммуна. Таким образом, целый ряд естественных переходов в колхозном движении требует своего внимательного изучения.

Чрезвычайно острая задача, которая возникает, это — задача борьбы колхозов с кулачеством, кулачеством, которое еще продолжает существовать в ряде районов и которое также будет вести борьбу против коллективизации.

Подводя итог основным изменениям в производственных отношениях деревни, можно сказать, что несмотря на те трудности, которые предстоят по линии ожесточенной классовой борьбы с кулачеством, коренной перелом в крестьянстве, поскольку мы имеем уже сплошную коллективизацию сельского хозяйства в основных зерновых районах, уже произошел. Поэтому можно с уверенностью сделать и тот вывод, что этап, который мы переживаем, является процессом дальнейшего развития, а затем и завершения постройки социалистического фундамента общества, т.-е. осуществления той основной задачи, которую пролетариат поставил перед собой в переходный период.

Ленин говорил, что нэп представляет собою переход от военного коммунизма к социалистическому продуктообмену или к «социализму, с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении (т. XVIII, ч. 1, с. 214)» Новый этап, характеризующийся, прежде всего, гигантскими сдвигами в сельском хозяйстве, и подводит нас вплотную к осуществлению этой цели, поставленной пролетариатом в нэпе и формулированной т. Лениным.

[1]) Agrarsozialismus in Russland. «Gesellschaft», April. 1930, c. 342, 343.

* * *

Отношения между сельским хозяйством и промышленностью, как они сложились в первый период нэпа, не могли не претерпеть серьезных качественных изменений в связи с процессами коллективизации. Возьмем, например, проблему отношения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Эта проблема сейчас стоит значительно иначе, нежели раньше. Прежде всего, фактическая картина отношения между индексами цен сельскохозяйственных и промышленных товаров значительно изменилась. Если взять продовольственные продукты сельскохозяйственного происхождения, то в течение года цены на них повысились примерно на 17%. Значительное повышение цен, мы имеем и по продуктам, представляющим сельскохозяйственное сырье для промышленности. Это существенно изменяет проблему. С другой стороны, цены для нас не являются в настоящее время таким орудием воздействия на крестьянское хозяйство, каким они являлись в прежнее время — первый этап нэпа. Мы имеем в большей мере иные формы и средства связи с сельским хозяйством, нежели воздействие на него через политику цен. Конечно, существования рынка и цен в течение еще определенного времени нельзя недооценивать, но нельзя и не видеть того, что сейчас есть налицо и иные способы воздействия на крестьянское хозяйство.

Вопрос о товарности крестьянского хозяйства приобретает сугубо важное значение с точки зрения новых связей между сельским хозяйством и промышленностью. Здесь целый ряд вопросов еще является неясным, но, несомненно, мы должны исходить из того, что коллективное хозяйство, которое укрепляется, несмотря на усиление потребительских тенденций в первое время, должно дать значительное увеличение товарности сельскохозяйственного производства и, следовательно, должно дать усиление «обмена веществ» между сельским хозяйством и промышленностью. Опыт колхозов 1928 — 29 г. показывает на значительное усиление товарности по сравнению с крестьянским хозяйством (в ряде случаев процентов на 50). Ясно, что и новые колхозы, которые возникли в 29/30 году, должны будут итти по пути усиления товарности колхозного сектора должны быть нормированы и вмешательством государства.

Несмотря на значительные ошибки, которые были сделаны в ряде мест в отношении контрактации, несмотря на недооценку, которая кое-где существовала, контрактация должна в дальнейшем своем развитии весьма существенно изменить картину отношений между промышленностью и сельским хозяйством. Это в основном будет тип организованной связи между сельским хозяйством и промышленностью. Если сравнить ее с рыночным обменом, который имел место в первом этапе, то мы будем здесь иметь все большее приближение к тому социалистическому продуктообмену, о котором говорил т. Ленин. Именно контрактация является той формой, через которую этот социалистический продуктообмен будет все более и более укрепляться.

С контрактацией мы сталкиваемся и в капиталистических странах, так, в Америке тресты (сахарный, табачный и др.) связываются с окрестным крестьянством, с фермерскими хозяйствами на основе известной договоренности. Но наша контрактация представляет собою качественно отличную форму связи. Не говоря уже о классовой природе этой связи, советский тип контрактации представляет собой организованные отношения в собственном смысле слова, в то время как в капиталистических странах отношения

контрактации являются лишь одним из моментов в общей цепи анархо-капиталистических отношений.

Огромное значение приобретает проблема перелива труда из сельского хозяйства в промышленность, который всегда происходит в связи с индустриализацией и который имеет место и у нас. Еще продолжительное время сельское хозяйство будет поставлять известный избыток труда в промышленность. Источником безработицы у нас является, прежде всего, аграрное перенаселение. Аграрное перенаселение—явление, присущее и капиталистическому земледелию. В этом смысле можно провести некоторую аналогию с капиталистическими странами. Там сельское хозяйство также поставляет свободные рабочие руки для промышленности. Но отношения, которые возникают сейчас в связи с расширением колхозного движения, наносят закону стихийного отлива труда из деревни решительный удар. При все большей организации и развитии колхозного движения отношения обмена трудом между промышленностью и сельским хозяйством будут развиваться на рельсах организованных отношений. Мы в состоянии сознательно и по плану организовать этот поток рабочей силы, использовав часть рабочей силы в сельском хозяйстве и забирая необходимое количество рабочих рук для нашей промышленности.

Развитие колхозного движения нанесет последний удар и закону стоимости рабочей силы в СССР, ибо если господство закона стоимости рабочей силы было в основном ликвидировано социалистическими отношениями в промышленности и нашим трудовым законодательством, то сейчас закону стоимости рабочей силы наносится последний удар с другого конца, со стороны до сих пор перенаселенной деревни.

Закон стоимости рабочей силы управляет движением заработной платы в капитализме. Изменения зарплаты в условиях капиталистического хозяйства определяются, прежде всего, наличием резервной рабочей армии, источник которой лежит, с одной стороны, в вытеснении рабочих новой техникой в промышленности, с другой—в том избытке рабочих рук, которые выбрасывает сельское хозяйство в город. Положение о законе капиталистической резервной армии было развито Марксом и позаимствовано у него даже некоторыми буржуазными экономистами. Так, немецкий экономист Франц Оппенгеймер построил даже специальную теорию зарплаты, которая, по его мнению, в капиталистическом обществе определяется тем уровнем зарплаты, который существует у последнего сельскохозяйственного пролетария-батрака или кули, как он его называет (Grenzkuli).

Представим себе всю систему зарплаты, говорит он, в виде пирамиды, основанием которой является зарплата этого кули. «Если базис пирамиды заработной платы повышается, то вместе с ним подымаются и все верхние этажи»[1]). Вот в каком виде преподносит этот буржуазный экономист идею Маркса о влиянии избытка рабочей силы в сельском хозяйстве на уровень зарплаты при капитализме.

Если мы теперь возвратимся к картине, которая возникает у нас в связи с коллективизацией, то ясно, что здесь закону стоимости рабочей силы будет нанесен последний удар.

С другой стороны, по-новому ставится и вопрос об урбанизации населения. Этот процесс, который имеет место во всех индустриализируемых странах, должен будет протекать у нас в связи с новым типом сельскохозяйственных отношений значительно иначе. Большинство населения, конечно, с течением времени будет занято у нас в индустрии. Но в капиталистических странах перелив труда в города происходит посредством применения методов эксплоатации сельского хозяйства, посредством хищнического высасывания всех соков из деревни. В связи с новыми типами отношений между сельским хозяйством и промышленностью становится все более ясным, что развитие наших городов, конечно, не будет итти тем же путем создания огромных городских центров, играющих роль «пауков» в отношении сельского хозяйства. Даже вопрос о количественных закономерностях этого процесса будет стоять иначе, так как мы ставим перед собою задачу не только развития городов, но и задачу индустриализации самого сельского хозяйства в таких размерах, на которые капиталистические страны совершенно не способны.

[1]) Franz Oppenheimer, Das Grundgesetz d. Marxschen Gesellschaftslehre, с. 127.

Было бы грубой ошибкой не видеть диспропорции в развитии, которая существовала до настоящего времени и дает себя чувствовать и сейчас между промышленностью и сельским хозяйством. Если взять текущую кон'юнктуру в течение первого полугодия, то мы имели превышение плана увеличения продукции со стороны легкой индустрии, но в течение второго полугодия мы будем иметь простои вследствие недостатка сельхозсырья. Тут некоторую роль сыграли ошибки, сделанные на местах, просчеты в планировании, но решающую роль играет безусловно отставание мелкого раздробленного хозяйства от быстро развивающейся индустрии. Эту диспропорцию нужно ясно видеть.

Но чрезвычайно важно отметить (против всех сторонников теории «узких мест»), что мы в настоящее время обладаем иными способами ликвидации этой и других диспропорций, нежели те, которыми мы обладали до сих пор. Раньше установление связи между промышленностью и сельским хозяйством производилось преимущественно через стимулирование и развитие индивидуального крестьянского хозяйства, через рынок. На этом обходном и относительно длинном пути мы достигали воздействия на экономику сельского хозяйства. Теперь же мы ставим перед собою задачу развития колхозного движения. В связи с этим мы можем разрешать диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью на другом пути и более быстрым способом, нежели раньше. Здесь возникают огромнейшие возможности непосредственного воздействия на сельское хозяйство, а благодаря наличию крупных хозяйств неизмеримо более быстрого темпа изживания диспропорций. Этим в большей степени об'ясняется и то, что мы в настоящее время, несомненно, имеем огромное расширение возможностей нашего планового воздействия на народное хозяйство вообще.

* * *

Неоднократно подчеркивались особенности развития в области промышленности в реконструктивный период. Однако, новый этап реконструктивного периода привносит новые черты и в развитие самой промышленности. Здесь, прежде всего, нужно отметить темпы развития нашей промышленности. Новый этап должен нам дать укрепление политики высоких темпов развития нашей промышленности. В этом отношении огромное значение приобретают новые предприятия. Как известно, по группе «А» (тяжелой индустрии) процент новых предприятий равен 10,9, по группе «Б» — 16,2. Но развертывание капитального строительства, организация новых предприятий означают открытие новых огромных ресурсов в деле развития высоких темпов индустриализации. Если на старой технике, на использовании основного капитала, который остался от прошлого, были доказаны несомненные преимущества социалистической системы, то эти преимущества скажутся в еще большей степени, когда в ход будут пущены новые предприятия с новой высоко-развитой техникой[1]).

[1]) На это обстоятельство обращает внимание т. Манюрин в своей статье в «Большевике», № 9.

Таким образом, на новой ступени продолжается соревнование с капиталистическим миром и демонстрируются преимущества нашей системы в области промышленности.

Но не только в области движения производительных сил и в отношении темпов нашего дальнейшего развития мы имеем нечто новое по сравнению с предшествующим этапом. Если мы возьмем форму организации труда в промышленности, то, несомненно, глубоко ошибочным было бы недооценивать новые формы, которые развиваются на наших глазах. Эти два процесса связаны друг с другом теснейшим образом—высокие темпы развития нашей индустрии связаны с социалистической организацией и с теми новыми формами труда, которые в промышленности возникают, и наоборот.

Если взять только сухое перечисление новых отношений в области промышленности — 7-часовой рабочий день, непрерывка, соцсоревнование, ударничество, доведение промфинплана до цеха и станка, то совершенно несомненно, что это глубокие качественные сдвиги экономического, структурного порядка.

Наша промышленность все более становится единым планово-работающим организмом, а достижение этого как раз и есть начало разрешения коренной задачи, которая всегда в области развития нашего хозяйства перед нами стояла. Ленин говорил:

> «Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи» [1]).

Анализируя новые формы отношений в нашей промышленности, нельзя не притти к выводу, что эта основная задача осуществляется во все большей и большей мере. Здесь происходят не только количественные, но и качественные сдвиги, ибо доведение промфинплана до станка означает, что действительно план начинает охватывать миллионы людей, миллионы людей начинают им руководиться и им руководить. Производство становится все более непосредственно общественным, это ощущается прямо физически.

В свое время были длительные споры о единстве регулятора нашей системы. Сейчас спор этот разрешен практически. Сама жизнь продемонстрировала, что в нашем хозяйстве есть безусловное единство регулирования, которое выражается в нашем народно-хозяйственном плане. Чем дальше укрепляется промышленность, чем дальше будет коллективизироваться сельскохозяйственное производство, тем все более план будет становиться подлинным единым регулятором нашего хозяйства. Поэтому нужно считать, что совершенно правильно то указание, которое делается в тезисах тов. Шверника, где говорится о все возрастающем значении плана. Последний на длительное время устанавливает отношение между различными элементами народного хозяйства, между промышленностью и сельским хозяйством, накоплением и потреблением и т. д.

Мы осуществили ряд новых пунктов из нашей программы партии. В нашей программе говорится, что необходимо всемерное сокращение рабочего дня. Мы сократили рабочий день до 7-ми часов и, несомненно, скоро будет поставлен вопрос и относительно возможностей дальнейшего сокращения.

[1]) Ленин, т. XV, с. 125.

В черновом наброске проекта партийной программы, составленном Лениным, говорится о необходимости организации соревнования между производствами, коммунами и т. д. Там мы читаем:

> «Организация соревнования между различными (всеми) потребительско-производительными коммунами страны для неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов, для постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки, для постепенного выравнивания всех заработных плат и жалований во всех профессиях и категориях» [1]).

Мы имеем в области соцсоревнования начало осуществления этой идеи, что до настоящего времени нам было не под силу.

Ленин часто говорил о необходимости «выдержанного», «дисциплинированного» «коммунистического труда» — именно к осуществлению этой задачи мы в области промышленности и приступили. Переходом к новым социалистическим формам труда открывается «новая эпоха в социалистическом строительстве» (тезисы т. Куйбышева).

Ленин указывал на необходимость организации хозяйственного соревнования примером, показом, писал о введении «отчетности и гласности» в хозяйственной работе и т. д. (См. Ленин, т. XV, стр. 211).

Мы к этой задаче также в настоящее время приступили, потому что мы упразднили основное препятствие, которое в капиталистическом обществе стоит на пути общественного развития производства,—упразднение частной собственности и коммерческой тайны. Если социал-демократы говорят относительно хозяйственной демократии в рамках капиталистического общества, то это ничего, кроме обмана не представляет, ибо коммерческая тайна продолжает оставаться святыней для капиталистических предприятий. Как выразился германский капиталист Сименс, капиталисты любят совершать свои дела спокойно и в тишине. (Wir machen unsere Geschäfte viel besser ruhig und im Stillen [2]). Как возможны при существовании частной собственности и коммерческой тайны хозяйственная демократия, контроль масс над предприятиями? Но это может быть осуществлено в нашей системе, и к этому мы сейчас вплотную приступили.

Ленин указывал:

> «коммунизм начинается там, где появляется забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом» (т. XVI, стр. 255).

Доведение плана до станка и цеха означает начало осуществления этой коммунистической идеи.

Сейчас производится организационная перестройка во всем народном хозяйстве. Происходит перестройка нашего хозяйственного аппарата. Достаточно сослаться на кредитную реформу, на централизацию кредитования в руках госбанка. Уже в капиталистическом хозяйстве, в эпоху финансового капитала развивается тенденция к сокра-

[1]) Ленин, т. XV, с. 163.

[2]) Verhandlungen und Berichte des Unterauschusses für allgemeine Wirtschaftsstruktur. Wandlungen in den Rechtsformen der Einzelunternchungen u. Koncerne. Berlin, 1928, c. 430.

щению роли коммерческого и вексельного кредита, но капиталистическое хозяйство, конечно, не в состоянии реконструировать в основном кредитную систему, отказавшись от вексельного коммерческого кредита, составляющего ее базу. Мы же благодаря кредитной реформе в состоянии об'единить все кредитные ресурсы и, следовательно, контроль над тем, что происходит в промышленности и в народном хозяйстве, в одних руках.

Банки, благодаря введению прямого банковского кредитования (по контокорренту), начинают превращаться в «узловые пункты общественного счетоводства при социализме», о чем говорил Ленин.

Реформа в области кредита связана с изменениями в области управления нашей промышленности. Предполагающаяся перестройка аппарата плановых органов также означает переделку всего нашего народного хозяйства в связи с новым этапом.

Конечно, за всеми этими качественными и структурными сдвигами нельзя не замечать отрицательных сторон: того, что на ряду с новыми формами мы имеем еще высокую себестоимость, невыполнение качественных показателей в области развития промышленности, недостаточно высокие темпы развития производительности труда, но ясно, что это недостатки организации работы, но не недостатки нашей системы.

Несколько слов о судьбах рынка в нашей стране. Конечно, рынок будет еще существовать определенное время и через него будет происходить связь с крестьянским хозяйством. Но новый этап демонстрирует чрезвычайно выпукло те внутренние границы, которые развитию рыночных отношений поставлены нашей экономической политикой и нашим строем. Мы, например, не смогли, как указывал т. Молотов, путем кредита, рыночным путем произвести мобилизацию средств крестьянского населения так, как мы раньше предполагали. Но то, что нам не удалось на пути через рынок, через кредит, нам удалось на другом пути, на пути коллективизации сельскохозяйственного производства. Здесь произошла, как говорит т. Молотов, доподлинно массовая мобилизация средств крестьянского населения. Этот пример показывает на имманентные пределы развитию рыночных отношений, которые поставлены нашим строем и нашей политикой.

Новый этап поведет к дальнейшей переделке рыночных отношений. Рыночные отношения еще продолжительное время будут существовать, но это будут не те отношения по существу, которые были в первый период нэпа.

Все это ставит перед нами задачу изучения новых социалистических отношений, проблему изучения социализма. До сих пор, к сожалению, этим почти не занимались. Принято считать, что все знают, что такое социализм. Но здесь возникает целый ряд теоретико-экономических проблем. Вся совокупность новых общественных отношений требует своего тщательного теоретического исследования. Это задача современной теоретико-экономической коммунистической мысли. Нельзя сказать, что поскольку рынок уходит в прошлое, поскольку стихия отмирает в нашем хозяйстве, постольку «оголяется» «материально-технический процесс производства», все отношения становятся ясными и простыми и изучать нечего. Это ошибка, которую делал в свое время и еще и сейчас т. Бухарин [1]).

Новый общественный строй, вырастающий на наших глазах, нуждается в теоретическом изучении со стороны политэкономии.

У Ленина можно встретить ряд определений социализма.

[1]) См. Бухарин.—Техника и экономика в плановом хозяйстве. «За Индустриализацию»

В «Заметках публициста» (Ленинский сборник XI) Ленин дал определение социализма, как учета и контроля. «Учет и контроль, как сущность социализма»,—писал Ленин.

Затем Ленин дает и другое определение социализма. «Социализм есть уничтожение классов»,—говорит Ленин.

Наконец, в третьем определении Ленин со всей силой подчеркивает значение нового уровня производительных сил, нового качества техники в будущем социалистическом обществе. «Социализм это — советская власть плюс электрификация».

Не стоит искать «противоречий» между этими тремя определениями— они представляют собою диалектическое единство. Ясно, что социализм представляет собою такую форму общественного хозяйства, которая основана на плановых началах, предполагает уничтожение классов и является формой мощного развития производительных сил. Социалистические формы возникают на базе производительных сил, созданных еще при капитализме, но социализм создает возможности для нового гигантского развития производительных сил — для электрификации и пр.

Изучение социализма во всем многообразии его определений, в закономерностях его движения—это та задача, которая в связи с нашим приближением к социализму чрезвычайно остро встает в настоящее время перед политэкономией. Когда-то изучением социализма занимались утописты, великие утописты—предшественники марксова социализма, а сейчас этим делом должны заняться марксисты-коммунисты.

Новый этап представляет собою качественно отличный от прежних этапов нашей экономической политики этап развития, новую ступень в развитии нашей революции. Самое главное в марксизме — это не раз вспоминалось, — способность познать то особое, специфическое, конкретное, что характеризует каждый данный исторический момент. Также нужно подойти и к новому этапу. Ленин писал: «Волны революции набегают одна на другую не гладко, неравномерно, не по-одинаковому» [1]). Ленин придавал огромное значение вопросу о понимании разных стадий, ступеней революции, ибо революция не есть гладкий, спокойный процесс, но процесс ступенчатый, прерывистый, противоречивый.

Мы сейчас переживаем такую стадию нашей революции, когда волна революции набежала чрезвычайно бурно, по-новому, отлично, по сравнению с относительно спокойным течением в другие этапы.

Есть ли этот новый этап возврат к военному коммунизму? Целый ряд буржуазных высказываний о новом этапе за границей, почти все меньшевистские и буржуазные газеты характеризуют нынешний этап, как возврат к военному коммунизму. Уже это должно предостеречь нас от того, чтобы характеризовать этот новый этап, как этап возврата к военному коммунизму.

Военный коммунизм прежде всего характеризовался организацией хозяйства, вызванной условиями гражданской войны. Когда во время военного коммунизма социал-демократы критиковали большевиков за проведение «потребительского коммунизма», то Ленин не отрицал этого потребительского характера системы военного коммунизма. Ленин говорил: вы люди в футлярах, вы обучались по книжкам Маркса, но в этих книжках ничего не поняли. Конечно, социализм даст огромное развитие производительных сил, но сейчас стоит задача спасти главную производительную

[1]) Ленинский сборник, XI, с. 9.

силу — рабочий класс. Вот задача, которая стоит перед нами. Без спасения рабочего класса социализм не построить. Так не раз отвечал Ленин.

Военный коммунизм носил на себе черты потребительского коммунизма, созданного условиями гражданской войны. Мы производили «красногвардейскую атаку на капитал», но красногвардейский характер атаки был вызван, в первую очередь, условиями гражданской войны, которые заставили нас наступать на капитал, не заботясь пока о более правильной организации народного хозяйства. Нынешний этап в отличие от военного коммунизма есть этап, подготовленный предшествующим развитием, ростом нашего производства и всего народного хозяйства. Поэтому разговоры о том, что мы возвратились к военному коммунизму, ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом.

Новый этап не означает ликвидации нэпа, но он создает предпосылки для такой «операции» над нэпом. Нэп рассчитан был нашей партией и Лениным, как система мероприятий, которая представляет собою единственно правильную экономическую политику пролетариата в переходный период, рассчитанную на постепенный переход крестьянских хозяйств на крупное обобществленное хозяйство, на индустриализацию страны, на борьбу с капиталистическими элементами и на полную победу над этими капиталистическими элементами.

Достаточно перечислить эти основные задачи, которые стоят перед нэпом, чтобы сказать, что мы живем, конечно, еще в период нэпа. Основные проблемы нэпа не сняты. Не снята проблема «кто-кого», проблема соревнования социализма с капитализмом. И, конечно, т. Богушевский совершает оппортунистическую ошибку, хотя и «левого» порядка, когда заявляет, что проблема «кто-кого» снята.

Если взять проблему союза с середняком, то и эта проблема не снята. Проблема прочного союза с середняком перед нами чрезвычайно остро стоит и в настоящее время. Об этом говорит практика перегибов, которые у нас были на местах, и об этом говорит практика колхозного строительства, ибо мы победим лишь в том случае, если будем проводить правильную ленинскую политику. Колхозное движение будет представлять собою еще целый ряд переходных ступеней или звеньев. Мы никак не можем сказать, что до сих пор мы действовали в отношении крестьянства примером, убеждением и заинтересованностью, сочетанием общественных интересов с частным интересом, а сейчас этого будто бы делать не следует. Окончательное упрочение колхозного движения, социалистическая переделка середняка и окончательная победа социализма невозможны без соблюдения самого строгого принципа союза с середняком. Таким образом, эта проблема не снята. Но она стоит по-новому. Середняк, вошедший в колхоз, превратился из союзника в нашу верную опору.

Проблему рынка тоже нельзя выбросить, сказав, что она не существует. Рыночные отношения теперь представляют собой иные отношения, чем те, которые были в первый период нэпа. Но тем не менее они еще есть.

Все вопросы нашей революции стоят на новой ступени. Теперь, когда мы накопили достаточно сил, когда мы производим решительное социалистическое наступление по всему фронту, мы имеем полное право сказать, что нынешний этап представляет собою последний этап нэпа, после которого, очевидно, речь должна итти о том обществе, в котором будет существовать хотя бы вчерне построенный социалистический фундамент, т.-е. о том «социализме с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении», о котором говорил т. Ленин.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Теория аграрной революции, по т. Крицману.

(По поводу книги Л. Крицмана — «Пролетарская революция и деревня». ГИЗ 1929, стр. 576, ц. 5 р. 50 коп.).

Перед нами сборник работ, написанных автором за период 1923 — 1929 гг. по вопросам аграрной революции и классовых отношений советской деревни. Сборник представляет особый интерес в наши дни, когда во всей политике нашей партии вопросы деревни имеют весьма актуальное значение. Признавая за автором определенные заслуги в области изучения социально-экономических процессов советской деревни, мы не можем пройти мимо ряда ошибочных положений, которые ведут автора в сторону от ленинского понимания ряда важнейших вопросов современности. Не претендуя на исчерпывающий разбор всех ошибочных положений этого капитальнейшего документа аграрной мысли, мы намерены остановиться лишь на некоторых основных, явно немарксистских положениях.

Труды т. Крицмана представляют интерес, тем более, что как в этом признается сам автор в предисловии, они «об'единены определенным пониманием общего характера периода» (стр. 3) и являются результатом творческой мысли одного из виднейших теоретиков Аграрного института Коммунистической академии.

В современном периоде, когда «по-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике партии» и когда «за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль» (Сталин) — весьма важно подвести некоторый итог работы марксистской мысли, при котором в полосу перехода от восстановительного периода к периоду социалистической реконструкции она очутилась в некотором отрыве от практических успехов социалистического строительства. Тем более это необходимо в такой области, как аграрная, в которой больше всего налицо ломки старого, индивидуального, мелкобуржуазного уклада.

* * *

Основной вопрос, определяющий правильность понимания движущих сил революции — это вопрос о том, к диктатуре какого класса революция приведет. В зависимости от перехода государственной власти от данного класса к другому и определяется характер революции. Марксизм-ленинизм везде переход государственной власти от феодально-помещичьего класса в руки буржуазии характеризует как революцию буржуазную. Революцию же, передающую государственную власть в руки рабочего класса, марксизм рассматривает как пролетарскую, социалистическую. Характер революции показывает, куда идет общественное развитие.

Тов. Крицман, видимо, не любит традиционные, совершенно правильные характеристики революции. Он создает свою особую характеристику и дает свои определения происходящим революциям. Вместо того, чтобы говорить о буржуазной или пролетарской революции, мы получаем или просто «антифеодальную» (стр. 84) или «антифеодальную крестьянскую революцию» (стр. 90), или «противокрепостническую революцию» (стр. 121), «крестьянскую революцию» (стр. 49), «противопомещичью крестьянскую революцию... в самом чистом виде» (стр. 49).

Как видно, перед нами целая гамма различнейших определений революции, направленной против крепостничества и крепостнического государства. Но характерно, что для т. Крицмана понятие революции не заключает в себе проблемы государственной власти. Он рассуждает о революции в ограничительном смысле слова. Если для Ленина «самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти... ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике» (т. XIV, ч. II, стр. 102—103), то тов. Крицман понимает иначе. В его понимании, например, «антикапиталистическая революция пролетариата... была для мелкой буржуазии только.... средством для завершения антикрепостнической революции....» (стр. 6). Одна революция — средство для завершения другой. Это означает, что у т. Крицмана дано совершенно новое понятие революции. Перед нами определение революции, не включающее проблемы захвата государственной власти.

Во всех приведенных определениях революции мы не видим у т. Крицмана положительной характеристики ее. Он даже считает, что говорить о буржуазной революции не вполне точно, что точнее говорить об антикрепостнической революции (см. стр. 5).

И в отношении пролетарской революции т. Крицман посвящает все внимание, по аналогии с антифеодальной революцией, — революции антикапиталистической. Но отрицание капитализма не следует понимать, по Крицману, как силу, утверждающую новый общественный строй — социализм. Противокапиталистическую революцию, по Крицману, может вести не только пролетариат, но и крестьянство. Отсюда антикапиталистическая революция, по т. Крицману, не совпадает с понятием пролетарской — социалистической революции. Она может быть революцией социалистической, но может быть и крестьянской—мелкобуржуазной.

> «Противокапиталистическая революция (которая была бы чистой социалистической революцией, если бы не соединялась с противокрепостнической) получила свое выражение прежде всего в том, что крупная промышленность, транспорт, крупная торговля и кредит из рук капиталистов в основной своей части перешли в руки пролетарского государства, разумеется, после того, как пролетариат, опираясь на поддержку крестьянства, завоевал политическую власть.
>
> Противокрепостническая революция (которая была бы чистой буржуазной революцией, если бы не соединялась с противокапиталистической) получила свое выражение прежде всего в том, что сельское хозяйство в основной своей части перешло из рук помещиков в руки крестьянства» (стр. 121).

Как видно, в методологии т. Крицмана имеется определенная последовательность: наряду с абстракцией чистой крестьянской революции он ставит абстракции «чистой социалистической» и «чистой буржуазной» революции. А так как абстракции не находят своего подтверждения в реальной жизни, то они служат лишь критерием для отрицания определенного классового характера происходящих революций. Вместо социалистической и буржуазной революции, мы получаем революции отрицания — феодализма и капитализма.

> «Если антикапиталистическая революция пролетариата была в эпоху гражданской войны средством для антикрепостнической революции основной массы крестьянства, то в силу диалектики революции это означало, что и антикрепостническая революция явилась средством для антикапиталистической революции пролетариата» (стр 6—7).
>
> «Наша революция представляет собой сочетание двух различных и в то же время слившихся революций (противокапиталистической и противокрепостнической) и носит поэтому весьма сложный характер» (стр. 121).

Как видим, «в силу диалектики» (?!) антикапиталистическая и антикрепостническая революции соединяются, синтезируются, но все же социалистической революции мы не получаем, ибо этому мешает в концепции т. Крицмана взаимное проникновение, сочетание двух революций. Вместо того, чтобы поставить вопрос о том, что пролетарская революция разрешила до конца определенные задачи буржуазно-демократического порядка, т. Крицман ставит пролетарскую революцию в зависимость от «крестьянской революции». Получается теория двух «слившихся революций», т.-е. теория, об'ективно отрицающая за нашей революцией социалистический характер.

Можно было бы не задерживаться на этих выводах т. Крицмана, если бы он поставил вопрос о том, что только диктатура пролетариата дает возможность наиболее полно осуществить задачи буржуазно-демократической революции, но в том-то и суть, что т. Крицман из-за двойного характера революции лишает ее определенного классового характера, одновременно выдвигая абстракции чистых революций—буржуазной и пролетарской. Эти абстракции чистых революций, как мы увидим позже, имеют в концепции т. Крицмана большое познавательное значение, но в то же время они лишают его возможности из-за сложного характера нашей революции четко определить ее социальный характер. Вопреки десяткам деклараций т. Крицмана об эпохе мировой пролетарской революции, пролетарская революция России в его же постановке вопроса лишена социалистического характера.

Рассуждая о втором (комбедовском) этапе революции в деревне, т. Крицман ведет начатую линию дальше. Здесь он ставит вопрос об экспроприации крестьянского капитализма — кулаков. При чем эта экспроприация проходила, по Крицману, как «мелкобуржуазная крестьянская экспроприация экспроприаторов-кулаков» (стр. 92).

Перед нами, следовательно, процесс, в котором антикапиталистическая революция по своей социальной природе распадается на социалистическую и мелкобуржуазную экспроприацию капитала. Мы получаем единую антикапиталистическую революцию, разорванную социально-противоположными тенденциями: в городе — обобществлением, в деревне — разделом.

> «При этом, поскольку крестьянская революция была антикапиталистической революцией, она происходила не как пролетарская, а как мелкобуржуазная революция: ее результатом было не обобществление крупного хозяйства, а его раздел» (стр. 37).

Мы видим, что антикапиталистическая революция, по т. Крицману, выступает как революция крестьянская, а не пролетарская. Неверно, прежде всего, само противопоставление «раздела» — «пролетарской революции». Для Ленина политика раздела являлась укреплением диктатуры пролетариата, она являлась политикой отвоевания «у буржуазии и мелкобуржуазной демократии «их» массы, т.-е. массы, шедшей за ними». Пролетариат этого достигал «посредством революционного удовлетворения их (масс. *К. С.*) наиболее насущных экономических нужд ценой экспроприации помещиков и буржуазии.

Буржуазия этого сделать не может, хотя бы она обладала какой угодно «могучей» государственной властью» (Ленин, т. XVI, стр. 449).

Как видно, Ленин совершенно по-иному подходит к вопросу об удовлетворении «наиболее насущных экономических нужд» крестьянской мелкой буржуазии. Во-первых, Ленин видит в этом политику отвоевания у буржуазии и мелкобуржуазной демократии масс крестьянства, во-вторых, он не ставит вместо пролетариата, а следовательно, и пролетарской революции крестьянство и крестьянскую революцию, а говорит об экспроприации помещиков и капиталистов пролетариатом. В концепции Ленина, через раздел, через удовлетворение экономических нужд мелкой буржуазии в деревне революция не перестает быть пролетарской. Для него решающее — это государственная власть в руках пролетариата, экспроприирующая и подавляющая помещиков и буржуазию и овладевающая командными высотами экономики для социалистического строительства.

Одновременно политика раздела являлась в руках пролетариата средством укрепления союза пролетариата с основными массами крестьянства.

> «Если конфискация земли у помещиков была первым шагом Октябрьской революции в деревне, то переход к колхозам является вторым и при

том решающим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР».

Так гласит одно из положений тезисов т. Яковлева к XVI с'езду партии. Конфискация помещичьих земель всегда рассматривается партией, как первый шаг социалистической революции в деревне, а, по т. Крицману, это **лишь** антифеодальная крестьянская революция. Нужно ли распространяться, что комбедовский период Октябрьской революции в деревне являлся дальнейшим углублением ее социалистического характера (см. Ленин, т. XV, стр. 472). То, что т. Крицман проглядел социалистический характер революции из-за политики раздела, — это прямой показатель непонимания ленинской стратегии Октября.

Нечего говорить о том, что без государственной власти в руках пролетариата — «мелкобуржуазная экспроприация» становится просто иллюзией. Следовательно, «мелкобуржуазная экспроприация» есть лишь результат диктатуры пролетариата. Отрывать ее, эту экспроприацию, от пролетарской революции и характеризовать как одну из сторон отличной, мелкобуржуазной революции, — это и есть создание теории двух параллельных революций.

Мы не говорим, что в отдельных местах у т. Крицмана нет мысли о руководстве пролетариатом крестьянской революцией, но это лишь общие декларации, оторванные от основных положений его концепции о мелкобуржуазной экспроприации крестьянского капитализма — кулаков.

Фактом остается то, что, по т. Крицману, социалистической революции в деревне мы не находим. Деревня явилась полем антикрепостнической и антикапиталистической крестьянской революции, в деревне произошла экспроприация капитала, но экспроприация мелкобуржуазно-крестьянская.

> «Опираясь на мощную поддержку пролетариата, беднота перенесла во время гражданской войны антикапиталистическую революцию, вначале чисто городскую, в деревню. Но перенесла уже **в качестве мелкобуржуазной революции**» (стр. 11. Подчеркнуто мною. *К. С.*).

У т. Крицмана дальнейшее развитие революции в 1918 г. в деревне теряет социалистический характер. А, между тем, Ленин, подводя итоги работе комитетов бедноты, коммун и земельных отделов, в конце декабря 1918 г. характеризует этот период следующим образом:

> «Уничтожив монархию и средневековую власть помещиков, мы переходим теперь к делу подлинного социалистического строительства. Дело это в деревне самое трудное, но в то же время и самое важное. Работа эта самая благодарная. Если... трудящееся крестьянство в комитетах бедноты и в преобразованных советах все теснее и теснее сливается с городскими рабочими, — то в этом мы видим единственный и в то же время вернейший и, несомненно, прочный залог того, что дело социалистического строительства стало в России теперь прочнее. Теперь оно приобрело основу и в громадной массе земледельческого деревенского населения» (т. XV, стр. 592).

А пред этим Ленин дает следующую оценку делу организации комитетов бедноты:

> «относительно этого шага все те, кто сомневался в социалистическом характере нашей революции, пророчили нам неизбежный неуспех и от этого шага зависит теперь все дело социалистического строительства в деревне» (там же).

Ленин дает лозунг «от совместной борьбы против помещиков к общепролетарской борьбе против капитала» (там же).

Мы видим, как высоко Ленин ценит «мелкобуржуазную экспроприацию» кулаков, именно как основное условие социалистического строительства в деревне. Крицман же в этом видит лишь «мелкобуржуазную революцию».

> «Антикапиталистическая революция в деревне выходила за пределы экономически целесообразного, была, следовательно, экономически реакционной, а значит и утопической, поскольку она стремилась к изменению экономики. Результатом ее было раздробление крупных крестьянских хозяйств и укрупнение мелких, всеобщая нивеллировка крестьянского хозяйства, превращение всех крестьян в мелких буржуа, шаг вперед для феодального крестьянства и шаг назад для крестьянина-капиталиста, возвращение его к исходной точке» (стр. 93).

Из факта, от которого зависит, по Ленину, «все дело социалистического строительства в деревне» — тов. Крицман выводит реакционный и утопический характер этого же этапа революции в деревне! Разница как-будто не такая уж маленькая.

Эту же самую мысль т. Крицман высказывает еще и в другом месте, а именно, что

> «второй этап — внутри-крестьянская революция уже после уничтожения крепостнических отношений — означал в общем и целом хозяйственный регресс (шаг назад), замену более крупного крестьянского хозяйства более мелким, т.-е. высших хозяйственных форм низшими» (стр. 133).

Из этих положений, с несомненностью, следует, что т. Крицман подходит к оценке революции 1918 г. в деревне с точки зрения бесклассового или вернее «сверхклассового» экономического об'ективизма, с точки зрения абстрактного, «чистого» представления о развитии производительных сил.

Нужно ли распространяться, что теория, видящая в разрушении пролетарской революцией производительных сил капитализма шаг назад, «хозяйственный регресс», а подчас и «гибель культуры» (припомним хотя бы поведение некоторых наркомов во время Октябрьского переворота), является той спасательной «теорией», отправляясь от которой социал-демократы еще и по сегодняшний день возражают против разрушения капиталистического производства. Видеть в раскулачивании 1918 года «шаг назад» можно только оставаясь на буржуазной точке зрения. С тов. Крицманом в данном случае это и произошло.

Иначе нельзя понять его утверждение об экономической реакционности революции 1918 г. в деревне. Совершенно иначе подходит к оценке этого периода Ленин. Для него это период огромного продвижения революции, укрепления диктатуры пролетариата и, следовательно, создание условий для роста производительных сил на новой основе и для социалистического строительства.

Следовательно, и с экономической точки зрения (а это непременно включает вопрос о классах) это был шаг вперед, это было передовое, а не реакционное движение, хотя на определенном этапе революции и вызывало разрушение производительных сил. Говорить о хозяйственном регрессе, об экономической реакционности можно только в том случае, если видеть прогрессивные элементы только в кулацком капитализме.

Приходится сожалеть, что т. Крицман, выпуская свои труды в 1929 году (когда партия, проводя политику социалистической реконструкции сельского хозяйства, перешла к проведению политики ликвидации кулачества как класса), не сумел исправить свои явно антиленинские выводы, характеризующие один из наиболее ярких моментов социалистической революции в деревне, как период «экономически реакционный» (стр. 93).

Мы остаемся полностью при заключении Ленина, что борьба 1918 г. в деревне

> «перевела нашу революцию полностью на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в Октябре, но на которые он никогда не сможет победоносно направить революцию, если не найдет сознательной, твердо-сплоченной поддержки в деревнях» (т. XV, стр. 591).

«Сознательную, твердо сплоченную поддержку» пролетарской революции в деревнях мы в наши дни видим в том, что основные массы крестьянства пошли на основе добровольности в колхозы. В 1918 году, в условиях войны и разрухи, когда наша промышленность еще не в силах была подводить под мелко-индиви-

дуальное крестьянское хозяйство базу крупной машинной промышленности «сплоченная поддержка» пролетарской революции основными массами крестьянства могла быть построена на другой, по своему характеру глубоко-революционной основе, на разделе и на разгроме эксплоататоров- кулаков.

«Середняцкая идеология (идеология своеобразного, обрисованного выше «антифеодализма») господствовала в громадной массе крестьянства. Ее устойчивость характеризуется тем, что законодательное запрещение капитализма сохранилось для капитализма в сельском хозяйстве ряд лет (с 1921 по 1925), после того как оно было отменено для капитализма в индустрии (и вообще вне сельского хозяйства). Система так называемого «военного коммунизма» оказалась в части юридического запрещения капитализма наиболее устойчивой не в городе, а именно в деревне, в которой она просуществовала вдвое дольше, чем в городе» (стр. 58).

«Сельское хозяйство сейчас юридически табу (запретная вещь) для капитализма, в то время как разнообразные отрасли промышленности юридически открыты для него.

Значит и сейчас по отношению к сельскому хозяйству пролетариат осуществляет политику, соответствующую стремлениям мелкой буржуазии и являющуюся уступкой этим стремлениям, ибо ясно, что дело тут не в пролетариате самом по себе, а в его союзе с мелкобуржуазным большинством крестьянства.

...Пролетариат проводит эту политику допущения деятельности капитала в промышленности (и торговле) и запрещения деятельности капитала в сельском хозяйстве не потому, что пролетариат не приемлет как раз сельскохозяйственного капитала, а потому, что этого запрещения требует союз пролетариата с большинством крестьянства, пока это большинство стремится к такому запрещению» (стр. 39).

Итак, перед нами теория: 1) выводящая политику военного коммунизма из мелкобуржуазной природы середняка 2) и утверждающая, что военный коммунизм является политикой уступок «стремлениям мелкой буржуазии», 3) что нэп об'ективно представляет якобы «политику допущения деятельности капитала».

Нам бы хотелось услышать более основательную мотивировку в подтверждение тезиса, что большинство крестьянства «стремится к такому запрещению» сельскохозяйственного капитала, которое якобы ничуть не вытекает из непосредственных интересов самого пролетариата. Выходит, что носителем принципов социализма в более чистом виде выступает большинство крестьянства, против пролетариата, проводящего политику допущения деятельности капитала. И все это по поводу теории о нэпе, как о политике пролетариата, которая в 1921—1925 гг. якобы касалась только города, а в деревне господствовал, по представлению тов. Крицмана, военный коммунизм.

Но разве нэп касался только города? Разве нэп не являлся как раз н о в ы м мостом, соединяющим промышленность и сельское хозяйство на новых основаниях? Нужно только эти вопросы поставить, чтобы убедиться в абсурдности всей установки т. Крицмана о том, что до 1925 г. в деревне еще господствовал хотя бы «в части юридической» военный коммунизм. Если руководствоваться этими положениями т. Крицмана, тогда мы должны логически свести нэп не к продуктообмену, не к товарообмену и не к торговле, а к капитализму.

«Если нет цветущей крупной промышленности, способной организоваться так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития могучего союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием и контролем рабочего государства, — никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость нас к этому пути привела. И только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики». (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 434—435).

Сказано это было Лениным 23 декабря 1921 года, когда, вместо продуктообмена и товарообмена, нэп был сведен к торговле, как к единственному в данных условиях пути поднятия земледелия и промышленности, ведущего к укреплению диктатуры пролетариата. В этом о с н о в а и с у щ н о с т ь н э п а. А т. Крицман утверждает, что еще в 1925 г. нэп касался только одного города, что в деревне нэп был законодательством запрещен в силу неприемлемости его со стороны антикапиталистически настроенного большинства крестьянства.

Далее, «допущение капитализма» никогда не составляло ни основы, ни содержания нэпа. Капитализм явился неизбежным продуктом развязывания торговли и оживления мелкого крестьянского хозяйства. Если бы капитализм, возникающий в результате допущения торговли, составлял бы содержание нэпа, то последний был бы не политикой диктатуры пролетариата, а политикой отрицания последней и реставрации капитализма.

В полосе после XV парт'съезда, когда партия проводила политику вытеснения кулачества, правые оппортунисты в этом усматривали отмену нэпа. Они сводили нэп и сводят еще теперь не только к свободе торговли, но и к свободе для капитализма. Теория т. Крицмана, поскольку она понимает нэп как «политику допущения деятельности капитала», сливается в одну нераздельную теорию оппортунизма с теорией правых оппортунистов, также сводящих нэп к свободе капитализма.

* * *

«Пролетариат с победой пролетарской революции, уничтожив класс капиталистов и капиталистические отношения, делает сложившуюся внутри него в эпоху господства капитала систему отношений принципом всей организации общества. Подобно этому и крестьянство с победой крестьянской революции, уничтожив класс помещиков и крепостнические отношения, делает сложившуюся внутри него в эпоху господства помещиков систему отношений принципом всей организации общества (разумеется, поскольку речь идет о деревне).

Внутренние взаимоотношения крестьянства, отношения крестьян между собой, в эпоху господства помещиков могут быть охарактеризованы (поскольку мы имеем в виду эти взаимоотношения в их чистом виде), как о б щ и н н ы й с т р о й, по преимуществу индивидуальное (дворовое) хозяйство на основе коллективного распоряжения землей» (стр. 50).

Не останавливаясь на сведении «сложившихся внутри пролетариата отношений» к «принципам организации» всего общества, мы ставим вопрос о том, можно ли систему отношений внутри крестьянства сводить к о б щ и н н о м у с т р о ю? И нам кажется, что ни в коем случае нельзя. Нельзя, ведь, сказать, что общинный строй порождается системой крепостнического или феодального общества, что он является проявлением системы отношений внутри крестьянства и отрицает феодализм как общественную формацию.

На общинной основе возникает не только феодализм, но и рабство и простое товарное производство. Сама община за период феодализма переживает глубокие процессы распада, она подвергается известной деградации по сравнению со своей исходной стадией.

Общинный строй есть исходная форма натурального хозяйства, на основе которой может возникнуть целый ряд общественных формаций. Неправильно поэтому сводить «антифеодализм» к общинному строю. Не общинный строй отрицает феодальное общество, а строй нарождающегося капитализма. Нельзя, ведь, сказать, что крестьянство пореформенной России, отрицая крепостническую эксплоатацию, стремилось к общинному строю. Можно сказать, что крестьянство в своей массе, в условиях развивающегося внутреннего рынка и капиталистических отношений, стремилось, наоборот, к условиям свободного производства товаров на рынок. Идеалом крестьянства являлся не общинный строй, а общество простых товаропроизводителей, если не считать те прослойки его, которые уже в условиях феодальной зависимости по своей социальной природе представляли с.-х. буржуазию и с.-х. пролетариат.

Тов. Крицман исследование путей развития общественных отношений в деревне в пореволюционной полосе ведет от своеобразно им сконструированного чистого антифеодализма. Он пишет:

«Поэтому путь нашей деревни к социализму лежит в настоящих условиях не через общину к социализму, а от общины через кооперацию и коллективизацию к социализму» (стр. 56).

Невозможность вести деревню к социализму в общинной форме т. Крицман мотивирует не тем, что сама община распалась, что поэтому приходится создавать производственную кооперацию мелких производителей и на этой основе итти к социализму, — нет, он, как мы видим, отправляется «от общины через кооперацию» и невозможность вводить общинный строй в социализм мотивирует, — во-первых, разрушением «органической цельности общины» (стр. 55) и, во-вторых, бедностью СССР материальными средствами, «необходимыми для эволюционирования общины, как целого в направлении к социализму» (стр. 56, сноска). Значит, если СССР был бы материально богаче, т.-е., если бы мы были страной более индустриализованной, в таком случае мы строили бы социализм на обширной основе.

Тов. Крицман отправляется не от простого товаропроизводителя, а от общины. Поэтому у него не просто кооперация крестьянства, а «кооперация общинного крестьянства» (стр. 62). Общинную природу крестьянства т. Крицман выводит из земельного общества и уравнительности землепользования, т.-е. из еще сохранившихся и не изжитых пережитков общинного землевладения.

Мы знаем, что общинное землевладение, хотя оно и разрушалось развитием капитализма, тем не менее оно в некоторых районах показывало свою живучесть, правда, в весьма относительно обусловленном значении.

Но и в каждой «наиобщинной деревне на (этой) почве хозяйственной раздробленности и товарного хозяйства растут пышные цветы ростовщического капитала, кабалы во всех ее формах». (Ленин, т. II, стр. 38). Следовательно, по Ленину, община не снимает товарное хозяйство и его основу мелкого товаропроизводителя. Перед нами остается тот же мелкий производитель. В одном случае он больше, в другом меньше подчинен рынку.

Мы полагаем, что революция в своем поступательном развитии, с момента Октября, не приобщалась к общине, а наоборот, нанесла ей сокрушительный удар, поставив деревню в условия быстрого роста производительных сил. Если община разрушилась при феодализме и крепостничестве, а особенности в условиях пореформенной России, то еще больший удар общине нанесла пролетарская революция.

Ленин ничуть не рассматривал общинную форму землевладения как особый уклад общественной жизни. Давая оценку экономическому содержанию народничества, он писал:

«Народники... за формой землевладения отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства. Эта организация, превращая крестьянина в товаропроизводителя, делает его мелким буржуа, — мелким обособленным хозяином на рынок». (Том II, стр. 12).

Крицман же спустя 30 лет подобно народникам также за формой землевладения не видит экономики страны, не видит, что уже «в общинной деревне» до революции крестьянин стал «мелким буржуа».

Теория общинного начала всей деревенской жизни логически связана у тов. Крицмана с его пониманием антифеодализма как чистого общинного строя и с его пониманием чистой крестьянской революции, как революции, снимающей антагонистический характер крепостничества и ведущей к общинному строю. Если в свое время народники видели в общине прививку против капиталистической язвы и основу народоправия, если на этой основе вырос народнический утопический социализм, то теория общинного начала всей деревенской общественности при диктатуре пролетариата есть то новое, что напоминает о живучести народнического социализма.

В сборник трудов т. Крицмана вошло и предисловие его к книге т. Кубанина «Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств».

К чему сводятся итоги научного открытия дробимости крестьянских дворов? К тому, что «не существует никакого принципиального различия между характером внешних взаимоотношений крестьянских дворов друг с другом и с внешней общественной средой вообще и характером внутренних взаимоотношений крестьянского двора». (Стр. 505).

Открытие, следовательно, сводится к приравнению членов крестьянского двора к простым товаропроизводителям. По Крицману, крестьянский двор внутри себя по характеру отношений представляет и общество простых товаропроизводителей и капитализм.

Не наша задача здесь рассматривать проблему дробимости по существу. Мы констатируем лишь несостоятельность доводов, не учитывающих при разрешении этого вопроса господство общественных законов над двором как целым.

В последнем вся суть, то, чего не поняли тт. Крицман и Кубанин. Внутри двора мы имеем непосредственные отношения лишь одного целого, дающего продукты труда в качестве товаров, а «развитие продуктов в товары имеет своим источником обмен между различными общинами, а не между членами одной и той же общины». («Капитал», т. III, ч. 1, стр, 128). Последнее справедливо и для членов крестьянского двора.

Мы ничуть не отрицаем противоречий внутри двора, но эти противоречия носят характер результата состояния общественных условий производства. Они не есть непосредственное проявление закона стоимости внутри двора, а результат этого закона в обществе товаропроизводителей.

* * *

Методология т. Крицмана не может не вести к самым правооппортунистическим установкам в понимании социально-экономических процессов и классовых отношений в нашей революции. В целях иллюстрации крицмановского оппортунизма мы остановимся лишь на некоторых его положениях, ничуть не претендуя на полноту освещения всей глубины этой особенной теории построения социализма в СССР.

«Другое из проявлений того же противоречия — возрастающее вовлечение мелкобуржуазного хозяйства в систему руководимого пролетариатом советского народного хозяйства протекает в основном в формах кооперации. Деревенская кооперация разных видов является сейчас полем ожесточенной борьбы между капиталистическими и социалистическими тенденциями развития, и это то новое, что принесла с собой для кооперации диктатура пролетариата, ибо везде, где в ней не получают преобладания капиталистические элементы, она является продуктом сращивания мелкобуржуазного хозяйства и государственного хозяйства пролетариата. Это сращивание открывает перед мелкобуржуазным хозяйством путь, который является некапиталистическим путем преодоления мелкого хозяйства, но на основе не простого его разрушения, а органического его развития» (стр. 10).

Мы не спорим о том, что кооперация в условиях диктатуры пролетариата — путь к социализму, вернее — часть социализма, но мы никак не можем согласиться с теорией «сращивания». И если и т. Крицман говорит, что «сращивание» открывает перед мелкобуржуазным хозяйством путь его некапиталистического преодоления, то этого именно вывести из «сращивания» никак невозможно. Путь преодоления мелкобуржуазного хозяйства через кооперацию лежит в переделке мелкобуржуазного хозяйства через такое органическое развитие его (обобществление мелкокрестьянского производства), которое снимает сращивание, т.-е. упраздняет мелкого товаропроизводителя и делает его работником социалистического крупного земледелия.

Но т. Крицман не только за сращивание простого товарного хозяйства с государственным хозяйством пролетариата, — он полагает, что

«растет зависимость всего сельского хозяйства, в том числе и его капиталистической части, от государственной крупной промышленности, транспорта, оптовой торговли, кредита.

Вполне мыслимо, чтобы известное время шли одновременно развитие капитализма в деревне и падение доли с.-х. капитала в общей продукции страны» (стр. 117).

Для иллюстрации т. Крицман берет цифровой пример развития сельскохозяйственного капитализма за тридцать лет, согласно которому процентная доля капиталистического сектора хозяйства в сельском хозяйстве достигает 60%, а в народном доходе, благодаря росту социалистической промышленности, она дает лишь 12%. Словом, перед нами тридцатилетка с.-х. капитализма, достигающего 60% дохода сельского хозяйства и оставляющего лишь 40% на долю простых товаропроизводителей и на социалистический сектор.

Тов. Крицман настаивает, что это лишь произвольный цифровой пример (см. «На аграрном фронте», № 2, стр 110, за 1930 г.), направленный против правых идей в 1925 г. Защита этого цифрового примера в 1930 г. показывает лишь неспособность т. Крицмана поправить неудачные примеры, ведущие к величайшим ошибкам. Если пример должен отразить действительное развитие переходной экономики, то что станет с диктатурой пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением, если 60% с.-х. дохода сосредоточится в капиталистическом секторе?!

«Можно себе представить, что основную роль в падении капиталистических хозяйств сыграет уход из них наемных рабочих прежде всего вследствие более высокого жизненного уровня работников государственного и коллективного сельского хозяйства» (стр. 126).

Экономическое превосходство социалистического земледелия, по Крицману, создаст условия, отрицающие возможность для развития с.-х. капитализма.

«Ни экономически целесообразной, ни тем более необходимой экспроприация капиталистических слоев крестьянства в условиях экономического господства пролетариата и роста этого господства не является. Даже после победы мировой революции такая экспроприация едва ли могла бы стать целесообразной» (стр 126). И еще раз «данных для целесообразности этой экспроприации, по крайней мере, до победы мировой революции, нет» (стр. 279).

Отрицание целесообразности экспроприации кулачества в концепции т. Крицмана является лишь следствием его тезиса о ликвидации кулачества посредством хозяйственного превосходства социализма над с.-х. капитализмом. Зачем экспроприировать кулака, если никто не станет у него работать на положении наемной рабочей силы? Пусть себе кулаки существуют до полного социализма, ибо они являются лишь частью, и при этом весьма зависимой, от советского народного хозяйства. Врастание с.-х. капитализма в социализм снимает проблему экспроприации.

Как об'яснить переиздание т. Крицманом подобного рода положений, в условиях, когда партия, начиная уже с весны 1928 года, ведет обостренную, активнейшую борьбу с кулачеством как классом?

Истоки этого «кулацкого пацифизма» кроются методологически в отрыве «экономической целесообразности» от классовой борьбы. Экономика в трактовке т. Крицмана выглядит как нейтральный, в стороне от самых классов, процесс, который не заключает в себе социальных противоречий, назревающих и вытекающих из течения экономической жизни. По существу, перед нами методология, отрывающая производственные отношения от состояния производительных сил и недоучитывающая влияния производственных отношений на движение производительных сил.

Как и полагается, благодаря неверным методологическим основам, т. Крицман делает правооппортунистические ошибки при разборе всех основных вопросов ленинского понимания пролетарской революции. Так, например, он совершенно неверно трактует союз рабочего класса и крестьянства.

«Развитие союза пролетариата и среднего крестьянства, сам тот факт, что среднее крестьянство состоит в союзе с пролетариатом, идет на этот союз, а не на союз с капиталом, с мировым капиталом, этот факт показывает, что мелкая буржуазия возможность для своего под'ема и своего движения вперед находит в движении по пути к социализму, а не по пути возврата к капитализму» (стр. 275).

В данной формулировке середняк выступает перед нами как класс, который сам находит дорогу к социализму и для которого чужд путь возврата к капитализму, для которого чужды колебания с того момента, как заключен союз с пролетариатом. Пролетариата как ведущей силы мы здесь не видим. Перед нами здесь грубооппортунистический тезис, ибо идеализация середняка неизбежно приводит к недооценке кулака. А перед нами безусловно факт такой идеализации.

Ознакомившись с системой методологических ошибок т. Крицмана, мы не должны удивляться, что в наиболее ценной части его работ, в части установления методологии классификации крестьянства по группам, в части, дающей немало ценного для изучения вопроса о диференциации деревни — мы получаем величайший из'ян, весьма обесценивающий значение всей этой части работы.

«Дело в том, что теперь нередко (и в частности в «Контрольных цифрах») дают разбивку всей деревни на пять социальных групп: пролетарскую, полупролетарскую, середняцкую, предпринимательскую и мелкокапиталистическую. В результате «центральная фигура земледелия» становится еле-еле заметной, превращаясь в одну из этих пяти групп в деревне.

Нельзя смешивать это деление земледельческого населения на пять групп с теми пятью группами, какие были даны в ленинских тезисах II конгресса Коминтерна». («XV с'езд Всесоюзной ком. партии (б)», стр. 1233. «Заключительное слово тов. Молотова».

Несмотря на более раннее происхождение (1923—1925) статей, направленных «против буржуазной, мелкобуржуазной и других непролетарских идеологий» (см. IV отдел книги), они сохранили свою ценность в значительной степени и в условиях социалистической реконструкции сельского хозяйства. В особенности необходимо отметить критику теории так называемого трудового крестьянского хозяйства проф Чаянова.

Но и в этой части книги т. Крицмана имеются некоторые скользкие формулировки (стр. 546 и 547), вызывающие целый ряд недоуменных вопросов.

Общие выводы: сборник работ т. Крицмана представляет крупнейший документ аграрной мысли, относящийся к периоду социалистического восстановления нашего хозяйства и первым годам реконструкции (1923—1929 гг.). Ни один исследователь развития нашей деревни за период революции не сможет пройти мимо этих работ. Но приходится сожалеть, что т. Крицман не сумел, переиздавая свои работы, исправить и устранить хотя бы наиболее грубые ошибки, обесценивающие содержание рассматриваемых трудов.

Судя по заявлению т. Крицмана по поводу выступления т. Дубровского на конференции аграрников-марксистов (см. «На аграрном фронте» № 2, стр. 109—114, за 1930 г.), не касаясь здесь этого заявления по существу, мы видим, что т Крицман и в 1930 году целиком и полностью стоит на точке зрения развитых им воззрений.

Быть может, т. Крицман скажет, что отдельные формулировки, если они теперь и кажутся неправильными, в свое время (1923—1928 гг.) бесспорно отражали подлинный ленинизм? Мы полагаем, что подобного рода «ленинизм» необходимо разоблачать до конца, раскрывая его антимарксистские корни. Тем более это необходимо в наши дни, когда перед партией стоит задача поднять теоретическую мысль на всю высоту сложнейших задач социалистического строительства. А последнее неосуществимо без раскрытия всех немарксистских, неленинских положений, мешающих теоретической мысли, в данном случае на аграрном фронте, вооружаться для борьбы за дальнейшее продвижение вперед.

Тов. Крицман не сумел удержаться в рамках ленинского понятия революции. Он употребляет такие формулировки, которые выхолащивают проблему диктатуры определенного класса. В одном революционном процессе у него речь идет о нескольких революциях.

Тов. Крицман создал теорию отрицательных революций. И поскольку социальных сил, отрицающих как феодализм, так и капитализм, по мнению т. Крицмана, несколько, то методология отрицательных революций ведет к тому, что положительной характеристики ни задач буржуазной, ни задач социалистической революции — мы не получаем.

Тов. Крицман создал теорию двух «слившихся революций—антифеодальной и антикапиталистической, этим же об'ективно отрицая за нашей революцией социалистический характер.

Тов. Крицман в своих логических рассуждениях отправляется от понятий «чистых революций», что в силу сложного характера революции и наличия «слившихся революций» не может не вести к отрицанию за Октябрьской революцией ее социалистического характера.

Тов. Крицман защищает тезис о мелкобуржуазном характере комбедовского периода пролетарской революции 1918 г. в деревне. Процесс революции в 1918 г. у т. Крицмана оказывается по своему классовому характеру разорванным на социалистическое обобществление в городе и мелкобуржуазную экспроприацию в деревне.

Тов. Крицман оценил политику раскулачивания в 1918 г. как «экономически реакционный» факт, мотивируя раздроблением кулацких хозяйств. Правда, здесь же т. Крицман заявляет, что «экспроприация кулаков уничтожила последнюю социальную опору контрреволюции» (стр. 94). Но это не мешает ему выдвинуть тезис, что «частичная экспроприация крупного крестьянского хозяйства и разрушение его, как крупного хозяйства, так же мало вели к цели, как в свое время разрушение машин рабочими» (стр. 133).

Тов. Крицман создал теорию «военного коммунизма» в деревне до 1925 г., этим же показывая свое неленинское понимание нэпа. Об'ективное сведение нэпа к политике допущения деятельности капитала—вот то, совсем не новое для наших дней, положение, которое смыкает тов. Крицмана с правыми оппортунистами последнего времени.

Тов. Крицман сводит антифеодализм к общинному строю, этим же лишая отношения в крестьянстве их буржуазного характера. Он даже непрочь на общинной основе строить социализм.

Тов. Крицман выдвинул тезис «сращивания мелкобуржуазного хозяйства и государственного хозяйства пролетариата» через посредство кооперации.

Тов. Крицман, отправляясь от тезиса о превосходстве социализма над с.-х. капитализмом, приходит к отрицанию целесообразности экспроприации кулачества как класса «даже после победы мировой революции».

В основном ошибки и об'ективно-неленинские положения у т. Крицмана вытекают прежде всего из механистической методологии отрыва производственных отношений от производительных сил. Экономика, далее, не связывается у него с политикой.

На почве неверного понимания характера аграрной революции, неверного понимания развития и борьбы классов в процессе революции, на почве непоследовательной марксистской методологии появляются ростки самого различного оппортунизма. Марксисты-аграрники должны очистить теорию аграрной революции от всего чуждого, оппортунистического. Нельзя терпеть, чтобы в условиях социалистической реконструкции сельского хозяйства, когда практика дает величайшие достижения по переходу от индивидуального мелкого крестьянского хозяйства к крупному, общественному хозяйству, в теории процветали бы положения, спутывающие перспективу социалистического преобразования нашей деревни.

Тов. Сталин на конференции аграрников-марксистов поставил задачу выкорчевывания всех чуждых буржуазных теорий. Эту задачу необходимо в первую голову осуществить по отношению к тем марксистским работам, которые в той или иной степени заражены идеями этих буржуазных теорий.

«Значение этих вопросов, — говорит т. Сталин, — состоит прежде всего в том, что марксистская их разработка дает возможность выкорчевать с корнями все и всякие буржуазные теории, распространяемые иногда — к нашему стыду — нашими товарищами коммунистами и засоряющие головы нашим практикам. А выкорчевать эти теории и отбросить их прочь давно бы следовало. Ибо только в беспощадной борьбе с этими теориями может вырасти и окрепнуть теоретическая мысль аграрников-марксистов».

Мы полагаем, что эти слова т. Сталина должны быть отнесены и к т. Крицману, поскольку в его работах — целая груда чуждых ленинизму положений.

К. СОМС.

Н. Устрялов. „На новом этапе“.

(Харбин, 1930 г.).

Прошло 9 лет с тех пор, как партия перешла к новой экономической политике. За весь этот период позиция Н. Устрялова представляла интерес как позиция классового врага, отражающего идеологию определенных слоев новой буржуазии СССР, в особенности буржуазной интеллигенции.

Перед XIV с'ездом ВКП(б) Устрялов писал:

«...Последний год протек под знаком своеобразного рецидива «левых» настроений в правящей партии. XII с'езд уже явственно их обнаружил. XIII — целиком попал в их плен... Кривая революции, фатально снижавшаяся, дала снова «взлет», подобно памятному «фруктидору» революционной Франции. Теперь, повидимому, мы присутствуем при начале закономерной ликвидации этого позднего взлета»...».

Конкретные перспективы Советской России Устрялов определял в 1924 г. с четкостью и яркостью не меньшими, чем в 1921 г. По устряловскому толкованию, трудящиеся массы Советской России мечтали в 1924 г. о «старой России, но без царя и по возможности побогаче и чуточку покультурнее». По устряловскому прогнозу выходило, что ближайшее будущее в Советской России — это господство кулака и нэпмана.

С тех пор, как эти пророчества были об'явлены всему миру, — прошло немногим более четырех лет.

В последней своей небольшой книжке под многозначущим заголовком «На новом этапе» Устрялов пытается оценить нынешний этап пролетарской революции.

Любопытно сопоставить прежнюю и теперешнюю позиции Н. Устрялова между собой и с фактами развития Советского Союза за последние годы. Это сопоставление явственно показывает подлинную классово-буржуазную сущность сменовеховских чаяний, надежд и расчетов на нэп, как политику спуска на тормозах, а также политические настроения некоторых кругов буржуазной интеллигенции, складывающиеся теперь перед лицом победоносного социалистического наступления.

В своей последней книжке Устрялов определяет нэп как «крестьянский Брест» большевизма; годы нэпа были годами «мирной борьбы пролетарского Октября с послеоктябрьской деревней»; «деревня обрастала жирком» и все в большей степени становилась «колонией» пролетарского государства; однако деревня всячески сопротивлялась городу; в этой борьбе «нэп жил и работал», но он (нэп) «имел свою историческую логику. По мере своего укрепления он хотел и должен был расширяться...».

«Страна здоровела... Темп возрождения превосходил, кажется, самые оптимистические ожидания... Росла посевная площадь. Восстанавливалась промышленность...».

... «Выздоровление? — Да, но прежде всего на буржуазных путях...» [1]).

... «Восстановительный период подходит к концу,—начинается период «реконструктивный». Индустриализация — в порядке дня. Наступление на рельсах нэпа. Между тем последний исчерпывает себя. Он имманентно нуждается в углублении, а его теснят и сокращают. Реконструкция национального хозяйства на условиях широкого огосударствления промышленности и торговли немыслима без крайнего напряжения под'емной силы народа. Либо нужно продолжать и, следовательно, расширять нэп, ставя ставку на частную заинтересованность и личную предприимчивость ... либо приходится понуждать население к новым жертвам, перестраивать всю систему на военно-подобный манер. Иначе говоря: либо неонэп, либо решительное антибуржуазное наступление»...».

Устрялов с видимым сожалением констатирует, что в то время как нэп нуждается в «углублении», — советская власть его «теснит и сокращает».

... «Консулы бодрствуют. Заселяется нэпманами Нарым. Высылается за границу порция заведомо неисправимых квалифицированных интеллигентских кадров. Ликвидируются пробужденные было нэпом кружки, журнальчики. Не дремлют фининспекторы во славу первоначального социалистического накопления. Не дремлет и ГПУ, меч диктатуры. Чуть шевельнется классовый враг, солдаты революции перекликаются: диктатура, где твой хлыст?..».

По Устрялову, уже с 1927 г. начались «сумерки» нэпа. «Экономические маневры более не помогают, а в хозяйственном соревновании забирают силу мелкобуржуазные факторы». «Появились признаки новой деградации сельского хозяйства... в городах воскресли продовольственные карточки...».

«...В 1929 г. социалистическое наступление развертывается по всему фронту... За дело принялись активно, ударно, по всем правилам революционной энергетики, по-большевистски... Контрнэп — в полном разгаре...».

Нэп исчерпал себя, не разрешив поставленных перед ним исторических задач; поэтому начался «контрнэп», — таков основной устряловский вывод относительно данного этапа пролетарской революции.

Этот вывод следует признать совершенно правильным, если... если только не забывать, что речь идет об устряловском понимании нэпа и «контрнэпа», о таком «нэпе», который существовал и продолжает существовать только в изображении Устрялова, но которого в действительности никогда не было и нет.

Устрялов не может понять, что социалистическое наступление по всему фронту развертывается на основе достигнутых результатов на рельсах нэпа, — в итоге не «спуска на тормозах» и «крестьянского Бреста большевизма», — а в итоге проводимой партией новой экономической политики, — «рассчитанной на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанной на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики». (Сталин).

* * *

Каковы же, по Устрялову, перспективы?

В 1921 г. Устрялов сформулировал положение о неизбежности эволюции СССР к капитализму, о национальных исторических задачах Советской России, о неизбежности перерождения пролетарского государства мирным путем («спуск на тормозах») в национально-буржуазное. Исходя из этого положения, Н. Устрялов считал, что буржуазная интеллигенция должна поддерживать советскую власть и сотрудничать с ней. Таков был политический вывод сменовеховщины, приспособлявшейся к условиям диктатуры пролетариата и работавшей над делом восстановления капитализма под прикрытием лозунга «поддержки» советской власти.

[1]) Разрядка везде моя. *С. Ш.*

Именно эту четкость, эту определенность перспективы в устряловской постановке и отметил Ленин на XI с'езде ВКП(б).

Тем более интересно сейчас, на данном этапе пролетарской революции послушать «классовую правду классового врага». Увы, на этот раз четкость, определенность перспектив исчезает из устряловской концепции!

Каков исход нынешнего этапа революции?

...«В основном, рассуждая схематически, мыслимы три исхода:

1. Нынешнее социалистическое наступление оправдает себя. Счастливо осуществляется пятилетка, на базе советской индустриализации переделывается сельское хозяйство. Остатки нэпа постепенно отмирают. СССР обретает новый хозяйственный фундамент и обращается к решению дальнейших своих исторических задач.

2. Нынешнее социалистическое наступление терпит крах, и в результате этого краха распадается диктатура партии и сама советская власть.

3. Нынешнее социалистическое наступление оказывается непосильным для страны, партия во-время его свертывает, возвращается к началам нэпа, сворачивает к вехам недавнего правого уклона: от нэпа через левый зигзаг к неонэпу...».

Итак: три исхода!.. Но указать три исхода при определении перспектив, — это то же самое, что не указать никакого исхода. Видимо, сознавая недостаточность такого «прогноза», Устрялов пытается дать нечто более определенное. Начинает он с вопроса не о возможности или неизбежности, а о желательности: «Какой исход следовало бы признать наилучшим?..».

Устрялов отвечает: «без колебаний скажу: первый!». Второго исхода (катастрофы, развала, реакции) — по мнению Устрялова, может желать только «отвлеченное доктринерство или твердолобая классовая злоба». Третий исход «означал бы подтверждение старых наших прогнозов: «спуск на тормозах».

Определяя «вероятие» того или иного исхода, — Устрялов отвергает второй исход (катастрофу), по его словам: «Этот второй исход продолжает оставаться об'ективно наименее вероятным».

Но дальше этого четкость устряловских перспектив не идет. Он не может выбрать первого или третьего исхода. Он ограничивается лишь тем, что высказывает аргументы в защиту и того и другого и заключает тем, что «ближайшие 1—2 года решат эту задачу».

Итак: нэп должен был себя «оправдать» как эволюция, как «спуск на тормозах» к капитализму. Как «тактика» он себя «оправдать» не мог и не оправдал. Поэтому начался «контрнэп». Началось социалистическое наступление. А отсюда и «тройная» перспектива: 1) на всех парах вперед к коммунизму, но 2) в этом случае при слишком крутом под'еме, — подстерегает диктатуру пролетариата... гибель, а потому во избежание последнего,—возможно 3) партия повернет назад к неонэпу...

Устрялов, как классовый идеолог буржуазной интеллигенции, не может понять доподлинной диалектики нэпа, — того, что нэп есть политика, «рассчитанная на победу социалистических элементов». Тем более Устрялов не может понять и принять развертывающегося социалистического наступления; для Устрялова это социалистическое наступление идет не на основе нэпа, а противоречит нэпу, это — «контрнэп»... Действительная революционная сущность проводимой партией новой экономической политики непостижима для идеолога буржуазии.

Ленин и партия определяют период нэпа как «отчаянную, бешеную борьбу не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом», определяют нэп как политику, «рассчитанную на победу социалистических элементов над капиталистическими». А Устрялов определяет нэп, как «спуск на тормозах», как политику, «рассчитанную» на... полное восстановление капитализма, как сплошное отступление, продиктованное «волной здравого смысла, гонимой мощным дыханием необ'ятной крестьянской стихии», гонимой в сторону... капитализма.

Теперь новая экономическая политика начинает одерживать решающие победы. А Устрялов восклицает: «нэп имманентно нуждается в углублении, а его теснят и сокращают»; «начинается контрнэп»...

По Устрялову, дело не в том, что нэп уже разрешил ряд своих исторических задач (восстановление промышленности и переход к реконструкции ее, развертывание торговой смычки с крестьянством и т. д.) и ввел уже страну в новую полосу социалистической реконструкции экономики. Устрялов считает, что «исчерпание», «сумерки» нэпа неизбежно следуют из «внутренне-предопределенного, исторически неотвратимого кризиса нэпа».

Жизнь, развитие событий, социальные и экономические сдвиги в СССР, — начиная с 1921 г. и особенно за последние 2—3 года, — идут по направлению, определенному Лениным и партией. Все ярче выступают за «лесами» нэпа контуры новых социалистических отношений, новой социалистической организации общества. Все яснее становится, что нэп «на самом деле» не эволюция, не «спуск на тормозах» к капитализму, не «крестьянский Брест большевизма», — а политика, рассчитанная на уничтожение классов и победу социализма.

Позиция Устрялова по отношению к данному этапу пролетарской революции вытекает из его анализа нового этапа с его «тремя исходами» и выявляется в особых разделах: «п а т е т и к а и с т о р и и» (раздел 4) и «голос рассудка» (раздел 5). Читая «патетику истории», как впрочем и всю книжку Устрялова «На новом этапе», — можно, пожалуй, подумать, что Устрялов действительно переживает какой-то перелом, какую-то внутреннюю борьбу и действительно в известной мере охвачен «патетикой истории» революционной России.

«Одолей революционная программа-максимум, удайся сполна задуманное переустройство страны, как не воскликнуть с радостью: ты победил, галилеянин...».

Такие и тому подобные патетические места часто встречаются в книжке Устрялова, а раздел 4-й прямо-таки н а ч и н е н ими. Но в этой «патетике» обнаруживается подлинное лицо Устрялова

«Аргументируя» Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным, вызывая тень Герцена, Чернышевского, Петра I, пользуясь как богатым источником для подтверждения своих выводов Бухариным, Рыковым и т. д., — Устрялов говорит о «чувстве возвышенной гордости за родную страну»; и об «упоенности будущим», и о том, что «нынешняя революция устремляется поверх наличных образцов, подымает историческую целину, глядит в невиданное»; и о том, что страна «жаждет» стать «пионером новой эпохи всемирной истории» и «Иерусалимом нового человечества»; и о том, что «эта картина неизбывно воспаленной энергии... самый факт этой энергии — ручательство свежести, жизненности народа...» и т. д. и т. п.

Устрялов полон восхищения и тревог перед лицом развертывающихся событий великой пролетарской революции. Устрялов не может сдержать своих патриотических чувств перед «патетикой» истории революционной рабоче-крестьянской России. Все помыслы Устрялова «с нашим чудесным народом, в муках пробивающим себе путь сквозь всякие противоречия». Устрялов поражен тем, сколь «тяжелая ноша взвалилась на плечи революции...» Устрялов восклицает: «Видно на то она и великая революция, чтобы ставить проблемы радикально и не страшится тяжести вековых задач...»

Устрялов готов признать несомненные успехи нашего строительства. Он констатирует:

«Нет и не может быть принципиальных возражений против ускоренной индустриализации СССР и решающего переустройства с. х.».

«... Только реальная и широкая индустриализация страны могла бы вывести наш город из положения неоплатной задолженности мужику, а последнего из положения неизбывной хозяйственной кабалы...».

«Десять лет прошли не даром. Подросло новое поколение, кровно связанное с новыми условиями жизни — первое поколение революции. Возмужала и этатизировалась партия. Государство стало сильнее за эти годы, сильнее и политически и экономически. Ему уже есть что пред'явить. Есть промышленность, есть кооперация, есть более или менее налаженный аппарат...».

«Н е с о м н е н н о, д л я р а д и к а л ь н о й п е р е д е л к и н а ш е г о с е л ь с к о г о х о з я й с т в а у ж е н а к а п л и в а ю т с я п р е д п о с ы л к и»...

Какова цена этой устряловской «патетики», этим признаниям? — По нынешним временам, — очень маленькая. Неопровержимые факты экономического развития советской страны признаются ныне даже отдельными представителями твердолобой империалистической буржуазии. А все «патетические» фразы Устрялова являются только прикрытием того тупика, в котором оказалась буржуазная устряловская теория эволюции СССР к капитализму. Воспринимая неизбежность дальнейшего развития пролетарской революции, констатируя факты победоносного строительства, — мысль Устрялова остается в кругу идей, понятий старого мира. Устрялов бессилен, как идеолог буржуазной интеллигенции понять, осмыслить, об'яснить историческое значение воспринимаемых им фактов. И он, сбитый со своих прежних сменовеховских позиций успехами социалистического строительства, — обращается к «голосу рассудка». Что это за «голос рассудка»?

«Планы были прекрасны, отзываются историки о французском якобинском законодательстве, но они оказывались такими, что даже и всемогущий не мог бы ими воспользоваться, не создав новой породы людей...».

И дальше:

«Все ново и все не ново под луной. Но перечтите на всякий случай 2—3 книжки о делах давно минувших дней, — о государственных полях Египта, общественных амбарах Вавилона, трудовой повинности перуанских инков и т. д.: это легкое чтение способно доставить отдых уму усталому и скептическому»...

Государственные поля Египта, общественные амбары Вавилона, трудовое тягло перуанских инков, — первобытная дикость, рабство, — «организованные» диким деспотизмом, — вот что такое, по мнению Устрялова, представляет собою новая жизнь, которую в муках творит «наш чудесный народ».

Не в «патетике», рассыпанной по всей книжке Устрялова, а именно в этих оголенных строках, — звучит голос настоящего Устрялова — идеолога буржуазной интеллигенции.

Сбитый ходом развертывающихся событий с позиции сменовеховства, Устрялов несомненно п ы т а е т с я подняться к пониманию сущности нынешнего этапа пролетарской революции. Но к л а с с, классовый «голос рассудка», классовая идеология крепко держат устряловскую мысль на привязи у «катящейся в бездну» колесницы капитализма.

Именно здесь сказывается его ограниченность, классовая слепота, неспособность подняться выше идей и понятий капиталистического мира, заглянуть за его предел, понять то новое, что возникает на месте разрушающегося капиталистического общества.

* * *

Устрялов, однако, достаточно «об'ективен», чтобы, по крайней мере, в конкретном вопросе, — что делать буржуазной интеллигенции на данном этапе пролетарской революции, — дать своим последователям более или менее близкую к исторической правде ориентировку. Устрялов прежде всего категорически осуждает вредительство.

«Вредительство есть бессмысленное, позорное и зловреднейшее преступление, предательство, прямой переход на антисоветские и антирусские позиции: теперь даже и Милюков в эмиграции, пожалуй, не станет его защищать. Возлагать на сменовеховцев какую бы то ни было ответственность за него, хотя бы отдаленную и косвенную может лишь безнадежное невежество, либо бесшабашная демагогия самих вредителей. Что же касается так называемого пассивного нейтралитета, то и он заслуживает безоговорочного принципиального осуждения с нашей точки зрения. Не дело технической интеллигенции отходить в сторону, отказываться от активной деятельности, от содействия... великой перестройке страны на более совершенный лад...».

Устрялов не останавливается на осуждении вредительства. Он идет дальше. Он признает, что происходящие сейчас в СССР процессы таковы, что «даже и наиболее скептически настроенный старый спец ныне может с полным основанием повторить потрясающее евангельское восклицание: «верю, господи, помогай моему неверию...»

Устрялов дает своим последователям, специалистам-сменовеховцам, находящимся на советской работе, совершенно четкую, конкретную директиву:

> «Что делать старым спецам? Ответ может быть только один: сохранять безукоризненную лойяльность государству. Посильно ему способствовать...».

> «... Либо нужно в чем-то и как-то перестраиваться, либо останется лишь сойти на-нет. Нужно заставить себя активно и за совесть служить государству революции. Нужно и, думается, возможно.. Реальный выбор — с революционным государством против его врагов...».

Совершенно ясно, что Устрялов и сменовеховство стоят на перепутьи. Неизбежность дальнейшего победоносного развития пролетарской революции становится все более очевидной даже для Устрялова.

И в то время как значительная часть специалистов, в том числе и сменовеховцев, под влиянием развертывающихся событий, начинает переходить с позиций сменовеховства и пассивного нейтралитета на позиции активного участия в социалистическом строительстве, другая часть их, — та, о которой говорил Ленин на XI с'езде ВКП(б), что враг стремится, чтобы это (эволюция к капитализму) стало неизбежным» [1],—становится резервуаром вредительских сил

Бесспорно, это размежевание—процесс длительный. И потому в отношении колеблющихся буржуазных специалистов и сегодня нельзя забывать слов т. Сталина на XIV с'езде ВКП(б), сказанных об Устрялове:

> «Он служит у нас н атранспорте. Говорят, что он хорошо служит. Я думаю, что ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении нашей партии. Мечтать у нас не запрещено, товарищи... Но пусть он знает вместе с тем, что мечтая он должен вместе с тем лить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет»... [2]).

* * *

Устрялов сознается, что концепция «спуска на тормозах» — «под прямым ударом... терпит суровые испытания»... Устрялов с полным основанием восклицает: «а что если никакого спуска вообще нет и кривая революции так-таки и не снизится»... В другом месте книжки Устрялов свой анализ переживаемого этапа в СССР прямо заканчивает словами: «революция продолжается...»

Да, революция продолжается. Процесс размежевания классовых сил идет ускоренным темпом, и все резче перед буржуазными специалистами, сотрудничающими с советской властью, встает вопрос: с революционным государством против его врагов, или с вредителями против революционного государства.

Миллионы же революционных пролетариев и трудящихся Советского Союза, развертывая социалистическое наступление на остатки капитализма, должны усилить свою классовую бдительность и беспощадно пресекать всякие попытки классового врага, направленные к подрыву социалистического строительства—какой бы замаскированной формой эти попытки ни прикрывались..

Классовый враг, который на деле остается на своей классовой позиции, несмотря на все свои «признания», должен быть разоблачен и отброшен в сторону от великой стройки.

С. ШАПУРИН.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., 1-е изд., т XVIII, ч. 2, стр. 41.
[2]) См. стенограф. отчет XIV с'езда ВКП(б) ,стр. 14.

КОНСУЛЬТАЦИЯ.

К вопросу о социально-экономической природе колхозов.

Редакцией «Большевика» получено много писем с просьбой осветить вопрос о социальной природе колхозов. Отвечаем на эти вопросы. В нашем ответе постараемся охватить все наиболее существенные вопросы, поставленные в письмах.

Вызывает неясность прежде всего вопрос относительно тех оснований, исходя из которых партия относит колхозы к предприятиям социалистического типа. Часть тт. высказывает предположение, что такая оценка колхозов не вытекает из характера представляемых ими производственных отношений, а обусловливается лишь тем обстоятельством, что в ходе дальнейшей эволюции. направление которой в наших условиях определяется руководящей ролью рабочего класса в отношении крестьянства, колхозы будут перерастать в совхозы, которые, наряду с государственными МТС, только и являются, по мнению этих тт., предприятиями социалистического типа.

Другие же тт. полагают, напротив, что между госпредприятиями и колхозами, в частности коммунами, нет по существу никакого различия и что как те, так и другие должны получить поэтому совершенно одинаковую характеристику.

Второй недоуменный вопрос—это вопрос относительно смысла выражения, употребленного Лениным для характеристики наших госпредприятий: «предприятия последовательно-социалистического типа». Тт. спрашивают, что означает слово «последовательно», и склонны думать, что оно употреблено Лениным для того, чтобы подчеркнуть неполноту существующих на госпредприятиях социалистических отношений. При таком понимании этого выражения возникает, естественно, целый ряд недоуменных вопросов Какие признаки госпредприятий мешали Ленину признать эти последние социалистическими в полной мере? Почему в таком случае колхозы характеризуются партией как предприятия социалистического типа? и пр. и пр.

Разберемся же во всех этих вопросах.

Прежде всего, верно ли, что Ленин для характеристики наших госпредприятий употреблял всегда только одно выражение: предприятия последовательно-социалистического типа? Нет, неверно. Предприятия, принадлежащие советскому государству, Ленин называл и социалистическими и последовательно-социалистическими. Так, он говорил, что наши фабрики — это «социалистические фабрики», что «это есть социализм» [1]). Пятый уклад советской экономики Ленин характеризовал так: «пятое—социализм» [2]). В той же статье «О продналоге», из которой взяты предыдущие цитаты, Ленин писал: «...восстановить сразу (подчеркнуто Лениным) крупное, фабричное, государственное, социалистическое (подчеркнуто нами *Н. К.)* производство мы не можем» [3]).

В противоположность учению Ленина о пяти укладах советской экономики и о социалистическом характере производственных отношений на наших госпредприятиях, троцкистско-зиновьевская оппозиция выдвинула, как известно, тот взгляд, что советский государственный сектор хозяйства, как и вся советская экономика в целом, представляет собой «госкапитализм в пролетарском государ-

---

[1]) Т. XVIII, ч. 1, стр. 182.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр. 198.

стве». Троцкистско-зиновьевская оппозиция поставила, таким образом, знак равенства между производственными отношениями на государственных предприятиях, с одной стороны, и производственными отношениями на концессионнных и арендных предприятиях, с другой. Этим самым пролетарское государство, в качестве владельца хозяйственных предприятий, противопоставлялось рабочему классу совершенно так же, как капиталистический предприниматель противостоит наемным рабочим.

Ясно, что мы имеем здесь два взаимно исключающие представления относительно социального типа наших госпредприятий: одно, ленинское и другое—меньшевистское, обнаруживающее полную неспособность его сторонников понять ту простую истину, что поскольку речь идет о государственном секторе, то не может быть ни капитализма, ни госкапитализма там, где нет капиталистов, где существует один класс рабочих, который, применяя принадлежащие ему в лице его государства средства производства, осуществил тем самым социалистический тип производственных отношений. Характеристика социально-экономической природы советских государственных предприятий, как последовательно-социалистических, отнюдь не отменяется товарно-денежной формой связи между ними, так как это только внешняя форма хозяйственных расчетов между принадлежащими пролетарскому государству предприятиями. Эта характеристика не отменяется также наличием отдельных бюрократических извращений в государственном хозяйственном аппарате, так как эти извращения не упраздняют основного и решающего факта, заключающегося в владении рабочим классом применяемыми им средствами производства. Эта характеристика не отменяется, наконец, проявлением классовой борьбы на госпредприятиях в форме вредительства и пр. со стороны отдельных буржуазных специалистов, ибо факт этой борьбы как раз подтверждает социалистический характер государственного хозяйства, к разрушению которого стремятся агенты буржуазии.

Но к социалистическому сектору Ленин относил не только государственные, но также и кооперативные предприятия. Однако, вопрос об оценке Лениным социально-экономической природы кооперации во всех ее видах не является ясным для многих тт., как можно об этом судить по письмам. Указывая на те высказывания Ленина, где он говорит в 1921 г. о кооперации как «виде государственного капитализма» [1]), тт. просят об'яснить, относил ли Ленин кооперацию к социалистическому или к госкапиталистическому сектору?

Для того, чтобы правильно понять учение Ленина о кооперации, следует уяснить себе, что взятая сама по себе, т.-е. независимо от того хозяйственного строя, в условиях которого она развивается, кооперация вообще не может получить никакой социально-экономической характеристики. Эту последнюю кооперация приобретает только и исключительно в зависимости от типа тех общественных отношений производства, которые она обслуживает. В условиях буржуазного общества кооперация мелких товаропроизводителей обслуживает капиталистическое развитие товарного хозяйства. Поэтому Ленин и говорил, что «кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением» [2]).

Принципиально иное значение приобретает кооперация в условиях пролетарской диктатуры: «кооперация в наших условиях, писал Ленин, сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» [3]); «простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма», так что «при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве» [4]).

Это писано Лениным в 1923 году. А в 1921 году Ленин рассматривал кооперацию как «вид государственного капитализма». Что же понимает Ленин под государственным капитализмом в условиях пролетарской диктатуры? Это, конечно, совсем не «тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо себе подчиняет те или иные капиталистические предприятия», так как «у нас государство пролетарское» [1]).

[1]) Т. XVIII, ч. 1, стр. 202.
[2]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 133.
[3]) Там же.
[4]) Там же, стр. 134.

> «Государственный капитализм, это тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство—это рабочие» [2]).

Наиболее типичной формой госкапиталистических предприятий в наших условиях являются концессионные предприятия. Они, как пишет Ленин, представляют собой «пример того, как советская власть направляет развитие капитализма в русло государственного капитализма, как она «насаждает» государственный капитализм» [3])

Чем же об'ясняется эта различная оценка Лениным социальной природы кооперации? Это легко понять из сравнения того экономического положения, в каком находилась страна во время перехода к нэпу и спустя два года после этого. В 1921 году государственная промышленность, транспорт, как и весь вообще государственный сектор хозяйства, находились в состоянии упадка. В состоянии упадка находилось все народное хозяйство в целом. Для их под'ема предполагалось, наряду с развитием государственного сектора в экономике страны, во-первых, весьма значительное привлечение иностранного капитала в форме концессий, во-вторых, сдача части предприятий на условиях аренды «отечественным» капиталистам, в-третьих, всемерное оживление мелкого производства, мелкого предпринимательства.

В условиях, когда мы были слабы, когда мы отступали, когда капитализм развивал бешеную энергию, стремясь овладеть экономикой страны, в этих условиях крестьянская снабженческо-сбытовая кооперация,—а речь в то время шла преимущественно о ней—осуществляла бы под руководством пролетарского государства функции организации товарообмена не только (и в течение известного периода не столько) между социалистической промышленностью и крестьянством, но также (и сколько) между крестьянством и госкапиталистической промышленностью. В этих условиях кооперация на базе мелкого производства неизбежно выделяла бы капиталистов, была бы очагом, откуда росли бы регулируемые и ограничиваемые пролетарским государством капиталистические отношения. Поэтому Ленин и относил кооперацию в этот период к госкапиталистическому укладу советской экономики. Но так как допущение госкапитализма бралось Лениным в общем **едином** плане построения социализма в нашей стране, так что госкапитализм должен был быть поставлен на службу социализму, то ясно, что и кооперация как орудие, облегчающее об'единение, организацию мелких производителей тем самым обслуживала бы задачу социалистического строительства.

> «Кооперация, как форма торговли,—писал Ленин в 1921 г. в «Продналоге»,—выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, **есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму**». (Т. XVIII, ч. 1, стр. 219). (Подчеркнуто мною. *Н. К.*).

Одного этого положения достаточно, чтобы опрокинуть вздорные построения любителей «углублять» Ленина путем приписывания ему двух планов социалистического строительства, как это пытался не так давно делать тов. Бухарин.

[1]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 31.
[2]) Там же, стр. 32.
[3]) Т. XVIII, ч. 1, стр. 200.

К 1923 году, когда Ленин писал свою статью о кооперации, положение существеннейшим образом изменилось. Во-первых, иностранный капитал не пошел к нам в том размере, в каком это предполагалось, вследствие чего госкапиталистический уклад в качестве одного из элементов единого плана социалистического строительства не получил в экономике страны такого развития, при котором он оказывал бы заметное влияние на общий характер ее экономического строя. В то же время, во-вторых, рабочее государство в непрерывной борьбе с частно-капиталистическим сектором само стало весьма успешно поднимать и налаживать государственную промышленность, являющуюся последовательно-социалистической формой хозяйства. Ее господствующая и ведущая роль в развитии экономики страны стала очевидной.

В этих условиях кооперированием крестьянства на почве обращения все более укрепляется непосредственная смычка между социалистической промышленностью и сельским хозяйством, т.-е. между рабочим классом и крестьянством при руководящей роли рабочего класса. В силу этого решающего факта кооперация и относится Лениным к социалистическому сектору советской экономики. В статье «О кооперации» Ленин пишет, что

> «должно сейчас же начать развивать этот «кооперативный» принцип так, чтобы всякому и каждому было ясно его социалистическое (подчеркнуто нами. *Н. К.*) значение», ибо кооперация является средством «практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении» [1]) (Подчеркнуто Лениным).

Само собой разумеется, что социалистический характер кооперации был завоеван пролетариатом в борьбе с капитализмом вообще и в частности с частно-капиталистическими тенденциями внутри кооперации. Только в результате укрепления командных позиций пролетариата в экономике страны, только в результате политики ограничения капиталистических элементов, проводимой партией на базе союза рабочего класса и бедноты с середняком, мы достигли и закрепили социалистический характер кооперации, достигли решающих успехов в деле вытеснения капитализма из сферы обращения. Однако, социалистический характер кооперации отнюдь не исключает а, наоборот, предполагает наличие элементов классовой борьбы внутри кооперации до тех пор, пока в нашей стране не существует мелкое производство, порождающее частно-собственнические тенденции развития.

Учение Ленина о социалистическом в наших условиях характере кооперации во всех ее видах прежде всего применимо к колхозам, поскольку они в качестве производственно-кооперативных предприятий представляют собой высшую форму кооперативного движения, которая в отличие от кооперирования обращения является средством непосредственного выкорчевывания корней капитализма, средством непосредственного социалистического переустройства сельского хозяйства. В полном соответствии с учением Ленина и в развитие этого учения на основе дальнейшего развития нашей революции т. Сталин дал известное определение социально-экономической природы колхозов: «Колхозы, как тип хозяйства, есть одна из форм социалистического хозяйства» [2]).

Само собой разумеется, что, например, троцкисты, защищающие против ленинизма меньшевистскую теорию о «невозможности построения социалистического общества в отдельной стране, к тому же отсталой», не могут согласиться с этой ленинской характеристикой социальной природы наших колхозов. Эти неумные господа теперь считают, что между колхозной и частно-собственнической формами развития сельского хозяйства нет никакой разницы по существу, так как обе они, дескать, одинаково ведут сельское хозяйство по капиталистическому пути. Тем не менее колхозы, по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяй-

---

[1]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 130.
[2]) «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 22.

ствами, «представляют, как пишет Троцкий, важный шаг вперед» в том отношении, что являются наиболее, по его мнению, удобной формой приспособления капиталистического развития сельского хозяйства к условиям советского режима.

Можно ли полнее разоблачить всю контрреволюционную сущность троцкизма, чем сделано это в до цинизма откровенных разглагольствованиях этого героя левой фразы? Провозглашение неизбежности капиталистического развития сельского хозяйства в стране пролетарской диктатуры; признание этого типа развития сельского хозяйства прогрессивным явлением, как прямая по существу апология аграрного капитализма—вот какова действительная сущность троцкизма, вот каково его действительное нутро, прикрытое хвастливой и звонкой, псевдореволюционной трескучей фразой!

В пределах каждого коллективного хозяйства, организованного на основе обобществления всех основных средств производства, между всеми его участниками создаются одни и те же отношения к этим средствам производства как об'екту коллективной собственности: никто из колхозников не является внутри колхоза единоличным владельцем ни всех, ни известной части обобществленных средств производства. Это относится в равной мере как к неделимому фонду, так и к фонду, составляющемуся из паевых взносов членов колхоза. Так как паевые взносы частично изымаются из обобществления только в случае выхода кого-либо из коллектива, то до тех пор, пока эти взносы находятся в распоряжении колхоза, они не составляют внутриколхозной собственности отдельных лиц, а представляют собой обобществленный фонд.

Принципиальное отличие колхозной формы собственности от формы собственности индивидуальной и состоит в том, что колхозники не противостоят друг другу в качестве частных владельцев средств производства, как противостоят друг другу крестьяне-единоличники, но, наоборот, об'единены отношениями общей собственности. Следовательно, в колхозе нет деления людей на такие социальные группы, из которых одна владела бы средствами производства и вследствие этого эксплоатировала бы другую социальную группу, не имеющую средств производства. Этим, конечно, не отрицается то положение, что в колхозах еще остается почва для классовой борьбы, в силу чего имеет место и классовая борьба, но об этом дальше.

Каковы же отношения между колхозниками по поводу распределения дохода? Из устава с.-х. артели известно, что та часть дохода артели, которая выделяется в качестве фонда индивидуального потребления, в основной своей части распределяется между колхозниками соответственно количеству (с известной поправкой на вид и качество работы) вложенного в коллективное хозяйство труда. Это есть в основе своей социалистический принцип распределения. Если бы основным принципом распределения потребительского фонда (в продуктах и в деньгах) являлся принцип распределения его соответственно размерам тех взносов (деньгами и средствами производства), которые сделаны каждым колхозником, то это была бы такая форма распределения, которая давала бы возможность более зажиточной части колхозников эксплоатировать бедняцкую их часть. Ясно, что такой принцип распределения мог бы служить основой социалистического развития колхозов.

Некоторая небольшая часть дохода, не предназначенного для производственных целей, может быть, как известно, распределена между колхозниками соответственно размерам внесенных ими в обобществленный фонд средств производства и вступительных взносов; однако, распределение, производимое в этой форме, поскольку последняя не является основной и кроме того служит лишь временной мерой, рассчитанной на вовлечение в колхоз середняка, отнюдь не может служить опровержением в основном социалистического характера распределительных отношений между колхозниками. Это лишь свидетельствует о том, что было бы неправильно совершенно игнорировать неизжитые еще среди колхозников пережитки мелкособственнических тенденций и от мелкобуржуазной формы распределения, свойственной простым товарным производителям, перепрыгивать сразу к чисто

социалистическим принципам распределения. Что же касается обязательств колхоза по отношению к нетрудоспособным его членам, то едва ли нужно упоминать о том, что эти обязательства не содержат в себе никакого нарушения в основном социалистического принципа распределения дохода.

Тт. спрашивают: создается ли в колхозах прибавочный продукт и кем он присваивается?

Если под прибавочным продуктом понимать ту часть продукции, которая производится сверх расходов по поддержанию хозяйства на том же уровне и оплате труда, то прибавочный продукт, как во всяком развивающемся хозяйстве, независимо от его общественной формы, в колхозах создаваться должен и будет. Одна часть этого прибавочного продукта, частью непосредственно (напр., семена, скот и пр.), частью через обмен ее на другие предметы, будет употребляться на расширение хозяйства колхозов; другая же часть (меньшая) будет поступать в виде налогов в распоряжение государства. Но это не значит, конечно, что в колхозах будет создаваться прибавочная *стоимость*. Прибавочная стоимость есть особая, именно капиталистическая, форма эксплоатации. Производственные же отношения колхозов построены на отсутствии эксплоатации. Что же касается прибавочного продукта, то в капиталистическом обществе он является натуральным (вещным) выражением прибавочной стоимости, как определенного классового отношения (отношения эксплоатации рабочих капиталистами). Напротив, в колхозах, как и вообще в предприятиях социалистического типа, прибавочный продукт принадлежит тем, кто его создал, а не присваивается другим, эксплоататорским классом. Отсюда ясно, что прибавочный продукт социалистических по типу предприятий имеет принципиально иное социально-экономическое значение, нежели прибавочный продукт капиталистических предприятий.

Предпринятое нами рассмотрение отношений производства и распределения в колхозах показало, что колхозы являются предприятиями социалистического типа. Когда мы говорим о колхозах, мы имеем в виду, конечно, не всякий колхоз, а лишь ту огромную, подавляющую их массу, которая организована из батраков, бедноты и середняков и находится под руководством рабочего класса. Но среди колхозов попадаются также в отдельных немногих случаях и лжеколхозы, кулацкие колхозы. Защитниками хозяйств этого типа выступали, как известно, правые, требовавшие от партии, чтобы она поощряла развитие таких «кулацких кооперативных гнезд», ибо эти «гнезда», как уверяли правые, будут будто бы так же, как и бедняцко-середняцкие колхозы, «мирно врастать в социализм». Никакого социализма из кулацких об'единений, конечно, не получилось бы: наоборот, из них стал бы расти капитализм. Поэтому партия и ведет борьбу с «гнездами» этого типа.

Но было бы совершенно неправильно думать, что принятием колхозами разработанного под руководством нашей партии устава уже создаются абсолютные гарантии дальнейшего развития колхозов в социалистическом направлении. Такое представление было бы вреднейшей иллюзией. Устав представляет собой ту основу, на почве которой внутри колхозов будет еще происходить борьба за дальнейший социалистический путь их развития против пережитков мелкособственнической психологии среди колхозников. В этой борьбе социализма против остатков мелкособственнической психологии среди колхозников рабочий класс должен и может обеспечить победу социализма.

«Было бы ошибочно думать, — говорит т. Сталин, — что ежели даны колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества» [1]).

---

[1]) «К вопр. агр. политики в СССР», стр. 26.

Классовая борьба внутри колхозов будет иметь для пролетариата своей целью перевоспитание колхозников в духе социализма. Указанной цели должны соответствовать и методы этого рода классовой борьбы. Отсюда ясно, что характер классовой борьбы внутри колхозов не может не отличаться коренным образом от классовой борьбы вне колхозов, направленной против кулачества.

«Что значит классовая борьба вне колхозов, до образования колхозов? Это значит — борьба с кулаком, владеющим орудиями и средствами производства и закабаляющим себе бедноту при помощи этих орудий и средств производства. Эта борьба представляет борьбу не на жизнь, а на смерть. А что значит классовая борьба на базе колхозов? Это значит, прежде всего, что кулак разбит и лишен орудий и средств производства. Это значит, во-вторых, что бедняки и середняки об'единены в колхозы на базе обобществления основных орудий и средств производства. Это значит, наконец, что дело идет о борьбе между членами колхозов, из коих одни не освободились еще от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в колхозах в свою выгоду, а другие желают в процессе дальнейшего развития колхозов переводить их на более высокую ступень обобществления и изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство. Не ясно ли, что только слепые не могут видеть разницы между классовой борьбой на базе колхозов и между классовой борьбой вне колхозов?» [1]).

Поэтому наличие элементов классовой борьбы в колхозах при обеспечении за рабочим классом руководства в этой борьбе отнюдь не может служить доводом против характеристики колхозов как предприятий социалистического типа.

Простое товарное хозяйство по форме собственности однотипно с капиталистическим (частная собственность на средства производства); колхоз же есть одна из форм предприятий социалистического типа. Но как простое товарное хозяйство еще не есть капитализм, так и колхоз не есть еще развернутый социализм. И тут мы подходим к последнему вопросу нашей темы — к вопросу о различии между колхозами и госпредприятиями.

Это различие состоит в следующем. Все госпредприятия в целом и каждое из них в отдельности принадлежат не отдельным группам рабочего класса, работающим на тех или иных предприятиях, а всему рабочему классу, об'единенному в государство. В соответствии с этим вся продукция, вырабатываемая государственным хозяйством, не является собственностью отдельных групп рабочих или отдельных предприятий, а вся целиком и в отдельных своих частях принадлежит опять-таки рабочему государству. Точно так же обстоит дело и с доходом, получаемым в государственном хозяйственном секторе. Выступая как продавцы и покупатели в отношении друг друга, госпредприятия не противостоят одно другому в качестве обособленных собственников: купля-продажа внутри государственного сектора есть лишь форма распределения произведенной продукции соответственно производственным планам.

В колхозе же, в том числе и в коммунах, обобществление средств производства еще далеко не достигло такой высокой степени развития. Юридическими собственниками колхозных средств производства, за исключением, конечно, земли, являются не государство и не вся колхозная система в целом, а отдельные группы об'единенных в артели и коммуны лиц, владеющих этими средствами производства на началах коллективной собственности. Поэтому продукция в целом и доход (за вычетом налогов) принадлежат тому колхозу, который их выработал. В качестве коллективного собственника каждый колхоз продает товарную часть своей продукции и покупает необходимые ему предметы. Отсюда видно, что отношения между государством и колхозами, как и между колхозами в отношении друг друга, иные сравнительно с взаимоотношениями между госпредприятиями. Правда, колхозы продают свою продукцию государству и, как правило, в порядке контрактации. Покупают же нужные им предметы также у государства через систему потребительской и сельскохозяйственной кооперации. Но это не отменяет того факта,

---

[1]) *Сталин*, К вопросам аграр. политики в СССР, стр. 26.

что у колхозов и госпредприятий имеются пока еще различные взаимоотношения с государством и между собою. Все сказанное относится и к коммуне, которая вследствие этого не может быть приравнена по своим производственным отношениям к государственному предприятию, хотя представляет собой более высокую форму производственно-кооперативного предприятия сравнительно с сельскохозяйственной артелью.

Итог, к которому мы пришли, состоит в том, что как госпредприятия, так и колхозы являются предприятиями социалистического типа, но что, кроме того, колхозы являются более низкой ступенью социалистической формы сравнительно с госпредприятиями и что поэтому в наших условиях они должны будут развиваться в направлении превращения в предприятия, средства производства, продукция и доход которых составляют собственность всего общества.

Указание Ленина на то, что наши госпредприятия имеют не только социалистический, но и последовательно-социалистический характер и отмечает именно это различие между госпредприятиями как более высокой ступенью социалистической формы и кооперацией, в частности, стало быть, колхозами, как более низкой ступенью этой же формы. Выражение «последовательно-социалистический» указывает на самую высокую, наиболее последовательно осуществленную на нынешнем этапе в госпредприятиях форму социалистических отношений производства, по сравнению с которыми колхозы представляют более низкую форму социалистических производственных отношений.

Но это не значит, конечно, что на наших госпредприятиях социалистические отношения достигли своего законченного развития. Такое положение немыслимо вообще, так как развитие социалистических производственных отношений никогда не может достигнуть такого уровня, который делал бы ненужным или невозможным дальнейшее движение вперед.

Что же касается конкретно наших госпредприятий, то осуществленный в них тип последовательно-социалистических отношений должен и будет развиваться, совершенствоваться и в направлении непрерывного улучшения организации и управления производством, в корне устраняющего бюрократизм, в смысле под'ема материального и культурного уровня рабочих масс и их перевоспитания, а также постепенного уменьшения различий в материальном положении отдельных слоев рабочего класса и т. д. Само собой разумеется, что денежная форма учета и производства и расчета между госпредприятиями должна будет на известном этапе уступать место иным, более совершенным формам планового хозяйства.

Н. КОНСТАНТИНОВ.

Почта отдела консультации.

Посланы ответы почтой тт.: Юрасову, А. И. (Быково), Соломатину, П. И. (Щелково), Малотаеву, И. В. (Михайлов), Гирш и Гриценко (Харьков), Мельникову (Ташкент), Петрову, Л. Б. (Москва).

Главлит № А—54800. Москва. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда" Тверская, 48.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 11—12 30 ИЮНЯ № 11—12

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"